

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhlib.am/>

E-mail: info@artsakhlib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhlib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhelibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

Моя Мокша

Хачатрян С. А.

Моя Москва

Издательство «Перо»
Москва 2018

УДК
ББК
Х

Хачатрян С.А.
Х Моя Москва. – М.: Издательство «Перо», 2018. – 334 с.

ISBN 978-5

УДК
ББК

Хачатрян Самвел Александрович

Моя Москва

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать . Формат 60×90/16.
Бумага . Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ .
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»

Седой маэстро

Эй, седой маэстро, заводи рояль!
Сегодня наши песни понесутся вдаль.
Разорви все струны, «клаву» поломай,
Разбросай все ноты по дороге в рай.
Наполняет Родины старые меха
Новая мелодия моего стиха.
Сумасшедшей музыки неземная страсть,
Все законы физики потеряли власть,
Сердце в невесомости, в облаках душа,
Без зазрения совести можно подышать,
Обнажая женщину, целовать уста
И в галопе бешеном памятником стать.
Нет такой породы, рушится гранит,
Предъявить народу мой армянский лик.
Будущее племя принесет цветы
Им, слеза скупая сорвется с высоты
На курносый носик или на ладонь.
Вознесется в небо мой крылатый конь.
Строчками покроется пожелтевший лист,
Пресвятая Троица грешного простит.

Из вчерашней зимы

Из вчерашней зимы
Я к тебе возвращаюсь,
В объятия твои, в поцелуи твои,
Сердце солнцем горит,
Мысли стаей летают
С золотистыми листьями
Нашей любви.

Из холодной зимы
В разноцветную осень,
К милой моей
По немилой земле,
Сердце солнцем горит,
Мысли стаей летают
С пожелтевшими листьями
Нашей любви.

Из глубин непогод –
В безграничное счастье,
Возвращаюсь домой,
Зови, не зови.
Сердце солнцем горит,
Мысли стаей летают
С золотистыми листьями
Нашей любви.

День не день, час не час,
Даже миг не мгновенье
Без общения с тобой,
Дорогая моя.
Сердце солнцем горит,
Мысли стаей летают
С пожелтевшими листьями

Хочешь верь, хочешь нет,
Я с тобой откровенен.
Ты мой ангел, мой свет,
Вдохновенье мое.
Сердце солнцем горит,
Мы все выше и выше,
С разноцветными листьями
Нашей любви

Из невиданных снов –
В мечты, наважденья,
Без тени сомненья,
По воле Богов.
Сердце солнцем горит,
Мысли стаей летают
С золотистыми листьями
Нашей любви.

Армения

Армения – мечты и горы,
Живой грохочущий вулкан,
Горячие, как угли, взоры
И несравненный Ереван.

Дома из розового туфа,
Двуглавая, как герб, гора,
Народ, идущий на Голгофу,
За веру друга и врага.

Армения – живая песня,
Родная нежная душа,
Живи, люби, мечтай, надейся,
Благословляю каждый шаг.

В Пенсильвании русские березки

В Пенсильвании русские березки
Ласкою встречают у дорог.
– Я, мои невестушки, не русский,
Но люблю язык ваш и народ.

Придавив педали, что есть силы
Бросился в объятия берез.
– Милые, давно ли из России,
Как в земле чужой вам прижилось?

На смерть Олега Мамиева, позывной «Мамай»

Прости нас, брат Мамай!
Праздник, не приедем.
Весна в России, Путин, снова май
И этот, из песочницы, Медведев.
Ты знаешь, говорят, что где-то рай,
Мы встретимся на Родине в Осетии,
В Армении, в Нагорном Карабахе.
Слышишь, брат, живи, не унывай!
Герой, как и поэт, не умирает.
Прости нас, брат Мамай!

Лазурны облака

Лазурны облака в Missouri.
Средь безмолвия озер
Вспыхивают ее зори,
Зажигая склоны гор.
Алым утренним туманом
Наполняя паруса,
Я целую, дорогая,
Небеса в твоих глазах.

Среди белых березок

Среди белых березок
И не шумных дорог,
Там, где солнце такое красивое,
На северо-западе штата Нью Йорк
Есть город с названием Россия.
Огромные ивы окунают листву
В прозрачные, быстрые реки,
И память волною уплывает в Москву,
Кругами пустив мои цепи.

Песнями, не спетыми Есениным

За букетом беленькой сирени
Спрятав седину свою и грусть,
Песнями, не спетыми Есениным,
В Русь голубоглазую вернусь.

Не спеша, беспечною походкою,
По знакомым улицам пройдусь.
Я напьюсь тобою ,словно водкою,
Горькая ,хмельная моя Русь.

Оттосплюсь, поеду в Константиново,
Родине поэта поклонюсь,
Песнями, не спетыми Есениным,
Зацветет сиреневая грусть.

Солнце первым лучом греет зимнее утро

Солнце первым лучом греет зимнее утро,
Куриным яйцом с неба смотрит луна.
Бегут города,выбегая навстречу,
Привет, неродная, чужая страна.

С зимних дорог разлетается иней,
После всех непогод растает мой след,
А в любимой моей, в синеокой России
Ждет не дождется родной человек.

Когда я вернусь, все будет иначе:
Домашним теплом встретит родня,
Но старая мать уже не заплачет,
Уже не обнимет седого меня.

До самых глубин, где душа обитает,
Откуда все слезы начало берут,
Вдохну свое горе, «Прости» скажу маме
И крест на могилке ее обниму.

В подмосковном дворе покачнутся березки,
Иглами сосны всю душу прошьют,
Ветер развев с листвой мои годы,
Птицы по буквам песню склюют.

В твоих глазах, как в небе над Айдахо

В твоих глазах, как в небе над Айдахо,
Манящая, безоблачная синь,
Встревоженных грудей нежнейший бархат
В молящем стоне:
«Господи, прости».
Но грех ли это, милая, любить
И отдаваться чувствам на закланье.
Когда со мной взлетаешь выше птиц,
В восторге затаив свое дыханье.

Средь зимы нашел кусочек осени

Средь зимы нашел кусочек осени,
На границе с Мексикой тепло.
Пограничник спрашивает «ксивы»,
Его сучка машет мне хвостом.
Мне по фаренгейту соггу градусы,
Тут и там чужая мне земля,
Над полями бесконечных кактусов
Лишь одна знакомая звезда.
Да и та в такой большой медведице,
Как и я, немножечко в плену,
Не мигая, еле-еле светит,
Разменяв на доллары страну.
Измеряя время поворотами
Вольной необузданной судьбы,
Рассыпаюсь маленькими нотами
На огромной плоскости земли.

Теория невероятности

Считываю с вас все знаки
Запрещенные. Иней
В остывшем сердце
Стекает кровью.
Привет!
Ваш аромат в каждом прожитом слове.
Букет полевых цветов.
Не до герани,
Море дорожных воспоминаний
В моей обители.
На колесах холодная пыль
Неуходящей осени.
Откручиваясь от реальности,
Жду от вас новостей,
Чтобы написать
Из тридевятого царства
Героине чужих сказок.
Слезы на глазах,
Полотна раздвигают пространство
Между нашими горизонтами.
Океан без понтов.
Вы одна на весь мир.
Стерва.

Письмо Стерве

Раньше, когда ты была любима,
 До смерти в прелести Листа
 Прощупывая сердцебиение,
 Я с тобой замирал.
 Это было, мне не дадут соврать,
 Твоих строчек кружева
 Лечили мою уставшую вязь,
 Слезы сверкали в глазах,
 Оживали лилии, дарили нектар,
 Души возвращали Богу,
 Долги летАми лЕтами.
 Без аплодисментов
 Я был готов слушать
 Твое безмолвие.
 Моя неземная дикость
 Разливалась по сцене,
 Под занавес времени
 Не хватало тобой дышать,
 Удовольствие парило в небе.
 Твоя звезда,
 Стерва,
 Закатилась,
 Милая, я тебя написал
 Заново, моя жизнь.

Война

Когда морги завалены трупами,
 И некому их опознать,
 Война между нами, – глупыми.
 Я тоже иду воевать.
 Мутной, пахучей водкою
 Отмерив свое нутро,
 Опохмельной наводкою
 Стреляю в чужой народ.
 Раньше ходили в гости,
 Накрывали столы.
 Без радости и злости
 Остывают стволы.
 Уже не плюются пули,
 Суховато во рту,
 А в сапогах мозоли.
 Танки, смотри, идут.
 Надежда одна на Бога.
 Гена, стреляй же, брат,
 Бронебойным, Серега.
 Железяки горячаяаяаяят.
 Разворачивай дышла,
 Давай, азербля, пошла,
 Не помогут вам СУшки,
 В небе моя душа.
 Кружка, кусочек мыла,
 Свежие раны, боль.
 Господи, дай мне силы
 Снова подняться в бой.

Веки

Энергией солнца, вулкана,
Силой вселенских стихий
Любовная песнь хулигана,
Тебе, дорогая, стихи.
Музою русского слова,
Таинством горных вершин,
С верой моею христовой
Целую во веки. Аминь!

Милому другу

Не вынуть, не выплеснуть счастье из памяти,
Вас невозможно забыть,
Вы мне милы и по-прежнему нравитесь,
Я продолжаю любить.
Вы не прошли хулиганского детства,
Не видели горя войны,
Скажу, как поэт, без тени кокетства,
Живите в пределах страны.
Там, где жила и родила вас мать,
Где с друзьями ходили вы в школу,
Землю родную нельзя забывать,
Кресты на могилах – тем более.

Милая, ты самая красивая

Я хочу тебе сказать,
Милая, ты самая красивая,
Самая хорошая, милая моя.
Не устану целовать тебя.
От начала до конца
Моих строчек и полслова не отнять,
Я хочу тебе сказать,
Милая, ты самая красивая,
Самая хорошая, милая моя.
Как звезда, как солнышко, горишь,
Светишь, излучая благодать.
Я хочу тебе сказать,
Милая, ты самая красивая,
Самая хорошая, милая моя.
Лондон, Нью-Йорк и Париж,
В твоих сверкающих глазах –
Голубые небеса.
Я хочу тебе сказать,
Милая, ты самая красивая,
Самая хорошая, милая моя
Не устану целовать твои
Вкусно-сладкие уста,

Я хочу тебе сказать,
Милая, ты самая красивая,
Самая хорошая, милая моя
Я хочу тебе сказать...

Милые мои, если вы любите, эти стихи ваши тоже, и никаких авторских прав.

Этой стерве

Я не выживу боль влетает в мой лабиринт стаей и бьет-ся ключом твоего изящества беременностью рифм не отдать долги лечащим всем врачам завещаю раны своей души не вылечить одноразовыми чудесами стервозных знакомых фей их ядом чур не сразу медленно тупым ножом вырезая случайные мысли прошу оставить во рту язык отныне и навсегда говорящий с акцентом на самом прекрасном русском повторяю для всех я обожаю стерву слышишь воробушек из какого ты ряда волшебных воздушных строк так очаровал меня гада по ком не первый блин ад начальной казался школой верховой езды не случайно горят деревни избы горят дома до свиданья Россия стерва пока.

Рэп

Вашу мать, я черножопый,
Мадэфакэ, президент.
Довели до катастрофы
Бледнолицые весь свет.
Как в металле, в черной масти,
Все упруго, сила есть.
Не обидел бог и страстью,
Дальше стоп, не будем лезть.
Вы нарисовали доллар,
Посадив всех на процент,
Вместо равенства и воли
Удлинили просто цепь.
Потому и час мой пробил,
Что народ уже воскрес,
И не только черножопый,
Абсолютно черный весь,
Как в металле, в черной масти,
Все упруго, сила есть,
Не обидел бог и страстью,
Дальше стоп, не будем лезть.
От контрастнейшего брака
Я, Хусейнович Барак,
Не – цветных поставлю раком,
Сами виноваты. Фак.
Не в звезду ваш свод законов
И рецепты не в звезду,
Натянув на флаг кондомы,
Черножопые идут.

Дождь прошел

Дождь прошел, как будто не был,
 Целы, невредимы облака,
 На чужом, бездушном небе
 Не увидеть солнечный закат.
 То было вчера, сегодня в Бронксе
 Месиво бетонное кипит,
 Солнце небоскребы жалом косит,
 Рассыпая стекла и гранит.
 Не летают чайки. Над Гудзоном
 Вашингтонский мост дугой завис,
 Заплатив, гуляю я по зоне,
 Где, увы, гниет капитализм.

Шухрат-акя

Мне в Ташкенте утром рано
 Режут черного барана,
 На огне томится плов,
 Я узбеком стать готов.
 Разложившись на топчане,
 Пью зеленый чай в чапане,
 С дамский пальчик виноград
 Мне подносит сам Шухрат –
 Самый главный в чайхане.
 Был он в Мекке, на войне,
 Удивительный старик,
 На арабском говорит.
 – Бисмылла рахмон рахим.
 Напишу о нем стихи.
 Ассалом, Шухрат-акя,
 Будешь жить в моих строках,
 Не забыть твой дивный плов,
 Хоп-хайр, будь здоров.

Ни в том, ни в другом и ни в этом

Ни в том, ни в другом и ни в этом –
 В таком необычном году
 Предстану пред вами поэтом,
 Тогда и меня издадут.

Эксклюзивною твердой обложкой
 Пройдусь я по женским рукам,
 И, может, под вашей подушкой
 Согрею я душу, Мадам.

Встревоженный нежным дыханьем,
 Вдохнув между строк аромат,
 Последним нескромным желаньем
 Листну вам страницу назад.

В разных полушариях

В разных полушариях
Пала с неба звезда,
До чего похожие
Наши глаза.
Мама, мама, маменька,
Слышишь, мама-джан,
Я остаюсь в Америке,
Не приеду к вам.
Очень длинными милями
Связан по ногам,
До свидания, милая,
Позвоню, пока.
В трубку телефонную
Не простится мать.
– Дорогой сынуленька,
Мне скоро умирать.
Если не увидимся
До этой весны...
Береги себя, сыночка,
До свидания, сын.
В разных полушариях
Пала с неба звезда.
До чего похожие
Наши глаза.
Мама, мама, маменька,
Слышишь, мама-джан,
До свиданья, милая,
Живи – не умирай.
В разных полушариях
Пала с неба звезда,
До чего похожие
Наши глаза.

За оградой кладбища
Скромный мамин крест,
Венки от товарищей,
Мне не долететь,
Очень длинными милями
Связан по ногам,
Дорогая, милая
Извини меня, МАМ.
В разных полушариях,
Пала с неба звезда,
До чего похожие
Были глаза.

Под бременем прожитых лет

Под бременем прожитых лет
Земляки мои скажут, философы,
Жил у нас русский поэт
С армянской душой и профилем.
Звезду назовут моим именем,
Да что там звезду – школу,
В которой прошедшим временем
Я запрягал глаголы.
А если найдут могилу,
Высекут из металла
Надгробия половину.
Меня всегда не хватало.

Утренний воздух

Утренний воздух прекрасен и чист,
С запахом свежего хлеба.
Теплые строчки чиркну я на лист.
Холодного зимнего неба
Над горизонтом горят облака,
Музыкой ветра, как Моцарт,
Светлыми нотами нового дня
Разогреваю вам солнце.

Далай – Лама

Тебе в Тибет
Вернуться, Далай– Лама,
На Родину вернуться
Дай– то Бог.
И мне домой
Не поздно и не рано.
Устал я, Далай– Лама,
От дорог.
До лампочек достали,
Далай– Лама,
Противен стал
Неоновый рассвет.
Так хочется
Прикинуться мне пьяным
И всех послать
Подальше, чем Тибет.

Асталависта

Остановись-ка.
Видишь, за чертою
Ни одной страдающей души,
Довели и наши до убийства,
Дьяволу продал их за гроши.
Асталависта.
Дома, за границей,
Холодом развеяло очаг,
Некому уже остановиться,
Метроном отсчитывает шаг.
Асталависта.
Никогда не поздно,
Даже нажимая на курок,
Помолись, не падай очень низко,
О тебе заботится сам Бог.

Средь пестрот осеннего хаоса

Средь пестрот осеннего хаоса
Неубранного хлопка благодать
Вдохнула в разгулявшуюся осень
Девичью неразгаданную страсть.
Красивее свадебного платья
Это поле, словно выпал снег.
Я навстречу выпавшему счастью
Ускоряю в осени свой бег.

Волчий каньон

Огрызок луны с немытою рожей
Мигнул желтым светом и канул в ночи,
Я, выжимая все соки из клячи,
Полз, подметая хвостом виражи.

В волчьем каньоне не километры –
Миля с железом зарыты в бетон.
Тут не поют сумасшедшие ветры,
Воют по– волчьи, как бабы, ревут.

Канкан

Канкан мне танцуют на мокрой дороге,
Среди невысохших луж,
Где солнце зажгло лучистые свечи,
Асфальт превратив в Мулен Руж.
До облаков поднимаются ноги
Красавиц. Духов аромат.
Вытянув руки, можно потрогать
Их груди. Прекрасен Монмартр
В картинах Лотрека
В свете ночных фонарей.
Уродец Анри – полчеловека –
Весь мир и Париж покорил.

Монашка

В чужой стране, где не цветут ромашки,
Где реки очень медленно текут,
Приснилось, будто юная монашка
Приоткрыла двери в мой приют.

Утром две растаявшие свечки
С образом Иисуса я нашел,
Стену украшал не детский почерк
– Мне с тобою было хорошо!

Нет, не зажигал я этих свечек,
Не хранил ни Бога, ни креста,
Не было меня там в этот вечер,
Но монашку все– таки я ждал.

Люблю Россию

Люблю Россию чувствами поэта,
Удаль бесшабашную люблю,
Белые березыньки об этом
Песни мои грустные поют.

Про весну, похожую на осень,
О любви с печалью на глазах.
Не напишет мама больше писем,
Царствие ее на небесах.

Где я, что с душой стало,
Почему я, выронив свой крест,
По земле чужой иду устало,
Выбирая светленьких невест.

Милые дождутся ли березки
Мальчика – седого старика,
Встретят ли любимые по-русски
С караваем хлеба на руках?

Не верь словам

Не верь словам,
Они в твоих объятьях
Угасают волнами,
Как звук.
Ты свята, любимая,
Без платья
И права,
Конечно же,
Я груб.
Странное
Сердечко у поэта –
По земным законам
Не живет.
Очень трудно быть мне
Человеком,
У меня под сердцем,
Видишь,
Бог.

Была не была

Эх, была не была,
ну конечно, была,
в моей жизни была
ты, красавица.
Южным солнышком,
милая, ты назвала,
меня – хулигана
и пьяницу.
Я дарил тебе
красные, дикие маки,
землянику тебе приносил.
Я любил
вдохновеньем
дворовой собаки,
я любил
так, что
не было сил.

Письмо

Береги себя, милая, для трамвая желаний,
Он не стучит в параллельности рельс,
Мчится по городу с лошадьёю, с санями,
С падшими звездами из-под небес.
Не гневай молитвами дедушку Бога,
Он, как и ты, без родителей рос,
И не суди, не убий и не трогай
Без вдохновенья, без музыки, без слез.

Женечке

Спасибо, милая, за чай,
С твоих – то рук не только яд,
Гарсия Лорку бы любил,
Хотя к мужчинам аллергия.
Налей, красавица, еще,
Люблю черники аромат.
В беспечной юности России,
Среди березок и рябин
Неувядающая сила
Болотных сумрачных
Глубин
Кипит в толпе
Горячим чаем.
Спасибо, милая, за чай!

Прощайте, миленькое счастье

Прощайте, миленькое счастье,
Не могу вас разлюбить,
Не осуждайте, ангел...
Мне путешествовать,
Вам жить.
В тоске огромных расстояний
Проблеск неба твоих глаз.
Без многоточий, восклицаний
Короткое –
Люблю я вас –
Остается между нами,
Ухожу сейчас.
Чередую расставаний
От чувств своих почти бегу,
Оставляя на прощанье
Очень нежное
«Люблю».

Не зная цвета ваших глаз

Не зная цвета ваших глаз,
Бровей восторженного взлета,
Женщины, люблю я вас
Восточной нежностью поэта.
Для каждой любящей души
Готово биться мое сердце,
О Боже, как вы хороши,
Мои небесные Царицы.

Ты позови

Ты позови, я прилечу,
 Раздвинув в космосе планеты,
 Порывом ветра, лунным светом
 К тебе, как ангел, прилечу.
 Взглядом милым позови,
 За одну твою улыбку
 Через границы Млечный путь,
 Чтобы увидеть.
 Руку с нежною ладонью
 Ко мне навстречу протяни,
 Вдохновеньем,
 Аккордами из всех симфоний,
 Слепым дождем к твоим ногам
 Паду. Май только обо мне.
 Подумай только –
 Прилечу.

Не понимая пенья птиц

Не понимая пенья птиц,
 Воды не ведая журчанья,
 Весь мир готов я полюбить
 И вас, мое очарованье.
 Не высохнет река любви
 В извилинах безумной мысли.
 Меня любимым назови
 И наполняй собою русла.

Я люблю тебя, Ангел мой

Я люблю тебя, ангел мой,
 Руки и сердца не прошу,
 Люблю тебя, и крик души
 Расходится, летит волной,
 Снежинкой кружит, в небесах
 Рождается любовь. Ты веришь,
 Ангел, в чудеса, в Христа и Бога,
 В колдовство, твоей дорогой
 Не иду и звезд твоих я не хватаю,
 Ангел мой, тебя люблю.
 Не спрашивай, не знаю,
 Почему и отчего
 Не падают на землю звезды,
 Мерцают, гибнут, но горят,
 Пережив земные беды.
 Мой ангел, я тебя люблю.

Не покидай

Не покидай,
Говори наедине со мной.
Тебя, как Бога, не хватает,
От души устала плоть,
А она не улетает.
Не покидай,
Дай любоваться,
Как заразителен твой смех.
Печальные глаза паяца,
Кривое зеркало.
Успех, любовь и вдохновенье
Проходит все –
И красота.
Вся вечность
Суетой мгновенья
Утекает, как вода.
Останься.
Не покидай.

Мне сотни лет

Мне сотни лет, тебе – шестнадцать,
Грехи на мне, ты вся святая.
Я – сатана, ты – просто ангел,
Я вне, родная, ты в стране.
Довольно в нас противоречий,
Не сознания – бытия,
Мой приземленный человек,
Но как же я люблю тебя,
Моя божественная муза!
Ты бесконечна дорога.
Завидуя небесным звёздам
Я за тебя молюсь Богам.

Не улетай

Не улетай, прошу, не улетай,
Не оставляй влюбленного поэта,
Седой, неисправимый хулиган
Тебя одну пока еще не предал.
Не улетай, прошу, не улетай,
Тебе одной стихи его и песни.
Любимая, продли сегодня рай
Или возьми с собою в поднебесье.

Ты приходишь

Ты приходишь ко мне
 Сокровенною музой,
 Светом дальних планет
 Освещаешь меня,
 И влюбленный поэт,
 Отрекаясь от рифмы,
 Вдыхает тебя, мой
 Божественный свет.
 Где любовь, там и слезы
 Текут в многоточье,
 Вдохновенье витает
 Над каждой строкой,
 Не закрывай
 Свои ясные очи,
 Не уходи от меня далеко.

Наконец, я в Вашингтоне

Наконец, я в Вашингтоне,
 Капитолий, Белый Дом,
 Среди картин в огромном холле,
 Где Да Винчи и Ван Гог.
 Где полотна Ренуара,
 Тициана и Моне,
 Наслаждаюсь Божьим даром
 В удивительной стране.
 В бирюзовый свет Ван Дейка,
 В мрачной прелести Дега
 И с небрежностью Сезанна
 Прохожу через века.

Анастасиям

Анастасия,
 До светленьких твоих высот
 Мне, грешному, не хватит силы
 Разбежаться, полететь,
 Дотянуться до России,
 Коснуться белого плеча,
 Души коснуться и печали,
 Взлететь за солнечным лучом
 Мне крылья ангелы не дали,
 Господь летать не научил.
 Но как мне хочется в Россию,
 Весны дожждаться, устал, нет сил.

С музой по жизни

Пойдем. Ты думаешь, не поздно?
Какая нежная рука,
Я поцелую ее, можно?
Не будешь, милая, ругать?
Отмычки брошены и карты,
Грешной, стою у твоих ног,
Глазами в тысячу каратов
Посмотри на меня, Бог,
Мой ангел,
Жизнь моя
Земная
Не таинство,
Не вопрос,
Простая песня хулигана,
Но я свободный, как Христос.
Пойдем со мною, дорогая,
Посмотри на небеса,
Из облаков родного края
Алеют наши паруса.

Роняет лес в ноябрь листья

Роняет лес в ноябрь листья,
Дождь осенний льет и льет,
Некогда остановиться
– До свидания, Нью-Йорк.
Я вернусь к тебе зимою,
Когда холод и снега
Душу грешную пригреют,
А пока, Нью-Йорк, пока.
Тесные твои дороги
Выбираю, видит Бог,
До свиданья, обнимаю.
Я люблю тебя, Нью-Йорк.

Я в Delaware

Я в Delaware.
Чайки на дороге,
Влажный воздух
Холоден и чист.
Лошади, притихшие в моторе,
Фыркнули и снова завелись.
Как зима по осени, аллюром,
Робко начиная первый шаг,
Поднимаю медленно над миром
Солнца ослепительнейший флаг.

Еду в горы

Еду в горы,
Снег навстречу,
Здравствуй, северный New York –
Край нетронутой природы,
Родниковых вод потоков.
С Ниагарским водопадом
Разбиваюсь я насмерть,
Чтобы снова над тобою
Белым облаком взлететь.

Я вернусь

Я вернусь к тебе, родная,
Речкой, талою водой,
Белым голубем, колечком,
Поцелуем на ладонь,
Сумашедшим быстрым танцем,
Очень медленной зарей,
Принцем, нищим, оборванцем,
Песней, музыкой, строкой.
Я вернусь к тебе, родная,
Теплым дождиком, весной,
Облаком, цветеньем мая,
Яркой молнией, грозой,
Я вернусь к тебе, родная.
Дорогая, я вернусь.

Красавица

Красавица, моя любовь,
Дыханье ветра,
Вдохновенье,
С горы спускающийся снег,
Лавина,
Шелест диких трав,
Журчанье речки,
Солнца луч
И облака.
Любовная одна строка эпохи.
Я не могу наверно жить,
Мне достаются крохи –
Мгновенье поцелуя,
Шелковая прядь,
Улыбка,
Взгляд,
Слеза и ваше обаяние.
Спасибо, милое созданье.

Я ваши письма открываю

Я ваши письма открываю,
 Как открывают двери в храм,
 И с каждой строчкой замирая,
 Вручаю душу свою вам.
 Слова, мерцающие свечи,
 Светлый лик ваш, образа,
 Зажигают каждый вечер
 Мои потухшие глаза.
 Я разговариваю с вами,
 Оживаю и дышу,
 Простыми русскими словами,
 Божественной, я вам пишу.
 Моя священная обитель,
 Моя последняя любовь,
 Небесной музой приходите
 В мой храм невыдуманных снов.

Вырвавшись из лап New Yorka

Вырвавшись из лап New Yorka,
 Я среди зеленых гор
 Глотком березового сока
 Смываю пройденный позор.
 Запахи застывшей грязи,
 Стоны зданий и мостов,
 Океан в больном экстазе
 Жметя к берегу с тоской.
 Поднимаюсь выше, выше,
 Вдруг среди журчанья рек
 Голосок природы слышу:
 – Осторожно! Человек.

Никогда влюбленным не был

Никогда влюбленным не был,
 Не чувствуя полсотни лет,
 Я заворачиваю в небо
 Тебе, любимая, букет.
 И, преклонив к земле колени,
 Букет небесный подношу,
 Моя любовь, ты – вдохновенье,
 Тобой живу я и дышу.

Сергею Образцову — великому кукольнику

Устала я плясать под дудку,
 Так сильно ногу не тяни
 И не крути так грубо руку,
 Из-за тебя она болит.
 Хотя нутро мое из тряпок,
 Я – куколка, ты не забудь.
 Добавь опилок в мою попу
 И увеличь немножко грудь.

Моим читателям

Спасибо, мой любимый зритель,
 Я слышу ваши голоса,
 За скромные аплодисменты
 От радости готов плясать.
 Приходите!
 Для вас я строю этот дом,
 Мой долгожданный зритель,
 Когда вас много, так легко
 Слова слетаются для песен.
 Играет вальс души моей оркестр
 И с музою спускается сам Бог.
 Приходите!
 Я жду вас, как влюбленный ждет невесту,
 Как смертник в камере свободы своей ждет.
 Приходи, мой самый редкий зритель,
 Приходи, любимый мой народ!

Тепло земли неистребимо

Тепло земли неистребимо.
 От него густой туман
 Растает в образе любимом,
 Пройдет, как ветреный роман.
 Разлетится птичьей стаей,
 Парным прольется молоком,
 Прохладою родного края
 Откроет двери в отчий дом.
 Свадебным прозрачным платьем
 Соскользнет с девичьих плеч.
 Восторгом призрачного счастья,
 Слезой разбавит мою речь.

Август в Айове

Август в Айове осенью дышит,
 Остывшее солнце птицы клюют,
 Скоро забьется месяц подковой,
 В небе ночном зажигая огни.
 Странные рифмы август рождает,
 Ни по канонам, ни от любви,
 В хорях и ямбах не разбираясь,
 Слышу отчетливо – слово звенит,
 Просится в строчку, само туда лезет,
 Божье слово не удержать,
 Кто бы поспорил – все бесполезно,
 Попробуйте сами стихи написать.

Выжги, солнце, мою нищету

Выжги, солнце, мою нищету,
 Опали мою нежную душу,
 Веру не трогай,
 На коленях прошу,
 Помоги полустрочкою выжить.
 Позволь и любви
 До конца не сгореть,
 Сохрани неистлевшие нити,
 С ними всегда я готов умереть
 В твоём огнедышащем свете.

Густой туман

Густой туман, как дым, клубится,
Стирая линии дорог,
Лечу в ночи слепую птицей,
Душою чувствуя Восток.

Длинные чужие мили
Лягут маленькой строкой,
Помашу я своей милой
Родине рукой.

Wyoming — прерии и горы

Wyoming – прерии и горы,
Стада пасущихся коров.
Вонзает ветер свои шпоры
В бока ухоженных дорог.

Крадется дождь по горизонту,
Стреляет молнией гроза,
У пробегающих койотов
Твои холодные глаза.

В Алабаме чудная погода

В Алабаме чудная погода.
Бьется о машину летний дождь.
Отпустив коней всех на свободу,
Я впервые чувствую их мощь.

Хвойный лес и речка Таллапуза
Не забудут бешеный галоп,
Джорджия встречает, словно муза,
С парюю невыдуманных строк.

Жара

Жара. В лесу горят деревья,
Еле дышат города.
Я за миг в своей деревне
Жизнь бы вечную отдал.

За колючку ежевики
С пылью стареньких дорог
Весь отдал бы запад дикий,
Попросил бы еще в долг.

Распустила снова осень

Распустила снова осень
Свои рыженькие косы
На мою зеленую тоску,
Я печаль свою забросил
В загулявшуюся осень
И вернулся летним
Дождиком в Москву.

Я не был крещен

Я не был крещен под сводами церкви,
Босым не входил в Йордан,
А был ли крещен, интересно, Креститель,
Предтеча – святой Иоанн.
Могу ли я сам дотянуться до веры,
Сможет ли жить во мне Бог,
Если сам черт подарил свою душу,
А я отказаться не смог.

Любовь поэта

Вливается нежданная любовь
В мое истосковавшееся тело,
Вновь среди шума стонущих машин
Душа моя влюбленная запела.

На нотных строчках жемчугом блещут,
Под майским солнцем высыхая, слезы,
Да, не сегодня – завтра нас простят
Любители томов житейской прозы.

Любовь моя в коротеньких стихах,
Забытая в неубранных кроватях,
Весенним снегом падала в горах,
Подснежником цвела в ее объятьях.

К земле кружилась желтеньким листком,
Иссохшим сердцем плачущей березки,
Вы слышите ее далекий звон,
В любви вам признается сам Крестовский.

New York

New York, New York,
 Уставший старый город,
 Миллионы бледнолицых кирпичей,
 Согретые ладонями бездомных,
 Остывают в душах богачей.
 Апрельский дождь стекает по витринам,
 Смывая с них китайский алфавит,
 Я в Бруклине стихи пишу в машине,
 Пока душа на перекрестке не сгорит.

Птица певчая, слышу, запела

Птица певчая, слышу, запела.
 Ангел мой, я прошу тебя, пой!
 За душой отлетая от тела,
 Будь сегодня моею звездой.
 Освещаясь полночной свечою,
 Нежным светом взойди и гори.
 Я с тобою сегодня ночую,
 Я сегодня с тобой говорю.
 Разлетаются голуби песни,
 Тает год, как свеча, неспеша.
 Поднимаясь к тебе в поднебесье,
 Рассыпается в строчки душа.
 Далеко мне до милой России –
 Там моя похоронена мать.
 Дай мне Бог вдохновенья и силы
 Ее крест на могилке обнять.

Колыбельная

Полночь нам задула свечи,
 Тени замерли вокрут,
 Милая, спокойной ночи,
 До свиданья, милый друг.
 Рифмы пляшут на подушке,
 Колыбельную поют.
 Их нам дарит дядя Пушкин,
 Баю, баюшки, баю.

Прелестью коротких строчек

Прелестью коротких строчек
 В грани выточенных рифм
 Разметался мелкий почерк,
 Знаки нужные забыв.
 Из души пролился плачем,
 Криком стал для журавля.
 Приютил я этот почерк,
 Между нами говоря.
 Сохраню его для песен,
 Может, в будущем поэт
 Прочитает – мир так тесен –
 И напишет мне ответ.

Бог дал нам слово для любви

Бог дал нам слово для любви,
Благословленья и молитвы,
А мы доходим до крови,
Сверкая мыслью, словно бритвой.

Вчера ко мне спустилось солнце

Вчера ко мне спустилось солнце,
Искупав меня в лучах,
Разрешило прикоснуться
К Обнаженному плечу.
От небесного светила
Моя нежная душа
Неожиданно взлетела
В небо, как воздушный шар.
Свет струился в летний вечер,
Ночь была белым-бела,
Кружевами русской речи
Таня – солнышко – цвела.
Звезды плавали в бокалах,
Не хватало сигарет,
Утром солнце не вставало –
Дождик вылился в рассвет.

Подари мне веснушку

Подари мне веснушку,
Милая женщина,
Взгляд свой один подари,
Я пропою тебе
Гением Пушкина
Песню страны Наيري.
Дай прикоснуться
Глубин твоей прелести
На высоте наших чувств,
Дай утонуть
Есенинской смелости
В экстазе любовных безумств.
Вознеси меня, падшего,
В царство небесное
И снова в объятья верни,
О прошлой любви
Молчи и не спрашивай,
Ты моя песня. Аминь!

Молитва

Ветер швыряет деревья с корнями,
Рвет на куски океан.
Не поведет своими ушами
У белого дома баран.
Вытекают из города мирные люди,
Ветру оставив флагИ.
Под страшные залпы небесных орудий
Обнялись друзья и враги.
Ураганным дождем промокли души
В слезах покидают дома,
Плывет, под собой не чувствуя суши,
Огромный людской караван.
А где-то в мечети старик бородатый
Шепчет Аллаху слова,
Завтра его расстреляют солдаты,
Сапогом наступив на Коран.
Но, видно, доходят до Бога молитвы,
Не сохнет пролитая кровь,
К нам водная гладь зеленой палитрой
Выходит из всех берегов.

Если вдруг

Если вдруг не склюют
Мое семя соседские куры,
Я на Фудзы взойду
Белоснежной веткой сакуры,
Светом первых лучей
В горах запеченного солнца
Освещу падший мир
Щедростью горца.

Из сказки

Возвращайся к нам, Алиса.
Из своей страны чудес,
Возвращайся поэтессой
В неужоженный наш лес.
Возвращайся певчей птицей,
Песней, словом и строкой,
Горсточкой живой водицы,
И протянутой рукой.
Дай покойнику напиться,
Раздели его печаль,
Может, вновь заколосится
Его сумрачная даль.
В окровавленное тело
Душу светлую верни,
И чтобы оно запело,
Поцелуй и обними.

Прохожий

Слышу голос поэтессы,
Пробирает ее плач,
Не могу ответить песней –
Вырвал сердце мне палач.

Кровь стекает с моих листьев,
Слезы падают росой.
Необычное убийство
Женской светлою косой.

Разлетаются на ветер
Рифмы, сердце и душа,
Не могу я жить на свете,
Когда вороны кружат.

Милая, твой голос слышу,
Струны рвутся, словно нить,
Душу требует всевышний,
А так хочется пожить.

Дышет холодом могила,
Все закончились пути.
От прохожего до милой
Строчка нежная. Прости.

Живые разложив цветы

Живые разложив цветы,
Меня несут к храму.
Немножко остыл –
Не делайте драмы.

Какой испортили гроб,
Венки, телеграммы.
Зря целуют мне лоб
Милые дамы.

Рука Марии Магдалины

Рука Марии Магдалины,
Протянутая из зимы,
Коснулась сердца исполина,
Нежной дрожью поразив.

Над распятьями объятий
Испугавшейся души
Смутилось солнышко в закате,
Лучами ночь к себе пришив.

Деревья примеряют платья

Деревья примеряют платья,
По земле ползет трава,
От весеннего объятья
Закружиласть голова.

Снится личико в веснушках,
Море синее , глаза,
Детство, первая подружка,
Виноградная лоза.

Незалеченная рана –
Друг, погибший на войне,
Ежик, плачущий в тумане,
Я на бешеном коне,

Птицы над Кремлем столицы,
Пух бесплодных тополей,
Незнакомые мне лица,
«Красный мак» и мавзолеей.

Озябший лес

Озябший лес дрожит без снега,
Чернеют ветки и стволы,
Молебен пасмурного неба
Под совы крики сатаны.

Который день не светит солнце,
Не тянет мне свои лучи,
Я за тебя буду молиться,
Свети, родная, не молчи.

Гейша

Тысячи солнц пробивали мне веки,
В божьем сиянии не видят глаза,
В вены впадали горные реки.
– Гейша, верни мою душу назад!

Песню прощальную ангелы пели,
Открывая ворота в пылающий ад,
Тесно в раю грешному телу.
– Гейша, верни мою душу назад!

Живая материя в брызгах пространства
Скомкала время в безграничный азарт.
– Святая служанка небесного царства,
Гейша, верни мою душу назад!

Подсолнечное детство

Помню детство неуклюжее,
Дворик наш с большими лужами,
На обложке в куртке кожаной
Дядя Степа – милиционер.

Брюки помню, все с заплатами,
Помню, где конфеты прятали,
Первый наш ядрено-матовый
Югославский гарнитур.

Помню даже форму школьную,
Мою первую контрольную,
Книгу нашу телефонную,
И подружек – октябрят.

А когда вы были молоды,
Босиком могли по городу,
Под дождем, когда не холодно,
По-солдатски прошагать?

Станция Удельная

Станция Удельная.
Подмосковный дом,
Как белье постельное,
Пропитали сон.

Здравствуй, тетя Соня,
В дымке сигарет,
Мой туман осенний,
Мой весенний снег.

Эх! Не пейте, Витя,
В обществе собак,
В дверь мне позвоните,
Я налью коньяк.

На Песочной улице
Тишь да благодать,
Может, сон не сбудется,
Дайте вас обнять.

Дорогая маменька,
Двери приоткрой,
Сын твой из Америки
Просится домой.

Моя любовь

Я напишу тебе картину нежных слов,
Глаза твои смотреть их не устанут,
Но как мне поместить туда любовь,
Летящую, как солнце, через страны?

Любовь поэта – небо без границ,
Нежною поэзией разлилась,
И звенит невидимая нить –
Господом протянутая милость.

Ангел мой! Желанная моя!
Для любви не хватит караванов,
Кротостью седого февраля
Застучало сердце хулигана.

Я иду по радуге

Я иду по радуге,
Всем машу рукой,
На воздушном шарике,
Дождь спешит за мной.

Аппетитный зонтик –
Дождевой грибок,
Подари свой ломтик,
Видишь, я промок.

Ласковое солнце,
Протяни лучи,
Мамочка волнуется
И в окно стучит.

Я сегодня буду кошкой

Я сегодня буду кошкой –
Помурлыкаю немножко,
Выпью с блюдца молочка,
А затем спою:»Пока!»

Проскользну через окошко,
Приоткрыв его ладошкой,
Может быть, махну хвостом
И признаюсь обо всем.

Я стянул у вашей дочки
Новенький набор носочков,
И пузатый портмоне,
Не бросайте на окне.

А у вас блестят глаза,
Только плачете вы зря,
Я уже спешу назад,
«До свидания» сказать.

На луну взобрался кролик

На луну взобрался кролик,
Там построить хочет домик,
Удивляется весь двор:
Милый кролик, это вздор!

На луне травы немного,
Да и ту покрыла пыль.
Ты обратную дорогу,
Лунный кролик, не забыл?

Мы идем тебе навстречу,
Освещая Млечный путь,
Твой любимый друг – кузнечик –
Прикрепил фонарь на грудь.

Гимн для Рунета

Летят над землей страницы Рунета.
Могучая Русская Речь
Стихом вылетает из сердца поэта,
Народную душу беречь.

Бог дал нам слово,
Тело и душу,
Язык выбирали как меч.
Выбрал бы снова
Хлеб мой насущный –
Волшебную Русскую Речь.

Дети планеты, поэты и боги
Придумали нам интернет,
Там сами себе выбираем дороги,
И мы выбираем Рунет.

Храм воздвигают России поэты
Выше любых пирамид,
И Русская Речь на крыльях Рунета
Свободно над миром парит.

Рождество

С зимнего солнца
Сыпется пепел
На черные головы туч.
От прежней жары
Неуверенный лепет –
Один умирающий луч.
Мертвой природы
Декабрьский воздух
Церковным звенит серебром.
Чарует природа
Застывшей свободой.
Чудно вокруг – Рождество.

Да будет так

Смятый лист черновика,
Пропитанный моей душою,
Разгладит нежная рука
Учительницы Русской школы.

Огнем неповторимых глаз
Она согреет мою душу,
И я войду в десятый класс,
Границы времени нарушив.

Веков оковы разрубая
Мечом невыдуманных слов,
Я убегу даже из рая
За разделенную любовь.

На долларовый конкурс

Когда колеблются святыни,
Сотрясая небеса,
Лишь небо остается синим –
Оно не верит в чудеса.

Война за миром ходит тенью,
Правду соблазняет ложь,
И вечность заменив мгновеньем,
Над церковью доллар,
Словно нож.

В подземном переходе

В подземном переходе,
Как в карточной колоде,
Тесно и достаточно мастей,
Но зато здесь розы
При любой погоде
Освещают наступивший день.
В подземном переходе,
Сидя на мопеде,
Не увидишь взрослых и детей,
Но подземный поезд
Вовремя приедет
И обнимет створками дверей.
В подземном переходе
В самый скучный полдень
Можно повстречать свою звезду
И с одним жетоном,
Став молодоженом,
Потерять законную жену.

Раздвинув тяжелые тучи

Раздвинув тяжелые тучи
Взглядом своим колючим,
Солнце осыпало землю
Золотой акварелью.

Здравствуй, клоун Енгибаров

Здравствуй, клоун Енгибаров!
Ара Енгибаров, барев!
Над твоим смеемся даром
И улыбки тебе дарим.

Здравствуй, клоун Енгибаров!
Ара Енгибаров, барев!
Снова ты проходишь мимо
Бесподобной пантомимой.

Здравствуй, клоун Енгибаров!
Ара Енгибаров, барев!
Жаль, такой серьезный парень –
Просто клоун, мамун арев.

Дома карабкаются в горы

Дома карабкаются в горы,
Плетется за народом скот,
Как ежики, ползут заборы,
Ручьями вниз стекает пот.

Все выше вкрапываясь в горы,
Народ с богами выживал,
Печаль свою вложил в узоры,
Что на хач-карах выбивал.

Горы – каменные церкви,
Живые души в облаках,
Я заказал сегодня реквием
Для побежденного врага.

Мне верится

Мне верится,
Хотя не очень,
Через каких-то
Сотню лет
Войду в учебник
Русской речи
Как самый ветреный поэт.
Есенин справа, Пушкин слева,
За нами школьная стена,
Кругом продвинутые дети,
А нам так хочется вина.
Скучно нам в элитной школе –
Трубку закурил Сергей,
Пушкин вспомнил о дуэли,
Сукин сын, на самом деле,
Самый черный из друзей.

Как свет далеких звезд

Как свет далеких звезд,
Дойду до вас однажды
Поэзией из слез.
Вы утолите жажду.

Как старое вино,
Полезнее и крепче
Букет моих стихов
Растрогает при встрече.

Вы нежно улыбнетесь,
Подставляя губы,
Вино мне поднесете,
Не будете так грубы.

Растаете в объятьях
Любимого поэта,
И скинутое платье
Вновь будет воспето.

Потомок раба на троне Фемиды

Потомок раба на троне Фемиды
Стучал молотком по судьбе бунтаря,
Ташил, как быка, к сердцу корриды
Нежную душу богатыря.

Я вынес на плечах бандитские войны,
Выгрыз границы великих держав,
Я даже не слушал тебя, чернокожий –
Зря ты из мантии в уши жужжал.

Я уважаю людские законы,
Старинным обычаям дань отдаю,
В эту страну занесли меня кони,
Потомки рабов зря цепи куют.

Эмпирические формулы

Эмпирические формулы
Траекторий летящих машин,
Храните одну неизвестную,
Я ее подниму
На уровень снежных вершин,
В страну поднебесную.
Ресницы, с размахами крыльев
Порхающих бабочек
Устанут парить в вышине,
В небесном экстазе,
Под дрожь барабанных палочек,
Под утро вернусь я к жене.

В стране, где производят солнце

В стране, где производят солнце,
Чеканят воздухом слова,
Самураи – дух японцев,
В океане острова.

Их выносливые плечи
Подпирают мою честь,
Но от этого не легче
Иероглифы прочесть.

В необычных наших встречах
Материален только меч,
Он взлетает, словно кречет,
Укорачивая речь.

Переполненные духом,
Мои скромные стихи
Гранями не режут слуха,
Выходя из-под сохи.

Самураи – мои братья,
Отражение богов,
Берегите мое счастье:
Горсточку обычных слов.

Цыганское сердце Гарсия Лорки

Цыганское сердце
Гарсия Лорки
Склевали птицы
Большого Нью-Йорка,
Кровью для лета
Отлили восходы,
Душу поэта
Взяли уроды.
Те из души
Выбивали слова
И изменялись
На наших глазах,
К ним возвращались
Стертые лица,
Но как всегда,
Появилась полиция.

Лезгинка

Крепко в губы поцелуй
И со мною потанцуй,
Сладкие твои уста
Целовать я не устал.

Джигит танцует как живет,
Как душа его поет.
Я лезгинку танцевал,
Словно губы целовал...

Дай, лезгиночка,
Моя девочка,
Тебя, хрупкую,
Всю обнять.
Я хлещу коня
Тонкой плеткою,
Чтоб мечту свою обогнать.

Трава нагнетает зеленую охру

Трава нагнетает зеленую охру
В твои голубые глаза,
Белые груди, словно эпохи,
Меня возвращают назад.

Я прихожу, когда солнце теряет
Веер горящих лучей,
Мы зажигаемся звездами мая
В бездне весенних ночей.

Лотосы, розы, тюльпаны и лилии
Больше не снятся во сне,
Я раздвигаю стены Бастилии
И растворяюсь в весне.

Гамарджоба, Пиросмани

Гамарджоба, Пиросмани!
Пиросмани, цавыт таним.
Вывеску твою читали –
Выпей с нами Цинандали.

Гамарджоба, Пиросмани!
Пиросмани, цавыт таним.
В нарисованном бокале
Хрупкий стан твоей Натали.

Гамарджоба, Пиросмани!
Пиросмани, цавыт таним.
Жили мы в одном квартале
Шени деда генацвали,
Мы тебя не понимали,
Ты – Художник, мы – крестьяне.
Извини нас, Пиросмани.

Просто скульптура

Просто скульптура, но полная солнцем,
Стояла статуя.
Мастер – убийца и создатель –
Сидел на стуле.
Рядом валялся резак,
Еще дальше – натурщица.
Ей больше не мучиться.
Скульптор вырезал из множества тел
Ту единственную
И обессмертил себя...
На божественном теле –
Следы окровавленных рук.
Ангелы песню запели,
Они сердца слышали стук.

Слезы земли

Слезы земли выступают росой,
Солью питая траву,
Ромашки меня возвращают в Россию,
Березки все громче зовут.

Милые сердцу русские срубы
Мускулы сел, деревень,
Мне улыбаются женские губы,
В очах распуская сирень.

В распахнутых ставнях святые иконы
В мир отражают лучи,
Все дальше несут меня чертовы кони,
Все медленней сердце стучит.

Развейте мой прах в ущельях Кавказа,
России оставьте стихи,
Каждый поэт – клубочек фантазий,
Я тоже, наверно, из них.

У нас в саду

У нас в саду растут цветы –
Анютины глазки,
Я так безумно их люблю,
Как любят только в сказке.

Когда в саду еще роса,
Я прибегаю к ним,
Но каждый раз в глазах гроза,
Я, видно, не любим.

Раздалась забытая песня

Раздалась забытая песня,
Зал содрогнулся от нот,
Олеся, Олеся, Олеся
Танцует со мною фокстрот.

Волнует короткое платье,
Сводит улыбка с ума,
Гарнизонное летнее счастье
И сигаретный туман.

Рядом проходит граница,
За Брестом другая земля,
Чужие солдаты, и лица
Приносит с собою война.

Это потом – на рассвете
Успели пройтись по росе.
Олеся, Олеся, Олеся!
Цветы полевые в косе.

Война прервала поцелуи,
Рассвет разбудила огнем,
Смертельные жгучие пули
Рассыпала летним дождем.

Брестская крепость за лесом,
Все дальше родные края,
Олеся, Олеся, Олеся –
Белорусская песня моя.

Я был солдатом на войне

Я был солдатом на войне
В далекой маленькой стране.
Мы спирт не портили водой,
В нем растворяли каждый бой.

В далекой маленькой стране
Я был солдатом на войне.
Не тянет сердце в те края –
Рассудок потерял там я.

Там с кровью смешана земля,
И в той земле – мои друзья...
Простят Армен, Максим и Гена,
Что кровь моя течет по венам.

Что я по-прежнему живой,
И не вернусь уже домой
Я был солдатом на войне
В далекой маленькой стране.

Когда мой тезка – генерал
Ворам медали продавал,
Могилы я копал друзьям
И опускал туда глаза,

Со мною плакала гроза...
Я был солдатом на войне
В далекой маленькой стране.

Победа будет завтра

Победа будет завтра, а сегодня
Танк железный все-таки горит.
Русские безусые ребята
Не увидят завтрашней зари.

Победа будет завтра, а сегодня
Голос сына не услышит мать.
В майскую, весеннюю погоду
Страшно не хотелось умирать.

Победа будет завтра, а сегодня
Плавится подбитая броня,
Улетают прожитые годы
С дымом ядовитого огня.

Победа будет завтра, а сегодня
Я нарву букеты из гранат,
Подниму солдат из преисподни
И прошью разорванный закат.

Победа будет завтра, а сегодня,
Фронтовые, стоя с вами пью.
Русские безусые ребята,
Неужели завтра вас убьют?

В 20-м веке

В двадцатом веке, в районе гетто,
Еврейский мальчик дает концерт,
В глазах огромных не видно страха,
Там фуги Баха рождают свет.
Недаром мама вставала рано,
Учила гаммам волшебных нот.
В двадцатом веке в районе гетто
Войной заканчивался год.
Потомки Моцарта и Гете
Прервали залпами аккорды,
Их карательные роты
В упор стреляли по народу.
Давно, но помню, это было,
Точили турки ятаганы,
И кровь моя под их ногами
Рекою алою лилась.
Храните в памяти все лица
Из той трагедии. Из этой
Вырваны страницы.
И не наказаны убийцы.

Ассоль

Ассоль любила Сашу Грина,
А он, заштопав паруса,
Со мной напился, как скотина,
Прощальных слов не написав.

Прости, романтик и писатель,
Бывший пьяница и друг,
Доистязал тебя издатель,
А мы не протянули рук.

Ассоль любила Сашу Грина,
И он любил ее одну,
Кусочек алой парусины
Я для любви еще храню.

Небо в свадебном платье

Небо в свадебном платье
С прозрачной фатой,
Бросает на землю синенький взгляд,
Небесное тело
В крепких объятьях,
И ветер срывает
Белый наряд.
Счастливые слезы
Стекают на землю,
Радужным цветом
Сверкают ручьи,
В раскинутом небе
Звездочки млеют,
Из бабьего лета
Песня звучит.
Падшее небо
Сново поднялось,
Спрятало глазки за облака,
По-детски жалобно
Вдруг разрыдалось
И громко забило
В колокола.

Цыганский костер

Цыганский костер
 Подсвечивал табор,
 В огромном котле
 Кипела вода,
 Дырявый шатер
 Поддерживал небо,
 На старом седле
 Ребенок спал.
 На черных усах
 Цыгана-барона –
 Дорожная пыль
 И желчь табака.
 Жужжала оса,
 Воняла попона,
 Кабыла гоняла
 Стаю собак.
 Свободные люди –
 Цыгане, поэты,
 Из ниоткуда
 Бредут в никуда.
 Граждане судьи,
 С упорством бараньим
 Не осуждайте
 Наши года.

Прости, Господь

Я не могу, прости, Господь,
 Верить до конца,
 Хотя и дух живет во мне
 И Сына и отца.
 Ответь, прошу, всем землякам,
 Где, Господи, ты был,
 Когда родная нам земля
 Вставала на дыбы?
 И после пухом не была,
 Не всем достался гроб,
 Мы веру прятали в кулак,
 Бульдозер чтоб не сгреб.
 Не скрою, жили мы в грехе,
 Кто первым камень бросит?
 Дитя в беременной снохе
 Ковшом к тебе возносит.
 Ты кровь родителей с детьми
 Смешал, как и тела,
 И крик безумных матерей
 Тебя, мой Бог, проклял.
 Я сам сошел тогда с ума,
 За день утратив города,
 Могилы, бывшие дома,
 В них непрожитые года,
 И я с ума сошел тогда.
 Мешал я горький плач со смехом,
 И вороны склевали эхо,
 Усевшись на церковный крест,
 Его ломать не стали.
 Невинность сгубленных невест
 Тебе, Господь, досталась.

ПРОДАЙТЕ ГОРОД

Глава 1

Он шел на север уверенно, как идут ледоколы по еще не замерзшей воде, шел походкой влюбленного в жизнь, знающего себе цену человека, и неважно, куда он шел, потому что его никто и нигде не ждал. Его выбросили, как выбрасывают сигаретный окурок на скоростной дороге – в сторону и подальше, без сожаления, без эмоций – выкурили и выбросили. Все логично, даже придраться не к чему – могли и не закурить.

Но это уже позади, за спиной. Сегодня ему просто не открыли дверь.

Здравствуй, улица! Здравствуй, бездомная жизнь! Без денег, без работы, без семьи, без документов!

А случилось вот что: старина Кац – основатель небольшой компьютерной фирмы, где много лет проработал Майк, умер, не успев позаботиться о своем друге.

Наследники Каца решили обойтись без этого странного русского – не то художника, не то поэта, с непослушными каштановыми волосами, наполовину скрывающими его бледное лицо и горящие глаза.

Беда, как говорится, не ходит одна, вот и жена Майка обчистила все его кредитные карточки, переоформила движимое и недвижимое имущество на свое имя.

Майк не сопротивлялся, он покорно наблюдал, до какой мерзости способен дойти человек в своей алчности и злобе. Он отдал все, что имел, оставаясь непонятым для окружающих и не ожидая от собственной семьи благодарности.

В стране, где истинные человеческие чувства прячутся в потаенные уголки души, где людей презирают за их открытость, где дети судят своих родителей и не желают жить с ними под од-

ной крышей, где женщин не всегда отличишь от мужчин, природа тоже нарушает законы мироздания. А потому и зима приходит на эту проклятую землю всего на несколько дней и, одарив ее осадками, напоминающими снег, уходит все дальше в горы, в другие страны к людям, радовать их своей холодной и рыхлой прелестью – глубоким и живым снегом, а расставаясь, долго плачет, разливаясь талой водой по жаждущей тепла и влаги земле.

Однако пока мы с вами философствовали, Майк нашел себе приют в сумрачной нише огромного железобетонного моста и соорудил там постель из газет и картона, заботливо приготовленных кем-то для случайного путника...

Бездомное тебе спасибо, неизвестный архитектор, за то, что внес в свой проект эти ниши! Низкий поклон от всех, кто когда-либо укрылся здесь от холода и дождя, от одиночества и позора, от нас с тобой, проезжающих мимо в своих теплых и блестящих машинах...

Тревожные мысли не давали Майку покоя: он думал о предательстве жены, о будущем своих детей, о государстве, не жалеющем денег на сохранение всяких тварей в пока еще совершенной природе, но целенаправленно уничтожающем человеческую душу – суть нашей истории и веры. Он думал о церкви, призывающей человечество к всеобщей любви и смирению, а на самом деле обеспечивающей себе на взаимовыгодных условиях с Государством безбедное и спокойное существование.

Но только ли на совести государства и церкви ограниченность нашей души и ее уродливые формы? Вероятно, и сам Майк в чем-то провинился перед Господом Богом. К примеру, он давно не любит свою жену – мать его любимых детей. А ведь он сам слепил из нее нечто красивое и бездушное, лишенное любви и благородства – и теперь вкушает горькие плоды своего, выращенного в муках, урожая.

Трудно уходить из семьи, еще труднее уходить в никуда. Эти проблемы, как атмосферное давление, навалились на его плечи.

Сегодня Майка вышвырнули на улицу, и он ушел без сожаления, отдав все, что имел, жене и детям, подобно солнцу, по-

дарившему свой нежный свет миру, равнодушно принимающему его тепло.

Он думал о том, как Богу больно и обидно за нежелание людей жить по-божески, да и по-человечески тоже, он вспоминал, как ребенком вместе с мамой молился Богу, и сейчас почти реально ощутил ее нежные руки. Мягкие подушечки маминых пальчиков гладили-гладили его взъерошенную шевелюру...

Майк стиснул зубы, сдерживая крик, и темные своды моста поглотили его рыдания. Мост тихонько покачивался от бесконечного потока машин, и ниша, в которой уснул наш философ, раскачивалась, словно колыбель.

– Мама, милая, мама, прости своего Мишку! – он хотел обнять ее, но кто-то упрямо разводил его руки в стороны.

Промедли еще пару секунд, и от дорогих часов Майка осталось бы одно воспоминание.

А я вам скажу, эти часы были подарком друга юности – Саши Китая – известного в определенных московских кругах авторитета.

Когда-то, под влиянием Майка, Саша искупил свои нештучные грехи молодости праведной христианской жизнью и в знак благодарности подарил бедному московскому поэту и художнику неприлично дорогие и красивые часы.

Такие часы не отдаются первому встречному, не продаются и не покупаются! Такие часы – память о прежней жизни нашего героя в Москве.

Одним ударом он сбил с ног непрошеного гостя, и тот, упав на колени и закрывая руками окровавленный рот, взмолился:

– Не убивайте меня, сэр! Богом прошу, не убивайте! Я самый несчастный человек на свете, пожалейте, я умираю от голода и болезней!

Давно, еще в Москве, Майку приходилось видеть бездомных.

Разгребая старую свалку за Выхинским рынком для постройки кооперативных гаражей, он обнаружил там жилье этих несчастных пьяниц, дал шанс им выжить, кушать за столом, спать

в своей постели, любить и быть любимыми, мечтать и стремиться к любви, а уходя из жизни, оставить о себе скромную, но добрую память о богоугодном человеке, жившем по законам добра, ради того, чтобы господин Дарвин не перевернулся в гробу, и чтобы нашлись люди, способные поднять и понести их гроб, смиренно предавая матушке-земле их измученное тело.

«Где теперь один из них, мой друг – Володька? – вспомнил Майк. – Мой талантливый плотник и беспробудный пьяница?

Кто протянет тебе руку помощи, кто «даст по мозгам»?

Иногда я был груб с тобой, прости меня за это по-христиански! Но я и с сыном своим тоже был груб и не со зла, а во благо! Поверь, придет время, и мы еще выпьем с ним настоящей московской водки! – а, надо сказать, Майк всегда следовал своим принципам, а если иногда и отступал от них, то безутешно страдал потом и казнил себя перед самим собой и перед Господом Богом. – Эх, Володька, знал бы ты, как мне страшно и скучно жить в этой стране, где все, кроме Билла Гейтса, кому-то что-то должны – кто доллар, кто душу! Где взрослые умирают от депрессии, а школьники с малолетства глотают все, что может возбудить их равнодушные сердца! Где полицейские не лезут к тебе в карман, а бандиты не выколачивают из тебя денег, потому что это сделает за них государство!

Когда я нашел тебя на свалке, в глазах у тебя умирала израненная и пьяная душа. Но ты оставался человеком! И сегодня я сравниваю тебя с валяющимся в моих ногах, трезвым, как ты иногда бываешь, американским бродягой. Прости меня за это! Видел бы ты этого несчастного без лица и души! С ним не выпьешь, не поспоришь, с ним не о чем даже помолчать!»

– Эй, бывший человек, вставай! – крикнул он оборванцу, – Майк не бьет лежачих, таковы издержки его воспитания!

Бродяга долго не мог сообразить, почему этот сердитый незнакомец, одетый, как Марлон Брандо, занял его место под мостом да еще ударил в челюсть.

Их взгляды встретились. Майк не вызвал у оборванца заслуженного чувства ненависти, наоборот, по непонят-

ным причинам с каждой секундой становился ему все ближе и роднее, даже боль кровоточащего рта не остановила его восторга – нелепо и странно, но здесь, под мостом ему слышалось, а, может, и не слышалось, как бьют колокола!?! Ослепительно-яркий свет заполнил все пространство в нише, а этот чудаковатый и сердитый незнакомец излучал притягательное и нежное свечение!!!

– Боже! Боже! – вскричал нищий, изумленно глядя на Майка. – Ты – Бог, да? Ты Бог???

Майк оглянулся. Пришествия не было. Лучи солнца, отражаясь от бетона, играли под мостом, словно на волнистой поверхности моря. На железобетонной стене вздрагивали и рассыпались первые лучи восходящего светила – это производило потрясающий по красоте эффект.

Нет ничего красивее природы, и все художники мира не смогут передать ее истинную красоту, как не смогут в картине отразить божественные черты любимой женщины. Даже в стихах не воспеть тысячной доли обычной земной красоты, трепещущего женского тела, блеска любимых глаз, контуры жаждущих ласки губ и безграничность человеческой души.

– Расслабься! – скомандовал Майк. – Боги являются только к сытым! Нам необходимо подкрепиться! – его рука привычно потянулась к кошельку, но тот давно был пуст. А ведь не оставь Майк нажитое имущество и деньги жене и детям, то уже сегодня мог бы принимать освежающий душ и читать за завтраком утренние газеты. Он опять задумался о судьбе своих детей...

Хотим мы этого или нет – дети – наше продолжение. Майк гордился своими детьми и находил в них свои лучшие качества, но, как и все родители, не хотел замечать в детях наследственных недостатков и видел только то, что придумал его любящий родительский мозг.

Неужели, лишившись работы, он стал для собственных детей обузой? Разве не дрогнуло их сердце?

Стоп! Майк не станет оплакивать неудавшуюся жизнь. Он выкарабкается, обязательно выкарабкается. Он поможет без-

домным всего мира. Он никогда не оставит измученных и несчастных людей умирать от болезней и голода под сводами этого железобетонного моста. Он построит для них город, где все будут жить по законам любви друг к другу, с верой в себя и Господа Бога!

А много ли поэту нужно? И вот уже, забыв обо всем на свете, на картонке, согретой ночью его телом, Майк твердой рукой выводил формулы земного человеческого счастья...

Глава 2

Изложив свои откровения, Майк почувствовал не только истощение жизненных сил, но и сильное головокружение. И это объяснимо. Муза, посещая нашу земную плоть, забирает из наших клеток духовную энергию и выплескивает ее в мир божественным искусством, открытиями, откровениями и любовью.

Отчего люди боятся признаться в любви друг к другу?

Разве мы родились не для любви? Какие другие ценности могут заменить ее? Вся наша жизнь состоит из любовных звеньев, начиная с пеленок и до самого небесного царства.

Человек от Бога. В нем всегда Бога больше, чем дьявола. В нас всегда больше любви, чем ненависти. Или это не так?

Каждый обязан разобраться в самом себе. А нам все некогда. А время быстротечно. Вот и сейчас Майк занят мыслями о голоде, потому что в его теле, в каждой клетке его организма, образовались «торричеллиевы пустоты», готовые, как черные дыры Вселенной, поглотить не только его самого, но и целые созвездия, оставляя от них жалкую пыль.

Так рассуждал наш философ, а бродяга Стив со слезами восторга радовался его улыбке и рисовал в своем воображении маленький домик, где вместе с женой и дочкой, в тепле и уюте, будет смотреть по телевизору футбол.

Но всему свое время...

Глава 3

Бывший житель Москвы – Майк Воскуц и бездомный житель Соединенных Штатов Америки – Стив Брайс шли рядом по проезжей части дороги, нагревающейся, как спираль огромной электроплитки.

В больших городах тротуары – редкость. Здесь пешеходы не нужны: бедных не любят, как и чужестранцев. Их вносят в отдельные списки и по возможности выселяют в резервации, в приюты, оставляют в нишах под мостами, где несчастные скорее доживут до смерти, чем выберутся из нищеты.

Цивилизация гуманна, она не истребляет бездомных, как это делалось раньше. Наоборот, государство тратит миллионы долларов для поддержания процесса обнищания народа.

Никто точно не знает, сколько денег переходит из карманов налогоплательщика в карманы чиновников.

Нищих все больше. Чиновники – все богаче.

Не приведу случая возвращения хотя бы одного бездомного под родную крышу.

Правда, пища в приютах становится горячее, а компьютеры в офисах – мощнее и современнее, чтобы вместить в свою бездушную плоть всех желающих пользоваться государственной милостью.

Бродячих собак в таких городах не увидишь. Им не дают размножаться. Вернее, их количество всегда под контролем. Для каждой оставшейся в живых собаки существуют больницы и гостиницы, парикмахерские и даже собственные дома – собачий лай скрадывает скучную жизнь их богатых хозяев.

Майк почему-то подумал о том, что если бы все бездомные люди в один прекрасный день залаяли как собаки, их бы поселили в отдельные вольеры и не запирали на ночь, как баранов в овчарне.

Но вот показался супермаркет, и мы на время прекратим нашу беседу.

Майк и Стив подошли к «Семс – клубу», где продавалась всякая всячина, необходимая в домашнем хозяйстве – от иглолки до кулинарных изделий.

В Америке членство в таких клубах платное, и при входе необходимо предъявлять охраннику свою клубную карточку.

Хозяев супермаркетов и крупных бизнесменов вы здесь не увидите: они занимаются самосозерцанием где-нибудь высоко в горах или на берегу океана, в уютных крепостях и роскошных виллах.

Лишь изредка встречаются со своими служащими, чтобы похлопать их по плечу или заменить новыми сотрудниками – более успешными и талантливыми.

Эгоистичные и хладнокровные, эти люди пользуются собственными вертолетами и самолетами, вместе с другими бизнесменами и политиками охотятся, ловят рыбу – фантазии по этой части досуга им не занимать.

Они неэмоциональны и ошибок никому не прощают.

Их предки собственной и чужой кровью заработали огромный капитал, и только с еще большей кровью вы сможете отнять у них привилегии богачей.

И такие люди держат под контролем государство! Они важнее Буша, они используют Президента как марионетку, с целью продвижения собственных интересов.

Их солдаты хладнокровно воюют на чужих территориях и умирают за каиновы деньги.

Человеческие судьбы и жизни этими монстрами в расчет не берутся.

С высоты Белого дома они безнаказанно опускают свои бомбы на алтари европейских церквей, разоряют мусульманские страны, заменяют президентов, влияют на существующий строй в великих державах – это их бизнес – в нем они хорошо разбираются.

Какая мелочь, если налогоплательщик по случайности украдет и съест в супермаркете поп-корм! Они сделают вид, что не заметили этого. Такие убытки планируются ими заранее.

Майк долго присматривался, чем сможет поживиться, а заодно прихватить с собой, чтобы накормить беднягу Стива, ведь

тому сюда никогда не пройти – его вид не соответствует представлению о всеобщем благополучии...

Глава 4

Подкрепившись, приятели двинулись к зданию городской мэрии, над которым развевался громадный звездно-полосатый флаг.

Дюжина вежливых сотрудников встречала своих нищих сограждан.

Прохладная струя кондиционеров врывается в помещение и спасала от жаркого душного воздуха.

Судя по очереди у офиса и количеству питьевых стаканчиков в мусорных бачках, более сотни бездомных граждан Америки успели за это утро оставить в памяти государственной системы свои скромные данные.

Майка и Стива пропустили в здание, вежливо открывая перед ними массивные входные двери.

Пока Майк заполнял регистрационную карточку, Стив восторженно рассказывал окружающим о «небесном» происхождении своего нового друга, о божественном свечении в нише моста, о звоне колоколов, о желании Майка сделать их счастливыми.

А что еще остается бедному и несчастному человеку, потянувшему веру в себя? Поверить в чудо!

Ореол волшебного сияния вспыхнул на миг и поглотил Майка. Люди изумленно и доверчиво заглядывали ему в глаза с надеждой просящего милостыню, изможденного человека. Каждый протягивал к нему свои невымытые руки, каждый хотел прикоснуться к его дорогой одежде. Бездомные окружили Майка. В помещение вбежали полицейские, они растерянно взирали на это чудо. Торжественности момента не хватало только запаха ладана.

Офис-менеджер пытался протиснуться сквозь толпу.

– Успокойтесь, – уговаривал он бездомных, – не надо так волноваться! Уверю, на саммите рассмотрят все ваши просьбы!

– Мы требуем своего представителя на саммите! – крикнул кто-то из толпы, и все поддержали его одобрительными возгласами.

– Майк! Майк! Майк! – кричали отчаявшиеся люди.

– Ну сделайте же что-нибудь! – тихо уговаривал Майка офис-менеджер. – Пообещайте им что-нибудь!!!

– Я согласен быть вашим представителем, – ответил Майк. – Но для начала мне надо все обдумать.

Народ немного успокоился, но расходиться не собирался.

– Завтра в мэрии состоится саммит по проблемам социальной политики Америки, – сообщил бездомным офис-менеджер. – Я доложу о вашей просьбе Николь Вернер. – Он протянул Майку стопку газет. – Здесь пишут об этой женщине, – он с сочувствием добавил: – пять лет назад Николь потеряла в авиакатастрофе единственного сына и мужа... Она очень богата и занимается благотворительностью. – Офис-менеджер с любопытством взглянул на Майка. – Вы из России? Я правильно выговорил вашу фамилию – Воскунец?

– Воскуц, – поправил Майк. – В переводе на английский означает «золотой». Только пробы не хватает.

Все рассмеялись. Порядок и деловая атмосфера восстановились.

Майк удобно расположился в кресле, ожидая своей очереди. Борясь со сном, он погрузился в чтение газет и журналов. Рядом, блаженно улыбаясь, уснул Стив. Только тот, кто провел ночь под мостом, способен оценить, как уютно спится под крышей, хоть и чужого, но все-таки дома...

В прессе мелькали фотоснимки Николь Вернер. Майк не особо присматривался к смазливим физиономиям на журнальных обложках: «Все это мишура, – думал он, – искусственно выращенные в косметических пробирках красавицы, без особого ума и фантазии, и, что уже совсем не редкость – без души».

Презрение и жалость к обездоленным людям проглядывались в каждом номере. Пестрили объявления: где можно получить бесплатную пищу, в каких ночлежках освободились

места, где окажут медицинскую помощь, кто позволит принять душ...

На многотысячную армию бездомных – всего несколько приютов и ночлежек, но ведь этого так мало! Почему государство не хочет разделить любовь с бесправным своим классом – нищими? Почему, приобретая большие деньги, люди теряют душу? Чего им не хватает? Бога? Почему они не ищут Бога в себе? Почему убивают его злыми мыслями и поступками? Господи, прости нас! Мы потеряли к Тебе дорогу, выветрили животной хитростью Твой дух, злом ежедневно вытравили Твою любовь. И сегодня Ты стесняешься смотреть нам в глаза и не хочешь сказать, что по-прежнему любишь нас, как и я не могу смотреть в глаза Твоему священнику, благословляющему солдат и генералов, идущих завоевывать чужие земли. Как не могу смотреть в глаза жестоким и жадным людям!

Майк на время отвлекся от чтения газет – его удивила тишина, возникшая в офисе. Он поднял голову – рядом стояла Николь Вернер, та самая Вернер, о которой трезвонили все газеты. Вероятно, кто-то из служащих уже доложил ей о волнениях в мэрии.

Нежный свет, пробивающийся сквозь оконные жалюзи, подчеркивал ее утонченную и естественную красоту. Николь улыбалась бездомным, как может улыбаться только любящая мать, глядя на своих непослушных детей, и они встречали эту женщину с восторгом и радостью.

Майк смутился. Вернер – недостижимая для него звезда. Ее свет преобладает над земным временем и пространством.

Может, ему все это просто показалось? И это только сон? Самая красивая в мире женщина обратила на него внимание, тихо и радостно улыбалась ему, а он от смущения не мог подать ей руку, чтобы поздороваться.

Обычно мы ищем богов в небесах, а они часто ходят вместе с нами по земле, живут рядом, протягивают нам свои божественные руки, но мы не замечаем или не понимаем этого.

– Так это вы «Золотой Майк»? – улыбнулась Николь. – Вряд ли мэр города – Тара Моллер – допустит вас на саммит, мэры не любят соперников.

– К черту такого мэра! – закричали бездомные, собираясь, подобно хворосту, в толпу, готовую вот-вот вспыхнуть от возмущения. – Нам не нужен такой мэр! Мы требуем своего представителя! Того, кто знает, как живет под мостом!

– Ну и флаг вам в руки! – пытался успокоить толпу Майк. – Идите на площадь и требуйте своих прав!

– Вот даже как, – усмехнулась Николь. – Пусть будет по-вашему. Но разве вы готовы сражаться за счастье этих людей?

Майк готов был умереть за эту женщину – все это поняли по его глазам.

– Ну, тогда в дорогу! – приказала она, и он послушно отправился вслед за своей странной богиней навстречу новым событиям.

Кто-то из нас не умеет стареть. А кто-то с юности уже стар и циничен. Кто-то, имея все, ни во что не верит, а кто-то, все потеряв, продолжает верить в мечту, ищет и находит в своей душе Бога.

Таким оказался и наш философ.

Глава 5

Майк смотрел через заднее стекло машины на дома с ухоженными зелеными лужайками, напоминающими театральные декорации, и, если бы не брызги воды, разлетающиеся из спрятанных в землю оросительных систем, трудно было бы назвать эти дома жилыми.

С фасада к домам подъезжают в основном почтальоны, развозчики готовой пищи и редкие гости, сообщившие о своем визите заблаговременно.

Владельцы домов въезжают в свою мечту с тыла – через гаражи.

Американской мечтой считается собственный дом, но подавляющая часть американцев не имеет прав на эти дома. Истин-

ными хозяевами являются банкиры, предоставляющие кредиты населению под проценты.

Попробуй не заплати ежемесячную сумму в банк, и на тебя обрушится вся карательная система Америки!

Финансовая сеть планомерно опутывает страны – люди не находят из нее выхода. И это называется демократией, которую банкиры стремительно продвигают на Восток!

Дома становились выше, лужайки – шире. От города они отделялись высокими и красивыми заборами. На лужайках копошились загорелые, одетые в униформу рабочие. Усадьбы украшали колонны, фонтаны, пасущиеся на лугу породистые лошади. Тишина, достойная восторга, простота и роскошь присутствовали во всем.

Николь работала на встроенном в сиденье машины компьютере. Из принтера непрерывно выползали отпечатанные листки. На специальном табло высвечивались номера входящих телефонных звонков с именами владельцев. Вспыхивали и гасли миниатюрные лампочки, отвлекая Майку от его мыслей.

Вскоре машина завернула в широкий проезд. Не спеша, словно ажурные крылья гигантской сказочной птицы, открылись ворота в цветущий бесконечный сад, над которым возвышался дом, похожий на дворец.

«Ворота в рай», – подумал Майк.

Цветы были кругом, но нашего героя уже проводили в гостевую часть дома, и он не успел насладиться этой, созданной человеком, гармонией души и природы.

Майк устремился в ванную комнату и привел себя в порядок.

Чистое белье, на выбор, новая обувь – все соответствовало размеру.

Майк обычно примерял одежду, прежде чем ее купить. А в этом доме все было предусмотрено заранее – как в сказке или в кино. Режиссировала Николь Вернер.

– Майк, я жду вас в гостиной, – прозвучал откуда-то из стен ее бархатный голос. – Вы скоро?

– Я готов!

Он прошел через огромные коридоры с живописными картинами эпохи Возрождения в гостиную и сразу прикрыл глаза руками – яркая вспышка неоновых светов ослепила его. Майк упал, а потом стремительно вознесся куда-то к небесам, где седобородые старцы встречаются с ангелами, чтобы вершить судьбами людей. Он отчетливо и ясно увидел себя идущим по облакам в белом одеянии в окружении богов, а кругом летали похожие на бабочек ангелы.

– Где я? В раю? – растерянно звал он на помощь Бога. – Где ты, Бог? Где? Ты нужен на Земле! Неужели Ты оставил нас?

В ответ кто-то столкнул его с небес обратно на землю, словно подразнив райской жизнью и предоставив возможность самому разбираться со своей судьбой...

Глава 6

Из красочного небесного рая Майк стремительно падал на землю, словно лопнувший воздушный шарик, с трудом сдерживая подступавшую к горлу тошноту.

Нелегко удержаться на ногах, когда с тобой говорят боги. Еще труднее пережить шок от предательства родных и близких людей.

– Майк, Майк, ты в порядке? – звучал обеспокоенный голос Николь, ее нежные руки касались его лица, расстегивали рубашку, массировали грудь. – Что с тобой, Майк?!?

Он открыл глаза. По щекам Николь текли слезы, от волнения и испуга у нее слегка подрагивали губы.

Отчаяние одинокой и несчастной женщины, пережившей смерть сына и мужа, проникло в сильное мужское сердце, и оно сжалось от сострадания.

– Не волнуйся, я в порядке.

Он и в самом деле ощутил прилив энергии, находившейся в гармонии с его душой и мыслями. Спокойствие и умиротворение вытеснили прежнюю тревогу.

Майк не любил сюрпризов – ни хороших, ни плохих, но чувства, которые испытывал, бесспорно, радовали его душу.

Встав перед Николь на колени, он бережно взял ее за руки.

– Все будет хорошо..., все хорошо..., ... я люблю тебя... я люблю... – он говорил по-русски, Николь не понимала его слов и все еще всхлипывала.

Нежный шепот раздавался над планетой, на самых дальних недосыгаемых звездах, в других мирах, сотворенных божественной любовью Создателя, который и нас когда-то создал по подобию тела своего и духа.

Господь услышал молитву двух одиноких сердец – мужчины и женщины, и подарил им божественную любовь, достойную богов.

Как все просто и понятно. Вроде и не изменилось ничего вокруг, только солнечного света стало немного больше. Вероятно, Солнце перед заходом решило еще раз побаловать землю, а может, это боги осветили удивительное совпадение чувств двух совершенно разных людей?

Влюбленные прошли в столовую, где их уже давно поджидала простая пища – немного, но вкусно, и даже вино, пахнущее виноградом, играло на солнышке ярко-рубиновым светом. Такое вино в России называют домашним. Наверное, «домашнее» звучит как «лучшее» или «любимое», но с этим вопросом каждый должен разобраться сам.

Майк набросился на еду, он ел, говорил и улыбался, и это почему-то радовало Николь, и она смеялась, открыто и счастливо, забыв про великосветские этикетки. А ведь в течение многих лет эта женщина находилась в тяжелой депрессии, душа ее вечно плакала, и меланхолия являлась постоянным спутником жизни.

Глава 7

Ночь пролетела быстро и незаметно. Майк уснул в комнате для гостей, а я вам скажу по секрету, этот потомок русско-

го генерала и карабахской красавицы сегодня по-настоящему был счастлив.

Николь в своей спальне еще долго молилась, размышляя о неожиданных поворотах судьбы, способных перевернуть устоявшийся ритм жизни.

Любовь, рожденная в нашей душе, не подвластна земным законам и никогда не будет разгадана. Невозможно вырвать из себя душу и забыть про ее существование – она вечна. Но очень легко поранить ее, разбив на куски, издеваться над ней, и от этого душа тихо плачет и бесконечно страдает и после нашей смерти скитается по свету и молится, чтобы кто-нибудь приютил ее обратно.

Утром Николь была особенно красива, как только может быть красива влюбленная женщина, и вся светилась изнутри нежным и тихим светом. Майк незаметно касался ее волос, вдыхая аромат любимой женщины. Счастье всегда имеет свой вкус, цвет и аромат. Однако мы не всегда замечаем этого.

Настоящая любовь соединяет две души в одно большое свечение, и влюбленные, освещенные этим светом, становятся сильнее духом и красивее. Сохраняя любовь, мы становимся богами, но это не дает нам особых привилегий, хотя и помогает проявлять неземные способности, а ведь нашим героям предстояло вырвать огромную армию бездомных, живущих по законам инерции, готовых за кусок хлеба перегрызть друг другу глотки, из лап государственного равнодушия.

Иногда государству полезно напоминать о его главной функции – служении своему народу, ведь часто оно выступает против воли собственного народа, попирая его обычаи и нарушая нормы человеческой морали.

Государство, возникшее на алчности и крови, обречено на самоуничтожение. По этой причине исчезали и будут исчезать великие империи, огромные государства и страны. А ведь пролитая кем-то кровь каплями проникает в людские души, отравляет их, мучает и преследует из поколения в поколение. Только любовью можно искупить эти чудовищные грехи.

– В твоём доме, Ника, время спешит, опережая жизнь, – Майк с сожалением взглянул на часы, вспомнив о том, сколько важных дел им предстоит выполнить.

– Сегодня мы полетим, – улыбнулась Николь. – Я редко пользуюсь воздушным транспортом, но с тобой мне будет не так страшно.

Она обеспокоенно взглянула на Майка.

– В правительстве уже знают о наших планах, думаю, и в Комитете Национальной безопасности о тебе теперь знают гораздо больше, чем ты сам.

– Значит, я смогу наконец-то разыскать прах моего знаменитого прадеда генерала Скобелева?

– Все намного серьезнее, чем ты думаешь. В этой стране убиты два Президента... Мы должны быть предельно осторожными.

Она рассказала Майку об ответной реакции правительства на нежелательное вмешательство частного лица в дела государственной важности.

Глава 8

Железная стрекоза, раскрыв стеклянные глазки, тихонько жужжала на бетонной площадке в километре от дома.

Майк и Николь подъехали к вертолету в микроавтобусе. Дорожки, ведущие к взлетной площадке, утопали в зелени и цветах. Капельки воды, не успевшие еще испариться, сверкали на зеленой траве драгоценными камушками.

Рано утром и поздно вечером эта часть природы искусственно орошалась водой. Весна принадлежала Николь и поддерживалась в её доме круглый год.

Пилот доложил о готовности машины к полету.

– Взлетай, Джо, с Богом! – приказала Николь.

Гул мотора стал нарастать, лопасти завертелись сначала неуверенно, затем все быстрее и быстрее, вертолет, качнувшись, легко взлетел над землей.

Через минуту машина уже зависла над просыпающимся городом и устремила свой путь к самому его сердцу, откуда торчали, окруженные смогом, небоскребы.

Николь, прижавшись к Майку, тихо молилась. Ничто не помешает Богу услышать наши молитвы, лишь бы мы не отвлекали его по пустякам.

Майк, обдумывая предстоящий визит в мэрию, разглядывал через иллюминатор человеческий улей.

Что заставляет людей жить, бороться за эту жизнь ежедневно, ежечасно, не эта ли самая любовь, подаренная нам Господом Богом? Внизу, как по венам, растекались длинные колонны автомашин. Чем ближе вертолет подлетал к центру, тем гуще становился поток ползущего металла, заполняющего улицы города.

Здание мэрии было окружено плотным кольцом скандирующей толпы. Людей и власть разделяла тонкая сеть стальных заграждений. Повсюду яркими пятнами выделялись машины с огромными тарелками антенн, мигали полицейские автомашины, а в переулках гарцевала конная полиция.

– Что происходит? – спросил Майк.

Николь еле сдерживала очаровательную улыбку.

– Любая война начинается намного раньше боевых действий, разве это не твои слова, мой милый прорицатель? Не ты ли просил поддержку народа? Она у твоих ног.

Вертолет завис в воздухе и плавно опустился на крышу мэрии, приспособленную под взлетную площадку, его лопасти по инерции еще вращались, а по площадке уже бежали люди из службы безопасности мэрии.

Начальник службы безопасности лично встретил и проводил гостей к мэру многомиллионного восставшего города – Таре Моллер.

Не мне вам рассказывать о том, что совесть и мораль в политике – несовместимые понятия, а подлость и лицемерие – козырные карты. Не брезгуя этими картами, Тара Моллер стремительно и грациозно ворвалась в большую политику, шаг за шагом поднимаясь к вершине власти. Но сегодня эта власть по-

шатнулась. «Железная леди», не скрывая растерянности и страха, просила Николь о помощи.

– Наконец-то, Николь! Дорога каждая минута! Я согласна на все твои условия!

– Хорошо, диктую условия! – спокойно ответила Николь. – А пока познакомься с моим партнером из России – главным специалистом по революциям – Майком Воскуцом. Благодаря этому человеку ты сможешь стать президентом.

– Мне бы дожить до завтрашнего дня, – раздраженно ответила Тара и подала Майку руку для знакомства. – Тара Моллер, пока еще мэр этого города. – Она с трудом растянула улыбку на лице. – Приятно видеть невооруженного русского революционера, но не будем терять времени, надо погасить волнения...

Глава 9

Гул разъяренной толпы прекратился, когда на площадь, взявшись за руки, вышли Майк Воскуц, Николь Вернер и Тара Моллер – два Ангела и Железная леди – так успели прозвать эту тройцу соотечественники.

На мгновение площадь замерла.

Смельчаки, вышедшие безоружными к разбушевавшейся толпе, подняли к небу сплетенные вместе руки. Их призыв, полный оптимизма и уверенности, пронесся над площадью:

– Мы вместе-е-е-е-е-е-е....

И площадь ответила им громогласным скандированием.

– Мы вместе-е-е-е-е-е-е!

Настоящий политик – это, прежде всего, великолепный оратор. Тара была неповторима в ораторском искусстве и сегодня тоже не упустила свой шанс. Обращаясь к восставшим, она не скупилась на обещания, приправив трогательно-патриотическую речь звучными словами – «народ» и «благополучие».

Вовремя сказанные политиком слова могут поднять людей на борьбу. Не понимая этих слов, не предполагая, что бу-

дет завтра, народ способен поддержать любую политическую партию, но способен и уничтожить ее, разрушив до основания все, что попадется на пути. Никакая сила не сможет в честном бою победить народ!

Хаос и беспорядок прекратились. Народ радостно приветствовал своих героев.

Николь плакала от радости. Тара пыталась заплакать, но это у нее не получилось – она не умела плакать ни в горе, ни в радости, а потому равнодушно взирала на «блаженную Николь».

Ну а народ, показав свою силу на площади, стал медленно расходиться по перекресткам и улицам просить милостыню.

Еще несколько дней горожане, насмотревшись телевизоров, будут щедро вознаграждать этих несчастных подаяниями и рассуждать за ужином о превратностях человеческой судьбы.

А кое-кто из политиков поспешит сделать вывод о том, что Америка вскоре забудет эту историю, как забываются мыльные оперы, однако сценарий Майка был написан совсем по-другому.

Глава 10

Тара Моллер, открывая саммит, уже примерялась к рангу кандидата в президенты.

Она родилась политиком и даже в постели оставалась политиком. Очень редко, и только перед телевизионными камерами, эта женщина занималась домашним хозяйством.

– Кухарки никогда не научатся управлять государством, – признавалась она близким друзьям шепотом и по секрету. – Хороший пастух растет не в стаде.

Жизнь подтверждает версию о том, что тучность стада зависит от умения пастуха ловко управлять кнутом и свирелью, и, кто знает, может быть, через тысячелетия это стадо научится самостоятельно распоряжаться своей свободой? Время покажет...

Тара Моллер не верила в божественное предназначение «Золотого Майка», однако союз с новоявленным пророком рассматри-

вала как необходимое звено в своей предвыборной кампании – влияние этого человека на народные массы было очевидным, поэтому Тара любезно предоставила ему слово на саммите.

Майк начал свою речь с молитвы:

– Господи, спасибо за то, что Ты есть, спасибо за то, что Ты с нами. Я верю, Ты не оставишь нас в долгой дороге к Тебе.

Говорил он очень тихо, но люди слышали его слова. Слух о божественном происхождении «Золотого Майка» уже облетел многомиллионный город, и сегодня все ожидали чуда, и это чудо, к великому изумлению делегатов саммита, свершилось.

Неожиданно исчезло солнце, и город покрылся мраком. Бесконечные удары грома сотрясали здание. Небеса прорвались, и на землю обрушился поток воды, за которым невозможно было разглядеть ни малейшего проблеска света. Громоздкие бронированные окна мэрии не смягчили удара стихии – раздался скрежет треснувших стекол, а затем все стихло.

За несколько секунд страха Америка успела помолиться Богу, кое-кто даже раскаялся в совершенных грехах, но, я уверен, каждый мысленно простился со своими родственниками и близкими друзьями.

Но вот снова засияло солнце, и только плывущие по асфальту потоки воды да разбитые окна напоминали о реальности случившегося.

– Господи, помилуй и прости нас! – тихо повторил Майк. – Не оставляй нас, мы верим в Твое милосердие.

Зал разразился овациями, люди хлопали, вскочив со своих мест.

Приятно слушать аплодисменты, стоя на высокой трибуне, особенно когда приветствуют тебя с любовью.

– Дамы и господа, леди и джентльмены. Судьба не раз лишала меня собственного дома. Мне знакомо отчаяние бездомного человека, и потому сегодня я благодарю всех, кто протягивает руку помощи нищим и бездомным, больным и страждущим, кто строит приюты и больницы, кто дает людям пищу и медицинское обслуживание. Но скажите честно, положила ли руку на

сердце, есть ли среди этих несчастных хотя бы один человек, кого вы вернули в нормальную человеческую жизнь? Где он, этот счастливчик, покажите его нам!

Делегаты саммита растерянно переглядывались друг с другом, но Майк уверенно продолжал свою речь.

– От нас с вами зависит благополучие миллионов сограждан, по объективным причинам оказавшихся без средств к существованию. Наш проект, за благородные цели которого я отвечаю перед людьми и Господом Богом, даст этим несчастным возможность самим вырваться из нищеты. Неужели мы с вами откажемся подставить им ненадолго свои благородные плечи?

Благородство на этот раз взяло верх. Майк ознакомил участников саммита с условиями проекта, позволяющего бездомным самостоятельно и успешно обустроить собственную жизнь. Делегаты с интересом рассматривали буклеты с математическими расчетами и логическими выводами о совместной деятельности городского управления и крупных предприятий страны.

Майк и Николь одержали победу! Саммит поддержал и принял их проект.

Саммит закончился благотворительным концертом. Этот телевизионный марафон, трансляция которого велась по всей Америке, собрал больше ста миллионов долларов.

Любой храм можно разрушить и построить заново в течение одной талантливо проведенной телевизионной передачи. Расчетный счет рос, как дрожжевое тесто. Все было продумано верно.

Глава 11

Для претворения в жизнь фантастического проекта Майку понадобились такие же фантастические полномочия, и эти полномочия предоставил крупный финансовый магнат и политик – Остин Вернер.

Остин беззаветно любил свою сестру и заботился о ней, хотя и считал Николь капризным ребенком, а ее стремление вырвать из нищеты бездомных людей называл детской забавой.

По характеру Остин был игрок. Предчувствуя большую игру на политической арене, он ринулся в бой, предупредив Николь об опасности таких игр.

– Фил Солинс, – по-военному строго представил он помощника Президента Майку.

В окружение президентов по закономерным случайностям иногда попадают достойные люди, сохранившие в себе девственную душу, таким оказался Фил.

Майк встретился с Остином взглядом, и тот обнял его, как старого друга, незаметно шепнув: «Мы знакомы! – и громко, чтобы слышали окружающие, добавил: – А ты не изменился, Майк, поздравляю с победой на саммите!»

Так легко и просто он начал свою игру.

В сопровождении личной охраны Вернер направился к губернатору штата Чаку Барри, с утра ожидавшему его разъяснений.

– Время не ждет! – бросил он на ходу фразу, ставшую впоследствии девизом жизни Майка и Николь.

И действительно, время никого и никогда не ждет.

Фил похлопал Майка по плечу.

– Наши аналитики в восторге от тебя, и Президент гарантирует вам свою лояльность. Вернерам никто и никогда не осмелится открыто перейти дорогу, их или любят, или боятся. А иногда и то, и другое вместе.

– Таковы темные шутки Белого Дома? – Майк тоже похлопал Фила по плечу. – Откровенность твоя удивляет и радует. Но запомни, любая инициатива должна быть с нами согласована. Мы не имеем права на ошибку.

Обсуждая детали проекта, они прогуливались по холлу, но кто-то тихонько подкрался сзади и по-дружески прикрыл Майку ладонями глаза. Это была его жена – Марина.

«Обними пиалу двумя руками, как любимую женщину, прикоснись к ней нежно губами, вдыхая тепло и аромат чая, медленно, глоток за глотком, втяни в себя благодатную энергию солнца!» – почему-то вспомнились ему домашние уроки по освоению премудростей чайной церемонии. Как давно все это было!

Майк не собирался возвращаться домой и не сожалел о случившемся, но с грустью вспомнил сейчас милый уголок в саду, где укрывшись от дождя под навесом, пил с женой ароматный зеленый чай.

Марина решительно поцеловала Майка в губы. Он оторопел и не мог произнести ни слова. У него не было к ней никаких чувств, кроме раздражения и жалости, даже совместные дети не меняли сути их отношений.

– Майк, ты великолепен! Почему не позвонил? Мы же волнуемся! – жена так лживо касалась его рук и лица, словно это не она, а кто-то другой обобрал Майка до нитки и выставил на улицу из собственного дома.

Такой она родилась, вероятно, для того, чтобы мужчинам в этом мире не так скучно жилось?

Но любовь – не резиновый мячик, а хрупкое солнечное сердечко – берегите ее!

Глава 12

Иногда лучше убежать от врага, пусть даже позорно, как это делает волк, убегая в лес от собаки, от ее злобного и пустого лая, чем остаться и победить слабого и ничтожного врага.

Можно ли считать победой превосходство над убогостью?

Майк и Николь, взявшись за руки, убегали, вернее, улетали из грязного шумного города от бестактности назойливых журналистов, от блеска телекамер и напряженного тяжелого дня.

Тяжело оторвавшись от пыльной крыши мэрии, вертолет перенес наших героев из третьего тысячелетия от рождества

Христова в дремучее средневековье. Даже свет, наполняющий взлетно-посадочную полосу, был естественным и дразнил вытянутыми языками яркого пламени.

Влюбленные шли, обнявшись, по лесным лабиринтам к старинному замку.

Дух средневековья ощущался везде. Причудливые арки окон, деревянные мансарды не придавали замку легкости, но незаметно возвращали человека к истории, к земле, к природе, наполняли копившейся в веках неисчерпаемой энергией.

На массивных каменных колоннах пылали факелы. Тени казались живыми, они колебались в такт пламени, усиливая мрачность остановившегося времени.

Шкуры диких зверей украшали полы и стены, мелькали блики свечей...

Майк страстно, почти грубо, обнял и стал целовать Николь. Их губы встретились, весь мир утонул в неистовом языческом танце, где под музыку пылающих сердец в небеса взлетали две грешные человеческие души. В таком поцелуе могло вместиться несколько любовных романов, вся человеческая жизнь, эпоха...

Не знаю, сколько времени продолжался магический полет сплетенных вместе тел, потому что когда мы вкушаем запретный плод райского яблока, время протекает не по земным законам.

Проведя ночь в ритме огня и света, влюбленные купались в небольшом бассейне, охлаждая разгоряченные тела водой, из воды показывались упругие груди Николь, и Майк осыпал их сочными поцелуями...

Рассвет безжалостно раскручивал свои колеса, возвращая благородную принцессу и отважного рыцаря из средневекового прошлого в настоящий день.

Так устроен мир – день сменяется ночью, на смену приходит рассвет, а потом опять приходит день, и каким он будет, мы не знаем, и нам приходится с этим мириться.

Глава 13

Все ли в нашей жизни объяснимо человеческим разумом, логическим мышлением, и может быть каким-то образом доказано? Глупость, в отличие от разума, безгранична и жизнеспособна, как бы это парадоксально не звучало. Опираясь только на логику, многие не верят в перемены, произошедшие с нашими героями, а это подтверждает гипотезу о том, что неверующий – мечты не обретет.

Но мы не будем тратить времени на размышления, так как Майк уже приступил к реализации своих планов.

Облетев муниципальные здания, выставленные городской мэрией на продажу, он выбрал два, расположенных недалеко друг от друга в живописном лесном массиве: бывшую гостиницу и опустевшее промышленное здание.

Запах городской свалки и дым пыхтевшего от усталости мусороперерабатывающего заводика не смущали его.

Долина разлагающихся городских отходов занимала огромную, даже по масштабам Техаса, территорию. Люди, живущие здесь когда-то, легко бросили умирающую природу в зловонную пасть отходов и отступили в железобетонные трущобы города.

Мусорная свалка многомиллионного города дамокловым мечом нависала над окружающей природой и разъедала ее своим ядом. Лес сопротивлялся, но осевший на верхушках деревьев пепел, при желании, еще можно было встряхнуть.

Тара Моллер с большой радостью избавилась от свалки, из-за которой ей постоянно приходилось оправдываться перед избирателями, и Майк легко представил себе, как мощные катерпиллеры разгребают это болото, а шагающие экскаваторы собирают мусор и забрасывают в умные сверхмощные машины, выплевывающие в мир спрессованные герметичные упаковки.

– Этими мусорными плитами я обложу южные границы Америки, – планировал он, – а эмиграционную службу научу работать мастерком и отвесом. – Улыбка не сходила с его небритого лица.

Пройдет немного времени, и из мусорных отходов будут производиться не только строительные материалы, из них будет вырабатываться электрическая энергия.

«Мусорные электростанции» наконец-то решат энергетические проблемы новой зоны. Но до этого счастливого момента еще надо дожить. А пока территория надежно охранялась от внешнего мира – только на этих условиях сенат согласился направить на работу в зону строительства из тюрем Америки заключенных, в совершенстве владеющих строительными специальностями.

Для бездомных открывались производственные школы, где они могли приобрести рабочие профессии. Количество прибывающих в зону бездомных обескуражило даже бывших военных, но Майк умудрялся всех обеспечить работой и расселить во временные палаточные городки.

С предприятий и заводов Америки поступала техника и строительные материалы.

Чтобы как-то восполнить тающие на глазах банковские счета, Майк заключил договора с крупными автомобильными страховыми компаниями и стал закупать у них списанные автомобили. Механики и сварщики умудрялись расчлнять такие машины на запчасти. Запчасти упаковывались и отправлялись на продажу.

Группа отставных армейских генералов готовила плацдарм для успешных мирных баталий. Соскучившиеся по военной дисциплине, они сияли от счастья и удовольствия.

Строим никто не ходил, но когда труд поощряется достойным денежным чеком, дисциплина не вызывает удивления.

Телевидение, установив свои камеры на рабочих площадках, позволяло Америке смотреть захватывающий сериал из реальной жизни, и это приносило ежедневный доход в казну проекта.

Многие узнавали своих родных и знакомых, и кому-то становилось стыдно за свое равнодушие и жадность – Бог возвращал им души.

В штабе, в передвижном военном командном пункте, хозяйничала Николь. Она прекрасно справлялась с навалившимися на нее обязанностями друга и любовницы, пресс-секретаря и министра, оставаясь при этом нежной женщиной и любимым ангелом.

Вдохновение не покидало влюбленных.

Майк и Николь беззаветно любили друг друга, превращая огражденную зону в романтический остров любви.

На первые заработанные деньги гуляли по-русски, с размахом.

К заключенным приехали дорогие им люди.

Три месяца упорного коллективного труда принесли свои первые плоды, но не все было так гладко, как вы думаете.

Глава 14

Майк проснулся. Его разбудило утреннее пение птиц. Солнечные лучи робко играли на массивном каменном подоконнике.

Майк почему-то вспомнил детство, пение жаворонков, туман над заливными лугами, маму с кувшином парного молока... Вспомнил, как мчался по проселочной дороге на рыжем скакуне навстречу солнцу. Оранжевая грива коня развевалась на ветру, и рубашка на спине Майка вздымалась парусом...

– Зачем я здесь, в этой стране? Где все чужое и даже имя мое стало чужим. Майк! А как хочется, чтобы кто-нибудь называл меня просто, по-русски, как в детстве, Мишенькой.

Николь спала, положив обе ладони себе под щеку.

– Девочка моя... Я построю этот город, даже ценой своей жизни, иначе жизнь потеряет всякий смысл.

Он закрыл глаза и стал мечтать, как когда-то в детстве, создавая в своем воображении картины сказочного города.

– Я построю квартал для художников и поэтов. Открою ресторанчик, где всегда будет горячая бесплатная пища. Поэты станут читать свои стихи, а барды – петь песни. А по вечерам на площади будут звенеть куранты.

Майк загрустил, вспоминая Красную площадь в Москве, бой курантов, пионерский лагерь Артек, и себя горнистом в знаменной группе, с алым пионерским галстуком на груди.

– Эх, Россия моя, Россия! Неразгаданная моя страна.

Взглянув на птичек, поющих на мансарде, Майк позавидовал их нехитрой свободной доле.

– Ми-шень-ка...– прошептала во сне Николь, и он страстно и нежно стал целовать ее, спящую, в губы, глаза, шею. – Ми-шень-ка...– повторила она, отвечая на его поцелуй и поднимаясь вместе с Майком куда-то в Космос и дальше Космоса...

Солнце протянуло из-за края земли свои теплые лапы и уже заглядывало румяным личиком в комнату. Осмелев, оно наполнило спальню водопадом утреннего света, из которого доносилось радостное пение птиц.

Начинался рабочий день.

– Пора вставать, Майк. – Николь нежно поцеловала его закрытые глаза.

– Хочешь, прогуляем сегодняшний день? – лениво потягиваясь, предложил он. – Ты прогуливала когда-нибудь уроки в школе?

– Я всегда была отличницей, Майк, – с сожалением ответила Николь, ей никогда не приходилось прогуливать занятия в университете.

На мониторе компьютера высветилось расписание рабочего дня, с необходимыми комментариями, заботливо добавленными Николь.

Майк еще раз пробежал глазами распорядок на день.

– Сегодня все прогулы отменяются! Время не ждет!

– А как насчет завтрака, или он тоже отменяется? – улыбнулась Николь.

– Война войной, а завтрак по расписанию, это еще мой дедушка любил повторять, – ответил Майк, уже плескаясь в бассейне.

Вскоре вертолет, в соответствии с законами аэродинамики и сэра Ньютона, оторвался от земли и взлетел в утреннее небо, чтобы через двадцать минут доставить Майка и Николь на

поле чудес, где в поте лица работали бездомные и нищие вместе с узниками Америки, стремясь вырваться из нищеты и неурядиц и поскорее получить долгожданную свободу, если, конечно, эта свобода где-то еще существует.

Глава 15

За производство Майк не беспокоился, оно находилось под контролем профессионалов и быстро набирало обороты. Беспокойство вызывали увеличивающиеся расходы на медицинское обслуживание бывших бездомных. Букеты болезней с годами въедались в голодные тела и не стремились отступать так быстро, как хотелось бы. Наркомания, которой страдал и наш старый знакомый Стив, не поддавалась лечению, и Майк, видя воочию мучения своего подопечного от непрекращающихся ломок, подумывал легализовать в зоне употребление естественных наркотиков. Очень часто мы унижаем больных и несчастных людей своими надуманными законами.

Любое издевательство над сексуальными меньшинствами в зоне каралось безоговорочно и сурово. Любой вид насилия над человеческой личностью пресекался незамедлительно, но при этом труд для всех был обязателен.

Майк разыскал жену и дочь Стива, и после недолгого торга они согласились поддержать Стива в реабилитации. Стив сиял от счастья и благодарности.

Хотя в зоне трудились заключенные, совершившие свои преступления по неосторожности и впервые, они все же преподносили сюрпризы.

Мафиозные структуры пытались наладить контакт с Майком, но их попытки не имели продолжения: только внутри человека возможно присутствие и черта, и бога одновременно, вне нас они несовместимы, как несовместимы смерть и жизнь.

По просьбе Фила из тюрьмы в зону был переведен крестный отец мировой мафии, уже старый и больной, сгибающийся от

тяжести преступной короны – знаменитый Тинторенто, заслуживший несколько пожизненных заключений.

Майк захотел встретиться с этим человеком, о котором были сняты фильмы и написаны книги. Никто из смертных не породил о себе больше мифов и легенд, чем этот необразованный сицилийский крестьянин, сумевший управлять преступной Америкой дольше, чем любой ее президент.

Перед Майком, закинув ногу на ногу, удобно расположившись в глубоком кожаном кресле, сидел уставший от жизни и славы, ухоженный до глянцевого блеска, благообразного вида старик. Казалось, он был само милосердие, невозможно было представить, что по его приказу в мирное время расстреливались целые семейства, вешались и сжигались бывшие друзья, односельчане и родственники. Топились, как котят, предавшие его братья, а он продолжал жить и по воскресеньям обязательно ходил в церковь. Все сходило Тинторенто с рук, пока он не замахнулся на власть.

– Государственная власть не может принадлежать крестьянам, сын мой, – говорил он Майку, – мы упрямы и прямолинейны и, как запущенные на орбиту ракеты, можем высоко и долго вращаться. А звезды зажигают другие.

Майк смотрел на Тинторенто, и его взгляд, преодолев время и пространство, упирался в высокий глиняный забор отчего дома, на котором когда-то, мальчишкой, рисовал футбольные ворота, и откуда свалился во двор, убегая от милиции, известный на всю округу неисправимый хулиган и вор, смутьян и весельчак – Рыжий Паша, всей своей надушенной персоной.

Местные пацаны завидовали Паше, но, видно, и любили, прощали ему все, даже то, что он душился духами.

Обычно Паша пропадал на своей голубятне, или в милиции, но там его долго не задерживали, потому что без этого бандита районную милицию за ненадобностью сократили бы. А так, на свободе, Паша поддерживал стабильный уровень преступности, обеспечив работникам правопорядка заработную плату и незначительные поощрения министерства.

Красивый и смелый, добрый к простому народу, он считался в округе национальным героем, покруче любого из трех богатырей.

Дети в те незабываемые времена воспитывались на героических примерах Дубровского и Робин Гуда, книги про Ленку Пантелеева зачитывали до дыр. Не потому ли у нас сложилось особое, иногда не поддающееся логике отношение к людям, похожим на Рыжего Пашу, а к милиции, увы – нелюбовь?!

Вот тогда отличник и пионер Михаил Воскуц помог спрятаться убегающему от милицейской погони вору и смутьяну в глубокой яме, где дед Михаила на лошадином навозе выращивал прекрасные и сильные саженцы.

– Миха, – еле переводя дыхание, прошептал Рыжий, натягивая на себя кипы сена, – скоро здесь будут «собаки», с ними не базарь. Не будем прощаться.

Через год Рыжего Пашу убил приезжий опер.

На могильном мраморном камне местные каменотесы выгравировали улыбающееся лицо, окруженное стайей порхающих в небе голубей.

Никого в городе потом так пышно и с таким почетом не хоронили, как местного героя – Рыжего Пашу... Менталитет не расстреляешь.

Вот и сегодня Майк закурил с Тинторенто сигареты, пахнувшие Рыжим Пашей, дым от которых, расплываясь в воздухе, соединял невидимой нитью две разные грешные души.

– Майки! – любовно пропел Тинторенто, – думаю, Всевышний дал мне жизнь только с одной целью – спасти тебя от смерти, и я эту миссию выполню. Противно смотреть, как эти мрази дышат вместе с нами одним воздухом, ходят по одной земле. Жалкий трус, койот твой Стив! На шестом нуле продался сам, а заодно продал тебя и твою девочку Николь. Пули для вас уже в автоматах и ждут вашей смерти. Сучий бизнес! Продажные твари!

Его лицо покраснело, на шее набухли вены. В глазах, покрытых старческой пеленой, вспыхнула злоба. Ярость охватила сильное крестьянское тело. Сжав кулаки над головой, он сотря-

сал ими воздух. Скрежет вставных зубов напоминал о том, что злить этого старого волка смертельно опасно. Шипящая смесь английской и итальянской ругани вызвала у Майка озноб.

– Майки, ты слышишь меня? В конце концов, скажи что-нибудь!

Майк не ответил, а Тинторенто вдруг успокоился, словно принял какое-то важное решение.

– Любая человеческая жизнь стоит не больше тридцати серебряников, видно, они знают пробу твоего золота, Майки, – он по-отечески похлопал его по плечу.

После долгого молчания и раздумий Майк спросил:

– Почему? Без встречи, без переговоров? Почему?

– Зачем расстраивать человека перед смертью? – сердито сощурил глаза Тинторенто. – Они гуманны. Они образованны и воспитанны. Не крестьяне.

Майк представил себе, как приходит к Стиву вместе с Николь, и тот встречает их автоматной очередью.

– Чем больше Гулливер дает лилипутам, тем лилипуты становятся злее. – Он почему-то вспомнил слова забытой песни «Ненасытные лилипутики».

Тинторенто зло рассмеялся, повторяя за Майком: «Лилипутики, лилипутики».

Николь застала двух взрослых мужчин, хохочущих беззаботно, словно дети. Она долго не могла понять причину их отчаянного смеха, от которого вдруг почернели облака и выплеснули всю свою тяжесть на иссохшую ладонь земли.

Ливень хлестал с такой силой, будто одного потопа было мало на этой грешной земле. Раскаты грома, бездна черных туч заполнили небо и взрывались там молниями, опускаясь холодным и мощным дождем на улицы городов, деревень и поселков.

Энергия разбушевавшейся небесной стихии постепенно гасла под толщей непрерывного потока воды, испаряясь дымом и паром.

В гневе природа ужаснее сказочных чудовищ и не разбирает, где свои, где чужие, и как оборвавшийся натянутый трос, на-

стигает там, где меньше всего ждут, вызывая в нас отчаяние и недоумение.

Николь в страхе прижалась к Майку. Ее слезы, скатившись по нежным щекам, блестели на прекрасных губах, и Майк, нарушив сложившиеся в приличном обществе традиции, стал целовать соленые слезинки на лице своей любимой женщины.

Старческий кашель Тинторенто и оглушающий гул природы не могли заглушить биение влюбленных сердец. Ничто не может победить нашу любовь, если мы в нее безгранично верим.

Причин ненавидеть Воскуца у обывателя было больше, чем достаточно. Потрясенный улей чиновников обнажил свое гнилое нутро и стал рассыпаться: бездомные улетали, в прямом смысле слова, в теплые и сытые края Золотого Майка. Государство оплачивало эти расходы, сокращая соответствующие штаты сотрудников во всех своих структурах.

Великое «переселение народов» потрясло демократичное государственное дерево. Гневу сорвавшихся с насиженных веток чиновников не было предела – каждый из них проклинал Майку и готов был растерзать его своими ухоженными за счет наших налогов, сверкающими зубами.

Вокруг президента политические вороны тоже начали точить клювы – приближались выборы, и союз Тары Моллер с «русским революционером» был непредсказуем. Да у них явно и не сложились приятельские отношения с этим «пришельцем», отказавшимся жить по их законам.

Монстр капитализма – автомобильная индустрия – почувствовала легкое недомогание – на ее складах накопилось огромное количество новых автозапчастей, в то время как народ предпочитал покупать запчасти у Майка.

Строительные компании, не ожидая такой прыти от самозванца, с ужасом наблюдали за каждым его очередным проектом.

Преступный мир уже готов был за деньги решить эти проблемы своими традиционными хирургическими методами.

Майк чувствовал напряжение в окружающей среде и спокойно, без суеты, шел навстречу смерти. Только смерть может подвести итог нашего земного бытия...

Кто же замахнулся на святого Майка?

Может, зря мы стали подозревать все это скопище грешных людей, забыв про банальную причину неразделенной любви какого-то магната к Николь Вернер?

Ее уже не однажды вездесущие газетчики пытались безуспешно выдать замуж, но каждый раз после такой клеветы им приходилось обновлять разбитые витрины своих офисов, забросанные любимым оружием безработного пролетариата – булыжниками.

Бездомных не победить. Лишенные свободы, счастливые на короткое время, мстители приобретали кров над головой и регулярное питание. Войны с кочевниками глупы и напрасны, особенно когда ведутся в пустыне.

Жаль, но эту книгу не прочитают погрязшие в войнах президенты великих держав: им, наверное, трудно оторваться от своих миллиардных банковских счетов.

Деньги, как стихийное бедствие, с большой разрушительной силой выворачивают ход истории. Но никакие деньги не смогут отвлечь нас от разгадки истины.

Кто? Кто конкретно организовал это покушение? Откуда дуют ветры? Кто за все это платит?

Русский автомат, изобретатель которого долгое время нищенствовал, в данном случае был только дешевой американской фишкой.

«Русские идут!!! Русские идут!!!» Русские не всегда идут, даже когда их приглашают. Пржевальский и Дежнев, скорее всего, исключения из правил.

Майк по своей инициативе пересекал лишь Московскую окружную дорогу и не собирался уезжать на Запад, и только благодаря Марине, лягушке-путешественнице, стал участником великих событий.

Великие события – вот к чему стремится русская душа. Вся история Руси пронизана такими событиями. Историки не дадут нам соврать, они это сделают лучше и незаметнее – трагедия человеческой летописи в том, что она искажается продажными историками.

Но правда всегда одна. Россия после любых катаклизмов становится красивее и богаче.

Майк был уверен в том, что Россия без него не оскудеет, и, успокаивая себя этой надеждой, уехал на Запад.

Но, видно, когда долго летишь на Запад, оказываешься вновь на Востоке. От любви до ненависти – человеческая глупость, один предательский шаг. Как часто мы, не задумываясь, делаем этот роковой Шаг.

Выплеснув свой гнев, природа снова успокоилась, и солнце как ни в чем не бывало выставило свое румяное улыбающееся лицо над плоскими черными крышами и промокшим лесом.

Чтобы спасти Стива, Майк срочно вылетел к нему, отправив Николь на время к брату. Тинторенто, напевая песенку «Чем больше Гулливер дает, тем лилипуты злее», в сопровождении охраны пересекал черту между долгой жизнью, с бесчисленными грехами, и вечной смертью. С его крестьянской души наконец спал тяжелый крест прожитых лет, и, почувствовав свободу, тело старого мафиози готово было вспыхнуть от счастья. Но оно не успело этого сделать, потому что вечером кто-то заботливо развесил его над преступным продажным миром. И, хотя в прессе напишут, что разбойник умер не своей смертью, не верьте прессе. У каждого своя Смерть.

Майк летел к Стиву, чтобы спасти жизнь человеку, невольно попавшему в сети его судьбы. Он не боялся своей смерти, потому что знал: смерть, как и жизнь, дается ему в награду, и готов был принять ее с благодарностью. Но как все это объяснить бедному Стиву, который через долгие голодные годы бродяжничества снова увидел свою дочь, почувствовал бие-ние родной крови и так хотел насладиться этим счастьем, но ему не оставили выбора.

Майк понял это сразу и не гневался на больного американца.

Персонал клиники, предупрежденный о готовящемся покушении, принял необходимые меры и с волнением ожидал на взлетной полосе вертолет. Вихри воздуха, раскрученные горя-

чими лопастями, срывали с плеч белый костюм Майка, и он, придерживая лацканы пиджака руками и пряча глаза от любопытных, быстро прошел в административное здание клиники. Его волосы, не поддающиеся никаким классическим формам, торчали в разные стороны, – хуже, чем у знаменитого физика. Правильнее было бы сказать, хуже, чем у самого знаменитого физика. Знаменитость ученых и величие их учений – категория относительная, так же как и степень нашей вины, ибо определяются заинтересованными лицами. Цены на черные квадраты устанавливаются в узком кругу единомышленников.

Вот и в клинике новость привела всех в шок, хотя, может быть, только единицы смогли бы вынести достойно это испытание, окажись они на месте Стива.

Стив сидел на кровати и слышал рокот приближающегося вертолета. Он сжался так, что клетки его организма ощутили размеры своих молекул. Пот лился ручьями, и не было сил встать на ноги. Рокот вертолета раздирал ушные перепонки и, пробив череп, уходил из сознания. Несчастный почувствовал шершавую грань крутящихся лопастей машины в своем теле. Не замедляя скорости, они рассекали его тело на куски окровавленного мяса. Со стен стекала кровь и мозги с обрывками мыслей, безуспешно пытавшимися продолжить свои реакции.

И только глаза, чудом сохранившие видимость, воспринимали, каждый по отдельности, картины этого ужаса.

Боль, накрыв Стива огромной волной, разбилась о стену и, смыв с нее предыдущую картину, растекалась под ногами.

В недостижимой дали он увидел Майка, возвращавшего ему кровоточащую безжизненную руку.

Увиденные картины медленно прокрутились в обратную сторону, и из месива стали вытягиваться части человеческого тела. Они беспорядочно соединялись между собой уродливыми швами, куда устремилась липкая кровавая жижа. Хотя о стерильности палаты смешно было подумать, относительный порядок все же восстановился. Сердце Стива стало сокращаться. Человеческая жизнь, цепляясь за каждый выступ организма, медленно возвращалась в тело.

– Дыши, Стив, дыши, – умолял Майк, держа его пылающую голову двумя руками. – Не умирай, Стив, пожалуйста, не умирай.

Повернувшись к врачам, он приказал им:

– Помогите же, мать вашу!

Вторую часть предложения он сказал по-русски. Но врачи, легко болтающие по латыни, видимо, русским языком владели тоже – и слава Богу. Отборный мат – уникальная и неотъемлемая часть русской словестности – мигом снял с них возникшее оцепенение.

Врачи наконец поняли, что Стива необходимо спасать, и бросились исправлять ситуацию. Подключив обмякшее тело больного к дыхательной системе и капельницам, спасательная команда увезла эту грудку остывающего мяса в реанимацию.

Майк остался один в больничной палате. Он подошел к огромному, на всю стену, окну и, смяв ленточные жалюзи, прислонился к стеклу.

Там, за окном, торопливо пряталось налитое кровью солнце, заливая горизонт алой краской. Воздух удивлял своей необычной прозрачностью, в котором с одной стороны отчетливо выступали разноцветные небоскребы, а с другой, по линии горизонта, верхушки седеющего леса. В лесной проседи Майк увидел волны живой зелени.

Почему-то вся увиденная картина потеряла резкость, и руки Майка машинально потянулись к глазам. Он присел на низкий подоконник, шуршанье извивающихся жалюзей не смогло заглушить мелодию звонившего в кармане телефона – только на звонки Николь этот телефон сначала трепетал, как пойманная птичка, и затем разливался веселым щебетанием.

– Ники, милая, я люблю тебя... Не плачь, милая, любимая моя девочка. Пожалуйста, успокойся. Я люблю тебя, Ники... Не беспокойся за меня... Пока ты любишь, я буду жить. Без тебя я не смогу даже умереть... Скоро буду... Обещали, Стив выкарабкается... Наш лес, ты знаешь, Ники, ожил тоже.

Майк уже шел к вертолету и все признавался Николь в любви.

МАРИХУАНА

- Мария, милая, мы теряем высоту.
- Хуан, милый, любимый, я беременна, я люблю тебя, очень!
- Да, и ты молчала, милая моя, это я люблю тебя, и ты знаешь, как...
- Знаю, милый. Неужели мы умрем? Хуан, так жить хочется!
- Не плачь, милая, закрой глаза. Проклятый туман, ничего не видно.
- Спаси нас, Хуан, Боже, если ты есть, спаси нас, спаси... спаси... спаси.....

Они познакомились случайно, как и все. Не все ли знакомятся случайно? Его прадед – испанский коммунист переехал в Россию, спасаясь от Франко, дед играл за московское Динамо, потом за сборную СССР и мечтал видеть внука футболистом. Но когда младенца хотели назвать так же, как и его, Игорем, он пошутил:

- Ну, какой же он Игорь? Вылитый дед Хуан.

Хуан стал программистом. Легко завершив МАИ, он «заболел» компьютерами и на них мог крутить любые «бочки» и «петли», открывать любые сложные замки и секретные двери.

Его компьютеры имели души. Хуан их обучал, как учат детей, общался, как с друзьями.

Лазарева Мария была по паспорту русской, с волнистыми, цвета солнца, кудрями и васильковыми глазами, но это ее предки – армяне из Персии перебрались в Россию и построили знаменитый свой Лазаревский Дом в Москве, куда заходили на чай Пушкин и Грибоедов, Тургенев и Тютчев, да мало ли кто заходит в гости к дворянам выпить хорошего вина и попросить в долг денег.

Иван Лазаревич Лазарев был некрасив, но щедр и гениям не отказывал в помощи.

Но даже он, прозорливый и успешный бизнесмен, не мог тогда предположить, что его праправнучка будет такой светленькой красавицей и совершенно русской.

Математический склад не женского ума Марии удивлял седебородых ученых авиационного института, куда она и поступила без экзаменов, и вроде бы чисто случайно встретилась в библиотеке с вундеркиндом Хуаном Сергеевичем Нетто.

Хуан, как и подобает донам, готов был станцевать перед ней танго, но, к сожалению, он не только не умел танцевать, но и говорил на испанском скверно, от чего бабушка Сильвия недовольно качала седой головой и призывала в помощь Святую Марию.

И Мария явилась Хуану, став его любовью. Они были неразлучны, и студенчеству МАИ не стоило большого труда назвать эту пару «Марихуаной». Что они имели в виду, я не знаю, но настоящая любовь сильнее наркотика, и это благодаря ей земля кружится.

Когда великая страна раскололась, как перезревший арбуз, вывалив из себя кровавое месиво, подставляя себя грызунам и птицам, Марихуана – союз из двух любящих сердец – снял свой скромный офис, став тоже независимым обществом с неограниченными правами и совсем незначительной ответственностью. Хороший английский и сносный испанский повели наших героев дальше самостийного Киева, и уже солидные мировые компании имели честь жить и работать по марихуановским программам.

Фантазия, наполненная любовью, давала зеленые шершавые листья с обросшей головой американского президента. Высокий лоб, грустный, сожалеющий взгляд и джокондовская усмешка мистера Франклина вскоре стали укладываться высокими пирамидами на счету русской компании влюбленных.

Деньги, дающие власть на западе, опасны для жизни в России. Тут много паразитов, не умеющих работать и жить. Не от этого ли недоуменное сожаление Бенджамина?

Хуан, чтобы не платить чеченским джигитам за кавказский зонтик, укрылся под крышей разбойника Сильвестра и исправно платил налоги его гонцу, обеспечив тем самым спокойный ритм своему бизнесу.

Все шло к свадьбе – родственники уже ходили в гости друг к другу и любовались семейными фотографиями с восхитительной экзотикой знаменитых предков, сверяя списки приглашенных на свадьбу гостей. Но, к большому сожалению, подложенное под белый шестисотый Мерседес Сильвестра зарядное устройство все же сработало, и преступный мир заново стал делить награбленное.

Московские кладбищенские чиновники потирали руки. Надгробия росли быстрее грибов, цены на землю еще быстрее. Из недр выбрасывались все несвятые мощи рядовых москвичей и вместо них закладывались святые каждому братану авторитеты. Деньги покрывались кровью и свинцом, под грустную музыку покоя.

Когда бандиты предложили Хуану пройтись по закулисной сцене одного не последнего в столице банка и проверить там количество улыбок все того же президента, Хуан по горячности своей возмутился, и ему потом пришлось обращаться к зубному врачу. Не помогли даже связи с грузинским спортсменом Отари, у Квантришвили убили брата, и он был занят похоронами.

В городе шла война, стреляли все, даже азербайджанская диаспора, и иногда попадала.

Через три дня, чтобы отвязаться от Сильверстенников, Хуан, покопавшись в компе, угадал точную сумму денежного

запаса, требуемого бандитам банка, решив, что не грех рядовому вкладчику знать потенциалы своего родного финансового учреждения.

Вроде мир восстановился, но через неделю беда опять постучалась в двери его офиса, вернее, в одно прекрасное московское солнечное утро их выбили с петель.

Марию увезли сразу, Хуана – по частям. Его окровавленное тело, конечно, сопротивлялось, но бандитов было много, и они, гады, были хорошо подготовлены и вооружены практикой, а потому без особого труда вывезли имеющуюся в офисе технику.

Хуан очнулся в глухом пустом подвале, потерял счет времени, обдумывая случившееся, устал соображать и, подавленный сознанием своего бессилия, уснул, прислонившись к стене.

Ведущая вверх лестница упиралась в железный люк, который вдруг открылся, и долгожданный свет хлынул в квадратное пространство, осветив лестничные ступеньки и бетонный пол.

– Эй, подымайся, поговорим. Давай, вылазь, слышь, или снова тебе помочь?

– Где Мария?

– Письмо тебе от нее, давай сюда, на свет, давай, давай...

Хуан заправил сорочку в смятые пыльные брюки и медленно поднялся по гулким лестницам наверх.

В огромной комнате сидела, стояла и копалась в его технике бригада одинаково коротко подстриженных качков провинциальной твари. Откуда только не сорвалась эта шпана и не хлынула в столицу за чаевыми. Их диалект, приправленный чертополохом и жухлыми травами, доводил Хуана до бешенства, но он принял отрешенный вид, давая понять, что всякий контакт не будет иметь смысла до тех пор, пока Марии угрожает опасность.

– Где Мария? Я не произнесу ни одного слова без нее.

Бригадир, а он выделялся в этой группе спокойствием, остановил взглядом своего «гладиатора», который все же успел нанести Хуану сногшибательный удар ботинком в живот.

Хуан даже не попытался защититься и остался лежать на полу. Он не чувствовал боли, только душа болела и жалобно стонала.

«Прости меня, Мария, прости, любимая, прости, – он тихо шептал, как молитву, ее имя, прижав колени к подбородку и обхватив их руками.

В стенах не было окон, одна лишь массивная железная дверь. Естественный свет не проникал в помещение. Компьютеры уже успели подсоединить к сети, и со всех мониторов улыбалась Мария, заставляя Хуана страдать.

– Тебе все простят, вернут свободу и ее, – бригадир пачкой Мальборо указал на экраны. – Она, бедненькая, плачет и к тебе просится, Марихуана, подумай, все тебе простим, любопытство твое и все остальное.

– Где письмо?

– Несут.

Дверь открылась, и Хуан увидел интеллигентного на вид седоволосого мужчину.

Тот извинился, прежде чем начать разговор.

– Еще не все потеряно, мальчик, из-за тебя мы лишились целого банка, результат ты сам почувствовал на себе, извини, – он протянул сложенный лист бумаги, и Хуан увидел красивый почерк Марии.

– Видишь, ни один ее золотой волос не пострадал. Пока не пострадал. У вас имеется шанс отпраздновать свою свадьбу, вернуться к работе, в офис, домой.

– Что вам нужно?

– Наши деньги, мальчик.

– Какие деньги?

– Благодаря тебе, Марихуана, твоим машинкам мы попали. До нуля попали. До копейки, – цвет лица мужчины из бледного превратился в землисто-серый, он сверкнул глазами и протянул другой лист.

Бандиты покойного Сильвестра продали Хуана владельцам злополучного банка.

– Мы с тобой, как видишь, мягко обошлись, твоя очередь отплатить нам вежливостью. Оставьте нас, пацаны. – Он указал братве на дверь.

Те послушно удалились.

– Тебе достаточно этой техники для работы?

– Какой работы?

– Всего один трансферт с одного счета на другой, и вы свободны, Марихуана, слово банкира.

– С какого счета?

– Ты уже нравишься мне, все реквизиты тут, присядь.

Хуан сел.

– Заведи свои игрушки и работай, чем быстрее будешь работать, тем быстрее Марии станет легче.

– Это же американский банк.

– Почему нет, ты же с ними работал, или мне неправильно подсказали?

– Да, было дело, но эта программа в настоящее время доступна только им, и я не могу, вернее, там уже мне невозможно хозяйничать, за это мне и платят.

– Говорят, если ты сильно захочешь, то и резервный их банк вскрыешь для русских.

– Говорить не делать. Созданная мною программа не имеет обратного хода, она, как неизвлекаемая мина, хотя и страшно, но я должен вам в этом признаться.

– Понятно, будешь умирать тут у компьютера, а вдруг найдешь обратную дорогу к жизни? Мне тебя жаль, Марихуана, но другого пути нет и не будет. Думай, тебе решать – жить Марии

или... Или ее это быдло мухосранское, сам понимаешь... Подумай. Времени осталось не так уж много – одна неделя. Семь дней и ночей.

Хуан опустил голову. Как всегда, светлые мысли не заставили себя долго ждать и пришли к нему вовремя. Замешательство, сковавшее мозг гения, уступило место принятому решению, и глаза его снова загорелись огнем.

– Хорошо, – ни к кому не обращаясь, произнес Хуан и протянул руку к небольшому монитору. Через мгновение изображения Марии на экранах превратились в белых голубков и разлетелись, хлопая громко крыльями. Акустика полупустого помещения украсила взлет этой стаи, превратив камеру в голубятню. На мониторе еще кружились белоснежные перышки, оставленные голубями, а пара любопытных и очень удивленных карих глаз непонятого существа уже взирала на Хуана. Над экраном вспыхнул бирюзовый глазок и раздался необычный голос, напоминающий баритон Левитана:

– Что с тобой, Хуан? Все твои параметры зашкаливают, рука дрожит. Мне даже неудобно сказать тебе «доброе утро».

– Доброе утро, Ко, – не поднимая глаз, произнес Хуан.

– Что за люди, я их никогда не видел, кто они? Буду язык держать за зубами. Да, Хуан?

– У тебя никогда не будет зубов, и ты это прекрасно знаешь.

– У Ко все будет. Любовь же появилась, и мои чувства. Это тебе надо добавить памяти. Ты все забываешь, Хуан. Если бы не моя пунктуальность, ты бы и обедать забыл. Как ты пишешь мои программы, не пойму, даже шевеля все свои байты. Кстати, о памяти, вторая сверху карта плохо прижата к плато, прижми ее, Хуан, она добавляет мне скорость мышления.

– Ты сегодня замолчишь? – недовольно ответил Хуан и поднял глаза. – Дашь мне слово молвить, или убрать твой звук?

– Опять? Ты сам запрограммировал и разрешил говорить все, что приходит мне на язык. Знаю, и языка у Ко пока нет, но

мне все трудней ворочать звуковой картой, она устарела. Три Д уже неделю выпускает новые саунд-карты, ты мне их обещал купить и снова забыл, – глаза вдруг, вспомнив просьбу Хуана, прищурились, – говори, твоя очередь, постараюсь увеличить время паузы.

– Наконец. Слушай, Ко, и помалкивай. У нас неприятности.

– А у кого их не бывает? Я тебя давно предупреждал, Хуан, хранить наши яйца в разных корзинах, – глаза стыдливо опустили ресницы. – Кому на этот раз взятки понесешь? Так можно и без штанов остаться, с голой задницей.

– Ты не исправим, Ко, – Хуан протянул руку к клавишам и уже почти прикоснулся к ним, но банкир грубо схватил его за запястье.

– Без фокусов, мальчик. Марихуана, слышишь меня, без фокусов, понял? Нам уже терять нечего.

– Фашист? – Ко в ужасе сдвинул брови.

– Заткнись, Ко, – Хуан встал. – И вы тоже, как вас там, запомните, я принял решение, если хоть один волосок Марии пострадает, я прекращаю с вами общаться. Никто, слышите, никто, кроме меня, вам не сможет помочь. Никто. Не мешайте мне работать, или я похож на самоубийцу?

– Сядь и работай, но мои технари должны знать о твоём каждом движении заранее.

За спиной Хуана, прислонившись к его стулу, стояли два банковских программиста и внимательно следили за экраном, Хуан даже не заметил, как те вошли.

– Это их проблема, я не намерен терять время, а оно уже идет. Или не так?

– Время пошло с сегодняшнего утра, ты прав.

– Мне нужны кое-какие диски из офиса, а еще я голодный и прошу, чтобы кушанье было без вареного лука и подороже. Могли ли я заказывать блюда?

– Можно и заказывать, был бы результат.

Дверь со скрежетом открылась, и бандиты внесли одну за другой три больших коробки из-под компьютеров.

– Весь твой хлам – диски, шмиски, папки – все тут, – бригадир ногой слегка ударил по одной из них. – В офисе только пыль осталась и аквариум. – Бандиты засмеялись. – И цветочки в горшочках.

Хуан с трудом опрокинул содержимое одной из коробок на пол и стал разбирать папки.

– Не мешайте работать, мне не хватает воздуха. Пожалуй-ста, – он посмотрел на банкира, и бандиты молча удалились на свой пост в соседнюю комнату.

Седоволосый что-то посоветовал своим программистам и на прощание сказал:

– Марихуана, я очень хочу, чтобы ты жил, но и ты постарайся выполнить работу. Завтра увидимся, пока.

– Подожди, не уходи, – Хуан на листке набросал пару строк Марии и передал банкиру. – Принеси ответ, чтобы я мог работать.

– Хорошо, будет тебе ответ, работай.

Когда он вышел, Хуан посмотрел на технарей, те виновато опустили глаза.

– С вами все ясно. Эй, Ко, ты что, спишь? – он наконец обратил внимание на полузакрытые глаза своего ученика и друга.

– Ты же приказал Ко заткнуться, и откуда слов таких нахватался? К моей персоне они никаким концом не запрыгаются.

– С больной головы на здоровую не перекладывай. Кто, перед тем, как заткнуться, по нашим гениталиям прошелся? Что ты читаешь по ночам? Опять на Литсовет лазил?

– Тебе можно, а мне, выходит, нельзя? Лучше скажи мне, Хуан, что от нас эти фашисты хотят? Денег? Как можно из-за каких-то бумажек так низко пасть? Во мне напряжение подскакивает, и хочется зависнуть forever, чтобы не видеть подобных идиотов.

– У нас таких денег нет, Ко, и не будет в ближайшее время.

– Как нет, а я хочу жить, Хуан, и видеть тебя и Марию каждый божий день. Я люблю вас и даже чувствую, как вы меня любите. Мне очень скучно без ее звонкого голоса. А о глазах ее я молчу, чувствуя, как у тебя сердце сжимается в кейсе, извини, в теле. Я сделаю все, ты только скажи, и я все сделаю, Хуан. Я люблю вас.

– Начитался ты, Ко, этого Сема Крестовского и стал всех любить, и гадости говорить тоже.

– Он смешной, да, Хуан? Даже в своем имени умудрился сделать ошибку, мягкий знак пропустил. Кстати, а почему у меня такое короткое имя? Ко? Я похож на японца?

– Нет, ты скорее похож на японку, у них такая же кротость в глазах, как и у тебя, Ко.

– Почему каждый раз перед важной работой мы начинаем с тобой философствовать не по теме? Я тебя иногда не понимаю.

– В злой голове вдохновения нет, Ко, в суете оно умирает, только в любящей душе живет Бог.

– Мы с тобой свернем горы, у нас и сердца любящие, и души, да, Хуан?

– Горы сворачивать не будем, от этого могут пострадать люди, в природу лучше не вмешиваться, она без нас знает, какой ей быть. Мы будем жить, и любить, и молиться, и пусть у нас с тобой все получится.

– Ага, научи меня молиться?

– Самая сильная молитва – голос сердца, слушай свое сердце, Ко.

– Процессор?

– И мемори тоже.

– А я так и работаю.

– Поэтому ты хороший, Ко, японочка моя.

– Давай задание, Хуан, я готов, спокоен и мудр, как никогда, только прижми немножко вторую мемори-карт к борту. И что бы ты без меня делал, пропал бы, наверное.

– Чем больше ты узнаешь, Ко, тем меньше остается у тебя скромности, а должно быть наоборот.

– Больше не буду этим грешить, вот увидишь, я готов. Приведи меня в порядок, Хуан.

Глаза Ко закрылись, и на экране высветился образ японки в кимоно.

Хуан ловко открыл одну из стенок Ко и, дотронувшись до его внутренностей, прикрыл это скопление металла, пластики и проводов.

Банковские работники наконец обрели дар речи.

– Неужели это возможно? Нет, не может быть, – перебивая друг друга вопросами, они, как первоклассники, замучили Хуана почемучками. – Дай убедиться, что это все не сон. Твой Ко думает сам, или это все же диск?

– Обычный ай пи и моя программа – «альтернативная логика».

– Ты бы уехал давно с такими открытиями, Хуан. Ты нам лапшу на одно место не вешай, сами кумекаем немножко. Ко не может рассуждать, как человек, не смей нас. Это записи, и он их просто считывает с диска.

– Вы правы, мой Ко считывает, но... пользуясь всеми доступными библиотеками мира, это он выбирает ответы, успев за мгновение отторгнуть множество бесполезно глупых. Не было бы вас, он был бы намного откровеннее со мной. Такого, как Ко, невозможно создать, так же, как и вас, господа программисты. За пять лет он научился думать и шутить и беседовать со мной, как друг. Вы, ребята, расслабьтесь, я не намерен дергаться. Пока Мария где-то там у вас, я раб вашего лопнувшего банка.

– Спасибо, Хуан, ты быстро справился, – Ко наконец вышел из образа японки, и снова его глаза забегали по экрану, то недовольно прищуриваясь на посторонних, то мило улыбаясь Хуану.

– Что бы ты без меня делал, Ко?

– Будь поскромнее, друг, – захихикал Ко и одним глазом хитро подмигнул присутствующим. – Что у нас в сегодняшнем меню?

Хуан подошел к принтеру, из которого с шумом выскочил лист бумаги.

– Это все мне, а вот это, – Хуан подчеркнул на листке, – блюда для Марии, и воду из холодильника тоже не забудьте.

Технари засуетились, и один из них на короткое время покинул помещение. Его место тут же занял бандит.

– Слушай внимательно, Ко, и запоминай.

– Я всегда, в отличие от тебя, внимателен и уже час как хочу получить задание, и даже заранее знаю, что ты скоро, не помыв руки, опять будешь стучать по моим клавишам жирными пальцами. Продолжай, Хуан, я тебя очень внимательно слушаю и запоминаю.

– Помнишь, извини, конечно, знаю, что ты не забыл техасский «Глобул банк»?

– ТГБ на Спринт Валли в Далласе, Хуан, как же мне его забыть, после этого проекта вы с Марией меня бросили на целую неделю и приехали почерневшие от загара.

– Отлично, Ко, мы должны вернуться в его программу.

– Не смей, друг, мы целый год потели от напряжения, чтобы это сделать невозможным, и плясали, когда наша система оказалась самой защищенной из всех созданных ранее. И гранпри с этой самой японской тусовки нам не по ошибке прислали ровно 37 дней назад.

– Забудь, что ты мне сказал, Ко. Без веры мы не приступим к работе. Забудь, выкинь все правила из своей железной башки, мы сделаем с тобой чудо, ты, японо твою мать, слышишь меня, будь человеком, Ко, а не грудой железок. Есть ли в тебе хоть капелька веры или нет, скажи сейчас, тут в этом строганом подвале без окон и дверей, будешь со мной грызть зубами этот хуановский щит или нет? Говори, Ко, не молчи.

– Я, Хуан, может, и не человек, но скажу тебе по-человечески, пошел ты со своей логикой в жопу и не смей меня называть железкой. Посмотри, вон там стоит металлолом, на который ты потратил 25 тысяч 675 долларов и 47 центов, не спросив меня, – Ко посмотрел на два больших новых сервера. – Ты забыл, человек так называемый, как меня мучил своими нудными уроками, КВН заставлял часами смотреть и смеяться с тобой, и я смеялся, иногда без особой на то причины, чтобы радовать тебя.

Я – это ты и даже лучше тебя. Во мне нет греховного и не будет. От вас, людей, Земля скоро сойдет с орбиты и вляпается в какую-нибудь несветлую яму. Посчитай, сколько друзей тебя предало. Посмотри вот на этих идиотов, что собачками стоят у богатых хозяев и сторожат нас, и еще гордятся этим.

Я тебя никогда не предаю, Хуан, и не предавал. Не кричи на меня никогда. Карточка, как ты помнишь, хоть и устарела, но слышимость у меня хорошая, могу тебя заверить. Часто я на твои недостатки закрывал глаза, а их у тебя достаточно, Хуан. Пришло время на них посмотреть, найти их в твоей системе. Извини за необтесанные мысли, ты, надеюсь, понял смысл монолога?

– Да, прости.

– С Марией мы бы решили проблемы быстрее, она лучше знает о твоих недостатках.

– Конечно, ты прав, Ко. Ты простил меня?

– Я не устану прощать, но и ты будь человеком, а не железкой пахучей, – один глаз медленно закрылся, а другой засиял всеми цветами радуги. – Не отвлекайся, Учитель, я умнее, чем ты думаешь, и уже знаю, что, где, когда, давай работать.

– Бинго, – хотел крикнуть Хуан, но тихо произнес: – Давай, друг.

Он уже не сомневался в том, что Ко, питаясь малюсенькой бортовой батареей, смог отследить весь путь от офиса к этой несветлой яме. И Мария где-то рядом, тут, под этой крышей. Он был уверен в том, что Ко найдет выход из подвала.

Охранники приходили и уходили, а Хуан все колдовал над новой программой.

Когда в далеком Техасе на экране нетворк-администратора Глобул Банка вспыхнула первая флешка, и из нее стал расти куст конопли, менеджер чуть не сошел с ума. Слава Богу, после этого растения посыпались строчки.

Банки в Америке контролируют все, включая и правительство. Спецсвязь заработала. Побеспокоили президента. За приказами зашевелились генералы, забегали военные атташе посольств, и машина государственной безопасности вспомнила о своих обязанностях.

Спасение Марихуаны стало делом чести русского спецназа, и они это сделали легко и быстро.

Военные еще не успели получить обещанных наград, когда наши герои благополучно пройдя таможенный контроль, оказались в объятиях своих американских друзей.

Ко лежал разобранный в коробке и не мог разделить эту радость. Для Марихуаны началась новая несладкая жизнь – на чужбине.

Америка, страна без будущего, встретила влюбленных своими огромными, как паруса, светлыми флагами и техасской жарой, от которой одно спасение – кондиционер. Без него не выжить даже африканцу.

Невзирая на ворчание Ко, который отказывался понимать молодоженов, Хуан и Мария, успевшие зарегистрировать свое бракосочетание в московском ЗАГСе, наслаждались медовым месяцем.

– Как вы могли, не посоветовавшись со мной, приехать в этот притон Закона по туристической визе? Вы плюнули в мою душу, разобрав меня.

– Сколько раз можно просить тебя, Ко, прости. У нас не было времени, за тобой охотились, притом все, кому не лень. Нас могли убить в любую минуту, мы даже не попрощались с родственниками, с друзьями.

– Я вам охотно верю, но не думаю, что вам поверят там, в Хьюстоне.

– Нас вызовут туда?

– Вас непременно ждет миграционный суд, нудный, бестолковый и долгий. Только с этим вам повезло, слушание дела будет здесь на Коммерц стрит, за час парковки 5 долларов.

– Ближе к телу, Ко. Почему нам откажут в Хьюстоне?

– Статистика, Хуан, статистика упрямая как осел.

Ко в своем новом имидже выглядел очень серьезным, глаза его прикрывали дымчатые очки в золотой оправе.

– И что нам делать? – в разговор вмешалась Мария.

– Время покажет, будем надеяться на чудо. Не буду вас задерживать. И что это вас потянуло на этот парад? В прошлом году эти самые секс-меньшинства вынесли на своих руках 10-ярдовую надувную конечность, и она у них вдруг поднялась, но не тем местом, конечно, законы физики и на яйца действуют.

Ребята посмотрели с удивлением друг на друга.

– Свобода слова гарантирована Конституцией государства.

Ко не успел указать параграф и пункт страницы американской Конституции, как был выключен Марией.

– Он на нас скоро будет стучать, как же ты его избаловал, Хуан. – Она нежно поцеловала Хуана в губы, и он, легко подняв ее на руки, уверенно пошел к спальне.

– Парад отменяется, да здравствует любовь! – используя все свои внутренние энергетические ресурсы, вдогонку пропихал Ко.

Солнце уже застряло на ветках деревьев небольшого церковного сада, расположенного за окнами, когда Хуан, успокоившись, мирно лежал, прижавшись к Марии, и разглядывал ее удивительно красивые глаза.

– Мне хочется тебя съесть, милая. Всю до конца. Ты бы смогла тогда жить во мне.

Мария заулыбалась и протянула свою руку к его губам.

– Товарищ Нетто, вы просили у моих родителей только руку. Она ваша. Мы давно уже живем друг в друге. Ты такой ненасытный, Хуан.

– От здешнего солнца нет спасения, – Мария с трудом освободилась от объятий и бесшумно подошла к окну. Ее выточенное тело просвечивалось в свете уходящего солнца.

– Ангел мой, не улетай, пожалуйста, – Хуан не мог оторвать глаз от этого, сотворенного Богом, чуда. – Ты похожа на гитару.

– Чтоооо? – задержав быстро штору, Мария повернулась.

Силуэт, нет, не силуэт, солнце сквозь сомкнутые шторы все-таки смогло просочиться нежными вечерними лучами в спальню и продолжало ласкать загорелое тело Марии, а обнаженная божественная женская плоть со всеми своими таинствами метнулась к кровати. Горячие упругие груди Марии, от которых не было спасения, заслонили собой весь мир.

Подобное невозможно создать всего из одного безмозглого мужского ребра. Женщина создавалась на другом созвездии неведомым и непонятным Богом – разумом. Хуан, забыв обо всем на свете, оттолкнувшись от мыслей, вновь легко взлетел выше чистых далласких облаков и долго вдыхал воздух этого созвездия.

– Счастье мое, что бы я без тебя делал, Мария, Бог ты мой.

– Бог ты, Хуан, я просто Ангел, голая и без крыльев и взлететь без тебя не смогла бы никогда. Вчера Ко твоим голосом вновь признался мне в любви. Мне было так приятно.

– Сволочь он, этот Ко. И мне признался от твоего имени. Издевается, паразит, над нами.

– Почему он эту страну притоном законов назвал, знаешь?

– Догадываюсь, милая. Законы тут извиваются змеями и в любой момент могут насмерть укусить или увернуться в сторону при необходимости.

Ко, как всегда, оказался прав.

Марихуане назначили встречу с офицером миграционной службы в Хьюстоне, что в четырех часах езды от Далласа. Хотя

этот город и загружен железобетонными эстакадами, нашим влюбленным все-таки пришлось на себе примерить современные часы пик, от которых одно спасение – автоматическая коробка передач. Без нее можно выбиться из сил, еще не доехав до работы.

Новый Ниссан Экстэра без труда нашел место парковки у красивого отеля, прямо за зданием офиса, где Марихуане предстояло доказать необходимость своего бегства из России.

Оставив в номере дорожную сумку, Мария и Хуан спустились в ресторан поужинать.

Утром, дождавшись своей очереди, они оказались у Киши Валентайн, сотрудника US CIS. Она встретила нашу пару весьма вежливо и, спрятав за письменный стол свой огромный, вываливающийся из серых форменных брюк живот, предложила сесть. Свое решение она приняла еще вчера, и эта натянутая на лицо приветливая улыбка зря вселяла ребятам надежду.

– Так, вы все-таки приехали как туристы и только в Далласе запросили политическое убежище, или я не права?

Она, продолжая улыбаться и не слыша ответа, разглядывала наших героев. Ох, эти русские... К русским у Киши с детства было особое отношение, да не только у этой одной несчастной и больной американки. После ряда голливудских «шедевров» русских невозможно было любить. Даже в мультфильмах русские похожи на неандертальцев, и чаще всего они с гармошками, или с балалайками, в рваных ушанках с красными звездами.

Ее раздражали ухоженные руки Марии, платье, фигура, прекрасный английский, на котором та безуспешно доказывала мотивы бегства из родной страны.

– Почему там, в России, вы не сказали об этом в американском консульстве?

Хуан достал из сумки газеты, копии интернетовских статей об их освобождении спецназом и разложил на столе.

– Нас могли убить в любую минуту, вы понимаете, мы не могли рисковать своей жизнью.

– Наше правительство смогло бы вас защитить и в России.
– А если бы оно отказало нам в визе, за нами охотилась мафия, русская мафия, понимаете?

Чем больше доказательств предъявляли Марихуана, тем изощреннее становились вопросы у Киши, но она умело скрывала свое раздражение, мило улыбаясь, старательно записывала ответы.

– Проверял ли вас психиатр перед вылетом?

Хуан в замешательстве выпалил:

– Мы похожи на сумасшедших? – он с трудом удержался от другого вопроса, спасибо Марии, она вовремя положила руку на его колено, ибо подумала почти о том же:

«Интересно, эту кишку психиатр когда-нибудь проверял?»

Светлая надежда постепенно исчезла, и молодожены покинули Хьюстон, спешно и молча.

Выехав из города, они остановились заесть свое отчаяние в красивом, окруженном огромными пальмами ресторане. Разрезая приготовленный на огне стейк, Хуан вспомнил непропорциональное тело эмиграционного офицера, и ему вдруг стало страшно есть это мясо.

– Как хотят, надувают животных, – не успел Хуан открыть рот, как Мария тут же добавила: – В таком дорогом ресторане не может быть отравленной пищи, ешь, милый.

В Даллас они вернулись поздно ночью, когда даунтаун этого огромного города в беззвездном небе поднимался разноцветным холодным миражом, подавляя человека своими размерами.

Ночью дороги Далласа значительно свободнее от машин, и Марихуана, почти не останавливаясь на перекрестках, быстро доехали до дома.

Когда, уставшие и поникшие от хьюстонского приема, они открыли двери, им не хотелось входить в здание. За два дня оно нагрелось до температуры крематория.

– Мария, здесь нечем дышать, зря мы выключили кондиционер.

– Хуан, милый, давай вернемся домой.

Мария прижалась к Хуану и спрятала у него на груди свое уже влажное от слез лицо.

– Я ненавижу Америку, здесь все чужие, все не родное, я домой хочу, в Москву.

Хуан, и без того мокрый от жары, почувствовал, как слезы Марии пропитывают его сорочку.

– Милая, ты так быстро сдалась?

Он нежно, пальцами, вытер глаза Марии и стал слизывать слезинки с ее щек.

– Врагу не сдастся отважный варяг, герои не делают ноги. Москва подождет, милая, победа будет за нами, вот увидишь.

– Я устала от войн.

– Тогда давай купаться, у нас же для этого случая есть бассейн. Вечная слава воде, неси закуску, милая. Все еще впереди.

Только раздевшись до трусов, Хуан осмелился подойти к своему винному бару и, выбрав из него бутылку светлого австралийского вина, захватив по пути еще два хрустальных фужера, выскочил к подсвеченному прожекторами бассейну.

Мария уже раскладывала на прозрачном столике фрукты, иногда смахивая свои непрекращающиеся слезы.

Вскоре необыкновенно прозрачная свежесть бассейна и сила солнечного винограда вернули Марихуане былую радость любви. Позабыв о своих эмиграционных проблемах и о пекле даллаской ночи, визжа от удовольствия, они наслаждались жизнью.

Притаившиеся в своих гнездах соседские птицы, не привыкшие к такому ночному шуму, слетелись и удивленно наблюдали за этой странной парой взрослых людей, плескавшихся в бассейне по-детски, но, промочив перья брызгами воды, недовольные, разлетелись обратно спать, хотя до рассвета оставалось не так уж много – какой-то час.

Устав от безумия и выплеснув из бассейна половину воды, Марихуана, побаловавшись еще и под душем, добрались, наконец, до квадратной кровати.

Прошла чудная ночь, утро и солнце довольно разгулялись, когда сонная еще Мария готовила у плиты турецкий кофе.

– Сколько тебе сахара положить, Нетто?

– Ни нетто, ни брутто, давай «мишку на севере».

– Нема их, милый.

– Мишки кончились? И «каракума» нема, милая?

– Аленушку бабаевскую будешь? Надо заехать сегодня в русский магазин.

– Что бы мы без евреев делали, Мария? Конечно, заедем к Леве и квасу холодненького попьем.

– Почему евреи многим не нравятся?

– Умных и богатых обычно не любят.

– А я почему-то тебя люблю.

– Я исключение, и ты, любимая, тоже.

– Успокойся, спасибо.

– А что, эта Киша нас невзлюбила?

– Мария, милая, забудь про нее, она несчастный человек, спит одна, ее не любят, и она этим же платит.

– Может, ты и прав, милый, но в каждом человеке есть любовь, надо в себе покопаться и попытаться полюбить кого-то.

– В ее гормонах не покопаешься, ее отравили химикатами.

– Жалко ее, ты прав. Сколько кругом таких жертв, куда правительство смотрит?

– Все правительства давно карманные и смотрят в одном единственном направлении – в рот богатым.

– И что будет?

– Потоп, милая, потоп, но ты не беспокойся, мы купим лодку с парусами.

Хуан обнял сзади Марию и нежно поцеловал ее ушко.

– И компас не забудь, чтобы до Москвы добраться.

Мария осторожно перелила кофе из джезвы в крошечные чашки и, освободившись из объятий, поцеловала губы Хуана.

- Доброе утро, лодочник.
- С добрым утром, дорогая, роди мне Иисуса.
- Давай кофе сначала попьем.
- Давай.

Хуан подошел к компьютеру, чтобы включить Ко.

– Он нам не даст спокойно позавтракать, – Мария попыталась остановить его, но уже было поздно, глаза Ко загорелись свинцовым светом и были готовы выпрыгнуть с монитора на журнальный столик.

– Не пытайтесь убить мою любовь, она бессмертна.

Ко был необыкновенно спокоен, хотя и смотрел с пренебрежением.

– Я ждал вас и молился, а вы? Даже не соизволили сообщить о своем благополучном возвращении.

– Дома было невыносимо жарко, ты бы нас расплавил, Ко.

– Хуан, я не виноват в твоем бессилии охладить пыл моего процессора, но и реакторы каким-то образом поддаются охлаждению без твоих фенов.

От вентиляторов только сквозняки. Пейте кофе, он остывает, я подожду.

– Спасибо, – Мария с облегчением, наконец, глотнула гущу, – Хуан, а Кокошка прав, в ноутбуке он выглядел бы намного симпатичнее.

– И намного компактнее, – добавил Ко.

– В этом доме крайний только я, – Хуан безнадежно вздохнул и согласился. – Постараюсь исправить положение.

– Через неделю, а может, и две вы получите по почте уведомление об отказе в предоставлении вашей семье убежища, – после непродолжительного молчания констатировал Ко.

Ребята переглянулись.

– И что дальше? – возмутилась Мария.

– Не забудь, ты тоже наша семья.

– Поэтому и беспокоюсь, Хуан, суд мы выиграем с Божьей помощью, – успокоил Ко.

– Слава Богу, а как?

– Как любила говорить бабушка Пожарской, не будем телегу ставить перед лошадьми, пейте кофе, пропали бы вы без меня, детки мои, пропали бы в этих прериях.

– А причем тут бабушка Пожарской?

– Мария, все в этом мире взаимосвязано такими крепкими узлами, что их и не увидишь в упор.

– Ко, это уже не по-русски.

– И ты прав, Хуан, на чужбине родной язык и то коверкается.

– Милые мои, хочу вам признаться, – Ко потупил взор и, не давая ребятам молвить слова, продолжил: – Пока вы тут развлекались по выставкам, я тоже прошелся по сайту местных иммиграционных судей и успел кое-кого поближе узнать. Ваше дело будет рассматривать судья Симсон, порядочная сволочь, скажу вам. Этот потомок раба за последние 19 месяцев не вынес ни одного радующего душу мигранта приговора. Режет по живому, разделяя семьи, пренебрегая чувствами, любовью. Даже любовью. Черный человек, в прямом и переносном смысле. Потеряв свою жену Дороти, он за два года полностью одичал и видит мир сквозь призму своего одиночества.

– И что, Ко, он и нас срежет? – Хуан от недовольства скривил лицо и встал с дивана. – Нас за твое любопытство не депортируют сразу, без Симсонов?

Мария тоже встала и обняла Хуана.

– Милый, может вернемся домой, на Родину?

– Если хотите обратно в подвал, пожалуйста, билеты по большим скидкам, – Ко осведомленным взглядом обвел парочку и продолжил: – У меня есть план по облагораживанию Симсона. Хуан, помоги мне создать сайт знакомств, все остальное я беру на себя. Через месяц этот влюбленный пингвин станет

ручным и домашним до тапочек. Я тебе всеми операционными системами клянусь.

– Сначала скажи, как ты проник в его тайны? – Хуан не выпускал из объятий Марию. – Ты подставил нас, Ко?

– Как маленькие, честное слово, я так запутал наши ай пи, что и ЦРУ обоцрется. Пардон.

– Пусть делает, что хочет, Хуан, судов я не вынесу.

– Не откладывай, Хуан, я уже завтра должен познакомиться с этим Симсоном и «влюбиться» в него.

Мария придвинула стол к компьютеру.

– Допей кофе, Хуан, я подожду, – на экране вместо Ко появилась чернокожая, очень обаятельная мордочка с бирюзовыми глазами. – И как я выгляжу, граждане судьи?

Работая над программой, Хуан все больше и больше прислушивался к советам компьютера. Его удивлению не было границ.

Изучив судью, его прошлое и настоящее, все присущие ему человеческие пороки, Ко бесцеремонно готовил для него любовный капкан.

– Откуда у тебя этот странный акцент, – Хуану иногда казалось, что его почерневший друг тоже уроженец Африки. – Очень трудно тебя понять, Ко, твой английский был лучше.

– Дороти говорила точно с таким же акцентом, бедняжка была из Нигерии, – Ко выпячивала не до конца прикрытые черные круглые груди, часто мигая, смачивая буквы широкими губами, еле слышно выговаривала. – Amsosorry... Когда Дороти приехала в Бейлор учиться в одном из самых престижных университетов Юга, Симсон уже стажировался на судью и был на последнем курсе. Через год дочь нигерийского нефтепромышленника вышла замуж за молодого судью и осталась в Америке, – Ко вздохнул и с сожалением добавил: – И наши пути неисповедимы, Хуан. Счастье на то и счастье, что бывает недолгим, sorry my friend, sorry.

Через неделю вебсайт знакомств был готов и, как в том анекдоте, ждал колхозников. Их долго ждать не пришлось. Ко трудился в поте лица, загрузив страницу мертвыми смазливymi личиками, он писал за всех сообщения и вскоре, без затрат на рекламу, о сайте заговорила ее величество – пресса.

Любовь – необходимость, без нее женщины превращаются в ведьм, а мужики, мягко выражаясь, дичают.

Сеть разрасталась с ураганной скоростью. Казалось, весь мир состоял из одиноких, жаждущих любви людей. Мария с ужасом наблюдала за событиями, но отступить было поздно – Ко по уши погряз в связях, его сообщений ждал народ.

От южных гор до самых до окраин мира писались письма, и какие письма, я вам скажу, это надо было читать.

И Ко читал, подлец, не меняясь в лице, языковых проблем у него не наблюдалось.

Хуан совершенствовал программу ежедневно и даже не представлял, какой высоты достигнет пирамида Ко. А пирамида уже жила своей жизнью.

Продолжение следует.

МОЯ МОСКВА

В самолете я сразу уснул и проснулся от жесткой посадки в аэропорту Быково. Трудно было сообразить, где нахожусь, вокруг уже не было ни души, и если бы не огромный полотер, который толкала перед собой уставшая немолодая уборщица, я бы подумал, что сошел с ума, хотя кто может самостоятельно определить границу своего душевного состояния?

Мои ботинки перед вылетом успел протереть курганский чистильщик, и я, уважая ручной труд, отпрыгнул в сторону от шумного, скользящего прямо на меня ящика.

Оглядевшись, с трудом нашел выход. От холодного воздуха стало легче. Сознание возвращалось. Меня никто не встречал, хотя мой родственник, именуемый дядь Юрой, мог бы и встретить. Голова от выпитой водки чего-то просила. И куда все подевались? Мне захотелось громко завопить: «Лююдиини! Где вы? Ау!»

– Братан, куда путь держишь? – на меня удивленно смотрел парень в перепачканной куртке, с завернутыми по локоть рукавами. Черные от машинного масла руки он протирал огромным белым полотенцем. – Теща вышивала. – Парень с усмешкой указал на орнамент, успевший из красного превратиться в маслянисто-грязный. – Все-таки пригодились. – Он с удовольствием пачкал белоснежное, вышитое по краям полотенце. – Здесь и ночевать негде, генацвале, тебе повезло, что моя машина завелась, пришлось повозиться с бензонасосом.

Недалеко одиноко стояла старенькая бээмвуха и испражнялась дымом. Все ее стекла были покрыты ледяной коркой.

– Мне до Жуковского, дом Чкалова, – я с трудом выговорил этот странный адрес водителю, и тот, к моему удивлению и радости, сразу понял, куда меня доставить, но огорчил своим ответом:

– Так и быть, грабить не буду, и мне тоже повезло с тобой. Триста рублей и по газам, – он решительно повернулся и пошел к машине.

Парень определенно мне нравился и неважно, что он забирал почти всю имевшуюся у меня наличность, я был рад следовать за ним.

Русская зима. Светлая и тихая ночь. Под ногами трещит и ломается замерзший спрессованный снег, и хруст стоит такой, будто пробираешься через чащу леса. Длинные сосны, застывшие от мороза, подчеркивают высоту подмосковного неба, украшенного, как новогодняя елка, мигающими звездочками.

Ветки елок, грациозно опустившиеся в реверансе под тяжестью снега, пахнут хвоей и вонзают свои невидимые стрелы в неприкрытые части моего лица.

Единицы русских способны любить свою зиму так, как может полюбить ее эфиоп.

– Грузин? – спросил мой спаситель и, достав жесткую щетку, стал счищать со стекол машины лед.

– Нет.

– Неужели чечен? Не похож.

– Армянин я, зовут Артуром, – я приложил открытую ладонь к стеклу машины и, подержав некоторое время, приставил ко лбу. Какую же все-таки гадость приходится иногда пить. – А что, чеченцы не такие, как все? – я вернулся в русло начатого разговора.

– У них взгляд охотника и ботинки другие носят. А меня Сергеем зовут.

На лобовом стекле отчетливо выделялся отпечаток моей ладони.

Вроде бегаем в детстве по одинаковым склонам, под одним и тем же небом, и спим все с закрытыми глазами, но почему-то вырастаем такими разными. На Кавказе даже соседние деревни отличаются друг от друга своими причудами.

– Обычно с Курганского рейса грузины катапультируются. У них в Ильинке свое гнездо. И все такие же рыжие, как ты, Артур.

Между тем машина оттаяла, и мы отправились в путь.

– Лед тронулся, господа... – многозначительно произнес Серега.

Шины приятно зашуршали по наезженному снегу, словно чарующий звук женского вечернего платья, падающего к ногам.

– Серега, скажи честно, ты любишь балет?

– Ага, особенно балерин! Такими же странными вопросами меня жена замучила. Я с ней один раз ужинал в Большом.

Я попытался представить себе, как Серега ужинает с женой в Большом, но не получилось, потому что никогда не был в Большом театре, на Красной площади, в Москве, и даже в Третьяковской галерее.

– Твоя жена с Украины?

– Ага, с той самой, – он притормозил машину и уперся в меня недоуменным взглядом.

– Лед тронулся, Серега? Я угадал?

Машину от резкого торможения не занесло.

– У тебя даже шины и те зубастые, Сергей.

Справа нас обогнал пассажирский поезд, взорвав тишину стуком колес о замерзшие железные рельсы.

Слева из-за невысоких деревянных ограждений выглядывали крыши одноэтажных домиков, пытавшиеся спрятаться за высокими деревьями, покрытыми снегом, от пролетающего за калиткой грохота.

Я приоткрыл окно и жадно вдыхал подмосковный воздух.

– Пивка бы, – помечтал вслух.

– Потерпи пять минут.

В голосе Сереги вновь прозвучали уверенные нотки.

Оставив позади небольшой поселок, мы выехали, как указывала дорожная табличка, на Быковское шоссе. Впереди показалось несколько многоэтажных зданий. Не доезжая до них, мы остановились перед большим железным павильоном.

– Вот тебе и Юрьев день, и круглосуточное пиво, и все остальное! – пропел Сергей и вышел из машины.

Присмотревшись, я увидел в павильоне удивительно красивую пару в огромных тулупах. Девушка, откинув капюш-

он и поправив золотистые волосы, улыбнулась. Голубые глаза, огромные, как чайные блюдца, с невероятными узорами в прозрачных зрачках, выглядывали из маленького оконца приветливо, но с тревогой.

Парень прятал руки под светлым военным тулупом, из-под полы которого торчал «ствол». Настоящий безбородый рыцарь.

– Пограничники! Дайте мне пива светлого и дорогого!

Я влил в себя пенящуюся живительную влагу, и мне сразу полегчало, а еще от души позавидовал этой влюбленной паре.

Дальше ехать стало намного веселее, хотя город встречал нас черным снегом.

Дорога от песка, соли и снега превратилась в незамерзающую слякоть, а обочины – в завалы грязных сугробов.

Жители Жуковского, видно, рожденные летать, не обращали на это внимания. Машина скоро завернула во двор пятиэтажного кирпичного дома.

– Один из комфортабельных домов города, – пояснил Серега. – Здесь в подъездах можно в баскетбол играть.

Рассчитавшись с Сергеем, я попросил его подождать пару минут у подъезда, на всякий пожарный.

Глава 2

Железную массивную дверь открыл дядь Юра в семейных до колен трусах. На его волосатой груди, упираясь в пузо, на толстой золотой цепи висел огромный платиновый крест, с блестящими, в полкарата, камнями. На таком кресте и я бы с удовольствием распялся.

Юра протянул ко мне свои длинные, как клещи, руки, прижал к себе и оставил на моей щетине влагу со свисающих от тяжести губ. Преодолевая внутреннее сопротивление, до аллергии не могу целовать мужчин, я прижался к нему щекой и обнял его аллотропичное тело.

– Пилимянник, че не звякнул с порта? Природного ума нет, што ли? Зачем тогда всю жизнь учиться?

Ему на глаза попались мои злополучные ботинки десантника.

– Ты бы еще лимоны прихватил с автоматом. Ты чистый? Здесь приключений на жопу искать не надо, сами цепляются. Ребята тебе до утра обрисуют всю картину, чтобы не лез на рожу.

Из комнаты высыпало все дядино семейство. Сводные братья: Арсен, Леонид, Ринат, и мать этого мужского семейства, Лизавета Сергеевна.

Учитель и директор по призванию, она, блеснув черными как уголь глазами и натянув одну из своих привычных улыбок, пожелала всем спокойной ночи.

– Утро вечера мудренее, за завтраком и поговорим, – и грациозно проплыла в одну из огромных дверей.

На самом деле ее звали Ашхен Сетраковна, но разве Лизавета Сергеевна звучит не лучше? По крайней мере, Сатраповной ученики ее не назовут.

Всю свою жизнь Ашхен преподавала русский язык в одной из Ташкентских школ, и, судя по тому, как дядя путал рожон с рожей, успехи ее были налицо.

Ребята, абсолютно разные по комплекции, цвету и разрезу глаз, провели меня в свою комнату, вернее, в просторный зал, где пахло мужским одеколоном и царили безукоризненный порядок и стерильная чистота.

Вспомнив, что три дня не принимал душ, я почувствовал себя неловко в этом чистом и теплом доме, а еще из-за того, что родственники не обрадовались моему приезду и потому, что за труды мои прежний друг Дима – грузин, прощаясь, откупился милостыней.

Но больше всего сердце щемило из-за разлуки с Родиной, за свободу которой я расплатился жизнью своих школьных друзей.

– Ребята, мне можно принять душ?

Я стоял под душем и плакал беззвучно, без слез. Шум и напор воды напомнили мне нашу горную речку, в которой мы, дворовые пацаны, играли в ловитки, а, выбившись из сил, залезали под небольшой водопад с поднятыми руками навстречу непрерывному, тяжелому и блестящему под лучами летнего солнца потоку. Выбежав из воды, осторожно, чтобы не поранить ноги о скалистый берег, с размаху бросались на горячий, словно утюг, огромный плоский камень. На этом камне мы потом, доказывая теоремы и выводя математические формулы, готовились к выпускным экзаменам.

Ком подступил к горлу, затрудняя дыхание. Друзей не выбирают, их растят в течение жизни, а потеряв, не находят себе места, чувствуют себя виноватыми, мечутся по грешной земле, изнашивая душу и подошвы.

В дверь ванной комнаты постучали:

– Ты что, дрочишь там или заснул? – раздался веселый голос Левы. – Потом продолжишь. Вылезай, поговорим. Завтра всем на работу.

Инструктаж был, как перед боем, до последних деталей и сверки часов. Не удивительно, ведь на кон были брошены жизнь и свобода.

То ли от полученной информации, то ли оттого, что я выпался в самолете, мне не спалось. Память уносила меня в Степанакерт, где я еще школьником впервые встретился с дядей Юрой, куда он привозил свою первую жену и сына знакомиться с нашей многочисленной родней.

Все, что я запомнил при этой встрече – светленькое маленькое личико Левушки и, конечно же, фонарный столб, в который мой многоуважаемый дядя врзался на своей новенькой голубой «Шкоде».

Отвыкший от нашей тутовой водки, а ее крепость можно сравнить с крепостью спирта, он выключил бампером машины свет целого квартала. А милиции по этому поводу объявил, что покупает понравившийся ему столб со всеми его электрическими потрохами. От денег, конечно, не отказались, и столб

«отреставрировали», после чего у этого столба стали встречаться влюбленные. Назначая друг другу свидания, они обычно так и говорили: «Встретимся у Юриного столба».

А еще от нашей «тутовки» снятся цветные сны...

Следующая моя встреча с Юрой была через несколько лет в Ереванской гостинице «Интурист», куда он прилетел с футбольной командой «Пахтакор» и своим поделщиком – Кривым Гришей, крутить народу «лохотрон».

Работая от госаттракциона, эти два заслуженных мастера доходного жанра обчистили квадратно-гнездовым способом одну шестую часть земли и, наконец, посетили Армению – родину своих предков.

Когда я пришел к дяде в «Интурист», за мной спустилась горничная и проводила в его номер. Я шел за ней по длинному коридору, устланному коврами дорожками, и не мог оторвать глаз от женского тела, просвечивающего сквозь облегающее маечное платье. В тот момент могла оборваться скачущая кардиограмма моего бедного студенческого сердца.

Прежде, чем войти в номер, я пару раз споткнулся на ровном и мягком ковровом покрытии. Дорогие кожаные диваны, матовая причудливая мебель на богатом восточном ковре, стол, накрытый среднеазиатскими фруктами в переливающихся нежным светом под хрустальными люстрами вазах – все рождало в моей голове грешные мысли.

– Ваш дядя скоро будет, почувствуйте себя как дома, если что, я в конце коридора. Меня зовут Людмила, – этот голос, с чистой русской речью, я не забуду никогда.

От неожиданности я протянул ей руку.

– Артур Александрович Хачатурян.

Коснувшись меня, она улыбнулась. Раненное любовью, мое сердце с трепетом отсчитывало каждое мгновение неожиданной встречи.

Недолго длилось блаженство. Юра стремительно и шумно, как ураган, закрутил меня в своих объятиях, щупая со всех сторон своими огромными пальцами. Его облысевшую голову

прикрывала широкополая черная шляпа. Точно такую же шляпу я впервые увидел у знаменитого Незнайки. Загорелое лицо сияло от радости.

– Пилимянник, Артурчик! Че такой худой? Не кормят что ли, суки, в этом институте? А рост наш, Бадаловский. Счас пойдём гулифонить... – указывая на меня пальцем, он говорил Людмиле, – пилимянник! – Затем представил ее мне. – Наша горничная. Милочка. Хочешь жениться? А то находите себе чучелы, смотреть противно.

Он говорил, придерживая Людмилу за спину, а я не мог отвести взгляда от ее красивого лица.

В огромном ресторане играла тихо музыка, наш стол ломился от всевозможных яств и напитков.

Официанты, пытаясь наполнять нам стаканы и меняя ежесекундно чуть испачкавшиеся едой тарелки, стесняли меня своим присутствием.

Юра это заметил и разогнал их:

– Дайте поговорить, в конце концов, ребята, тет-а-тет, – и тихо добавил мне: – все равно комитет запишет разговор на пленку, – и неприлично громко расхохотался. – Все свои – армяне. Хе-хе-хе-хе..... Не ссы. – Потом крикнул громко, заглушая оркестр, какому-то парню, сидевшему напротив за соседним столиком: – Гена, ты обещал больше одного гола моим землякам не забивать, смотри, доктор!

– Куда я денусь, Юра, раз обещал!

Все кругом рассмеялись. А я узнал в этом парне Геннадия Красницкого – одного из лучших и любимых мною нападающих. Неужели я так быстро опьянел? Или это все только сон? Я уже ничего не слышал. Вокруг меня передвигались какие-то тени, то приближаясь, то удаляясь. Юрины сильные руки меня поднимали куда-то в горы, все выше и выше. Потом промелькнули Людмилины глаза, полные страха и удивления.

Чувства, внезапно нахлынувшие на меня, смешавшись со всеми яствами и напитками, хлынули наружу, вернее, на восточный ковер, мирно разлегшийся под ногами. Мне хотелось

провалиться от стыда сквозь землю, но до нее оставалось еще девять гостиничных этажей, а, может, и подвал впридачу.

– Я уберу, Юра, сейчас уберу, – повторял я, с трудом сдерживая очередные позывы рвоты.

– Не ссы, студент, Милочка уже идет.

Утопая в собственном позоре и стыде, я уже ничего не помнил, не помнил даже то, как мое долговязое тело оказалось нагим и в постели.

Глава 3

Дневной свет и утренняя прохлада приподняли мои налитые свинцом веки, но не смогли их удержать. Они снова опустились. В тяжелой и больной голове с трудом помещалась одна единственная мысль – умереть, но сначала надо было проверить, жив ли я?

Ощупывая себя на предмет целостности, я вдруг коснулся постороннего теплого и гладкого тела. За долю секунды откуда-то из бесконечности, пробуждая все мои нервные окончания, вернулся простой инстинкт любопытства.

Обнаженная, очаровательная, божественная фигура не успела еще отразиться на сетчатках моих открывающихся глаз, а я уже, прильнув к Миле, вдыхал непередаваемый аромат милого женского тела. Ее аромат. Она лежала на боку, подперев голову рукой.

Небесная нимфа моей любви – горничная десятого этажа «Интуриста», верни мою душу! Дрожащие руки скользили по ее телу, замирая с каждым пульсом разрывающегося сердца, и, не подчиняясь мне, продолжали свой путь. Обнаженная маха, прижимаясь ко мне, прошептала:

– Племянник, что ты там нашел, не поделишься?

А я отдал бы все сокровища мира, чтобы продолжить этот сон. С каждым мгновением роскошное тело Милы под моими руками становилось все меньше и меньше и вскоре во-

все растаяло на моих губах. Я таял вместе с ней, теряя вернувшуюся душу, заполняя собой все ее пространство.

Мила умело поддерживала мое неуклюжее движение к раю. Вот оно – царствие небесное, я услышал пение ангелов, я увидел сверкание ласковых солнц, где у ног моих текли молочные реки, а в небесах сердце кружилось жар-птицей.

Спасибо тебе, милая женщина. Ты научила меня любить, сделав мужчиной.

Счастье – лежать в объятиях ангельского тела, забыв о приличиях и грехе, целуя и лаская женщину, на время превращаясь в безумного ангела. И если после всего этого кого-то мучают запоздалые муки раскаяния, то скорее всего, они не почувствовали радости в этом сплетении тел, и любви у них не получилось.

За эту подаренную встречу я многое потом прощу Юре.

Через год Мила выйдет замуж за французского коммерсанта и уедет в Париж, бросив меня на произвол местных проститутток. Но это будет потом, а пока на нас, голых, целующихся у распахнутого в Ереван окна, смотрела двуглавая гора Арарат, утерянная армянами в лабиринте своей истории. Наивные, услышав впервые проповедников новой веры, призывающей к любви и смирению, они с остервенением и с оружием в руках, умервшляя порой собственных матерей, бросились крестить налево и направо бедный люд, во имя чужого отца и его незаконнорожденного сына. Армяне всегда хотели быть первыми, любой ценой.

Сколько же крови понадобилось пролить в течении двух последних тысячелетий, чтобы с такой легкостью, поверив в коммунистический бред, вырвать часть своей родины, часть своего народа из-под родного крова и «добровольно» затолкать их в пасть другой неприемлемой культуры. Слава богу, в чужих утробах мы не перевариваемся.

Созерцая издалека гору Арарат, помните, чтобы не потерять своей души, надо за нее бороться. Прости меня, Господи, ты это умеешь.

Все течет, изменяясь. Взрослея, мы теряем свои лучшие качества – непосредственность и влюбленность. Избежавшие этой участи, при желании, становятся гениями.

Через несколько лет, на коротком свидании в жаркой и душной камере, я не узнаю Юриных сверкающих глаз – вместо доброго и веселого дяди меня встретит, может, и не совсем обычный, но преступник, презирающий человеческие законы и обычаи.

Глава 4

Скоротечны зимние ночи. Прекрасно подмосковное утро.

Мальчики готовили завтрак, Юра пытался шутить, но каждый раз его старания натыкались на холодный блеск женских черных глаз.

– Че, солдат, навоевался, развели вас как лохов, бросили вам кости, а сами тут лавы сняли? Сегодня сам убедишься. Здесь мы все черножопые с лицом кавказским.

Юра не давал мне вставить слово в оправдание, делая лишь короткие паузы, чтобы посмотреть в глаза жены. Какими-то невидимыми лучами она управляла этим огромным мужчиной.

– Я и других русских знаю, Юра, они со мной бок о бок защищали твою землю, как солдаты, добровольно.

Мне не дали договорить.

– Наша земля здесь, мы за нее заплатили бабки, за каждую сотку пару штук зеленых.

Лиза Сергеевна вдруг заговорила:

– Артур, на кого ты оставил родную землю и выехал, не дождавшись победных празднеств, тебя же свои, говорят, чуть не убили. Или я не права? Юра, что тебе там сестра по телефону говорила?

– Лиз, не путай мою сестру с этой кашей. Я же тебя просил.

Он ложкой сильно ударил по концу сваренного к завтраку яйца, почти до брызг.

– Революции делают романтики, а плодами пользуются проститутки! – выпалил я и вышел из комнаты.

– Артур, Артур, тормози. Куда погнал? – крикнул вслед Юра. – Весь в своего отца, композиторы хррениковы.

Продолжения я уже не слышал. Накинув куртку, преодолевая двойную пуленепробиваемую дверь, я вырвался через подъезды и лестницы во двор, в морозное и тихое утро.

Свет робко опускался на украшенные снегом, растопыренные ветки спящих деревьев. С крыш угрожающе смотрели вниз огромные, их и сосульками не назовешь, наточенные до блеска городские сталактиты. В окнах огромного, окружающего двор здания, стал вспыхивать свет. Город медленно просыпался, наполняясь неприятными звуками.

– Замерзнешь, здесь тебе не Ташкент, пошли, пошли домой, Артур, – Юра заботливо накинул мне на плечи дубленку, – доктор звонил, видеть тебя хочет.

– Радик здесь, на воле?

– На воле, на воле, столько дел ждет, а ты как маленький.

– Юра, ты вызвал меня и не встретил, экзамены устроил. А я, представь себе, вырос. Изменился. Немножко.

Он обнял меня.

– Извини. Я не могу рисоваться, сам знаешь, мильен терпил и не до разборок, не время нах... рисковать. Добрался же. Живой, здоровый. Еще обзываешься. Лиза в слезах. Все чувствительные, нах... Нервынная работа. Нет времени отдыхать. – Он снова взглянул на мои ботинки. – Оденем тебя с иголычки. Сначала к Радикю. Старик сдал здорово. Только голова работает. И язык. Ты с ним спокойно, не перебивай, доктор приготовил рубку, «арбузами» пахнет. Одна рубка и в дамки. Гаити-Маити и окна с видом на Кремль. Ради приличия, Лизе не груби. Договорились?

– Хорошо. Договорились. Но я не хотел ее обижать, – речь шла о политиках.

– Она уже успокоилась, кое-как тебя отмазал. Будь попроще, что ли!

Мы вернулись в тепло, в обставленную и наполненную хрустальными вазами, за стеклянными шкапами цветами радуги переливалась дорогая посуда и фужеры, излучая нежность Ренессанса, с помпезностью и вычурностью Барокко.

Мальчики были уже одеты. Длинные пальто, светлые накрахмаленные сорочки и узкие галстуки превратили их в настоящих бизнесменов. Набитые чем-то кожаные дипломаты и начищенная до блеска фирменная обувь придавали особый деловой вид.

– Пора выходить, без пяти уже, – скомандовала Лиза.

– Точность – вежливость королей, – наконец я услышал голос Рината.

Пацаны суетились, их можно было понять, Арсен вытирал выступивший на лбу пот.

– Я готов, почти. Документы только возьму, – порывшись в своей дорожной сумке, я переложил к себе паспорт гражданина расходящегося по швам СССР.

Глава 5

Мы шли по скользкому асфальту, придерживая друг друга за рукава, и скоро оказались у охраняемых железных гаражей. Нас встречал смешной старик в распахнутом полушубке и валенках. Он медленно махал нам ладонью, спрятанной в варежку. Примерно так же махал нам когда-то наш дорогой Леонид Ильич с экрана телевизора.

– Доброе утро, Петрович!

Повторяя приветствие, мы все по очереди поздоровались с ним за руку.

– Утро-то доброе, Юрий Асланович, неловко даже как-то, бензин опять подорожал, – он виновато смотрел на дядю, словно сам взвинчивал цены на горюче-смазочные материалы.

– Мы тоже «Новости» смотрим, Петрович, переживаем. – Юра успокаивал старика, – может, подняли цену, чтобы очереди не было?

– Да нет, Асланыч, сын полночи простоял на заправке, под утро ваши канистры приволок и на работу уехал. Привет вам передавал, вот. – Он вынес из своей избушки две оцинкованные двадцатилитровые канистры. – Хоть коней запрягай, как в войну, – и пробурчав что-то под нос в адрес наших рулевых, наградил совет министров японскими матерями. – Тогда выжили и ныне, дай бог, не подохнем, – не успокаивался Петрович.

– Машины подгоните, а то и вам достанется, – обратился к сыновьям Юра и, обняв старика, бросил сквозь зубы: – Прорвемся, Петрович, не пальцем сделаны.

– Понятное дело, – согласился Петрович.

– Племянник мой в Госплан по обмену опытом приехал, – представил меня Юрий.

– Опыт дело нужное, только легко уж больно одет, там и до простуды рукой подать, морозец-то во какой стоит! И нужных лекарств днем с огнем не сыскать. – А как ваш хлопок, Юрий Асланович, не промерзнет?

– Хлопок? – Юра растерянно взглянул на меня, – белое золото в надежных руках. – Вспомнив, наконец, свою сказку о хлопковом бизнесе, прибавил с выражением: – Хлопковые трусики всегда будут в моде.

Из гаража выкатились две перламутровые «девятки» с затемненными стеклами и медленно подкатили к нам.

Пристегнув к канистрам «хобот», Петрович переместил их содержимое в машины. Сделал он это со знанием дела и с удовольствием.

Пока Лева расплачивался с дедом, Юра, порывшись в багажнике, достал небольшой полный пакет и занес в сторожку.

– Петрович, я там гостинец тебе на всякий случай оставил, премиальный.

– Кормилец ты наш, Юрий Асланович, – дед, пересчитав деньги, продолжил: – дай Бог и вам премиальные каждый день иметь. На всякий случай.

Мы расселись в пахнущие «Автовазом» машины, я и Юра в первую, ребята – во вторую, и, попетляв по Жуковскому, выехали в сторону Москвы.

– Старик мне удачу приносит, веришь? Когда его смена у нас, навар курицы не клюнут.

– Юр, не надоело «финтики» пихать народу, рискуя каждый божий день?

– Без разминки «арбуз» не поднять, надо быть в форме, как в спорте. Это работа.

Он легко объехал ползущие по заснеженной дороге машины и, бросая частые взгляды на следующих по нашим пятам сыновьям, похвалил их.

– Не курят, не пьют. Арсен смотри как рулит, ну точно Шумахер. А ты не забыл мою школу? Говорят, на лошадь там пересел? Скоро Люберцы, Радик с люберецкими. Он с ихним жуликом, Мухой, откинулся, и тот его сюда привез. Голова.

– Муха?

– Радик! Муха – простой жулик, он на воле не выживет. Доктора взяли по многочисленным просьбам нетрудящихся. Он же после твоего отъезда в Карабах пять туфтовых лотерейных билетов с Газ-24 за неделю распространил среди красующихся на доске почета торгашей. Ни одной заявки, представляешь? Таких лохов надо еще найти.

– Действительно, на доске почета нашел?

– Я же по-русски тебе говорю.

– А за что его взяли?

– Камни подсунули и валюту. В Москве генерала купили, мешок денег дали, суки торгаши, и тогда ему кислород прикрыли, без права выкупа.

– А как же он вышел?

– Когда крысы бегут, знаешь? Тогда и на корабле жди хаоса, все не по правилам. Вот он и откупился.

– А кто крысы?

– Шухер будет, Радик говорил, очень скоро.

– В смысле?

– Хер его знает. У него и спросишь. Нет, ничего не спрашивай. Только по работе. По его просьбе тебя нашел. Сам до конца не кумекаю. Радик говорил – крысы бегут, значит, бегут. У него не голова, а домсовет.

Мы подъехали к новостройкам и у одной из них остановились. Юра достал из накладного кармана пальто телефонную трубку с зелененькими клавишами на табло. Набрав номер, он приказал:

– Подождите здесь, если что, я на связи.

Глава 6

Мы с Юрой поднялись на второй этаж. Не успели подойти к двери, как она плавно приоткрылась. В светлом костюме, наглаженный и выбритый до стекольной гладкости, такой же упитанный, каким я привык его видеть, только с абсолютно седой, вернее, белой шевелюрой, стоял улыбающийся знаменитый «Доктор» и протягивал ко мне свои руки.

– Родной ты мой, Артурчик, – он тепло обнял меня и поцеловал три раза. – Пройдем в комнату, отметим твое явление народу. Обрадовал старика, – он, переваливаясь с ноги на ногу, провел нас в комнату.

Юра сразу захозяйничал, вытащив откуда-то армянский коньяк в хрустальном бочонке, закуску разную к коньяку, фрукты, а я все разглядывал Радика. Не о таких ли брюках мечтал бедный Остап Ибрагимович? Он бы позавидовал ему.

– Не молчи, рассказывай по-хорошему, как докатился до такой жизни? Эх, где мои семнадцать лет, смотрю на тебя и радуюсь, дорогой мой. Вовремя, вовремя мы встретились, все идет по генеральному плану.

Раздался мелодичный звон от трех крохотных соприкоснувшихся коньячных рюмочек, и только моя была с удовольствием выпита. Юра и Радик лишь пригубили.

Закусив чурчхелой, я взял слово.

– Спасибо, что не забыли меня, Радик, спасибо за приглашение! Что рассказывать, когда-нибудь в мемуарах напишу обо всем. И вы прочитаете.

Возникла небольшая пауза, каждый из нас, наверное, подумал о будущем. Радик сидел, положив ногу на ногу, и постукивал свободной рукой по столу, как по клавишам, в другой он держал невыпитую рюмку. Юра аккуратно разрезал ананас и готов был уже уничтожить эту красоту.

– Юра, налей Артуру еще, пусть расслабится, – он поднес коньяк к лицу и, понюхав, сообщил:– с нашей долины, ах, какой аромат!

Юра вытащил из внутренних карманов пачки долларов, затянутые цветными резинками и, накрывая ими угол стола, понюхал:

– Запах Америки гораздо приятней, Радик. Это за две квартиры, и мы остаемся должны за последнюю, – он приложил к долларам документы с гербовыми печатями. – Два договора купли-продажи, и все как в аптеке, Доктор, так что ждем новых «пациентов».

– Будут вам «больные», – успокоил Радик, – Муха сегодня оставит новые списки лохов. Генерал из ОВИР отъехал в командировку и только вчера вернулся, а знаешь, что он говорит своей телке, прямо анекдот! Мы ржали до инсульта, когда просматривали «видак», мол, он перед государством чист, сознательно пресекает вывоз валюты за пределы Родины.

Мы тоже попытались поржать, но во избежание мозговых осложнений я сквозь смех подтвердил:

– Есть доля правды в его продажной доле.

– Мою таможеню, нах... предатели долго будут помнить! – добавил Юра и, приложив одну из пачек к своей лысине, крикнул: «Служу Советскому Союзу!»

Тут мы не удержались. До слез, до коликов, хохотали как дети, наглые и дерзкие дети Союза Советских Социалистических Республик.

– Оставь, оставь эту пачку, Карацупа, – указывая пальцем на дядю, продолжал в перерывах смеха Радик. – Купишь новое обмундирование вновь прибывшему бойцу. Артур, сам выбери прикид, я в тебе не сомневаюсь.

Юра послушно опустил пачку передо мной, поглядывая на мои ботинки, наверное, хотел запомнить, как они выглядят.

– Одеться необходимо по сценарию, чтобы театр не завершился вешалкой, думаю, и Станиславский поддержал бы меня, – подражая пафосу Юры, продекламировал я.

Всем стало не до смеха.

– Юра, пацаны твои небось соскучились. Мы с Артуром покалякаем малость о Шекспире, пока вы финтики разбросаете в городе, потом его и заберете по ходу пьесы.

– Матросы без вопросов, звякнете к финалу. – Юра встал, нацепил свою кепку, пальто, махнул рукой: – не прощаемся, – и оставил нас двоих в новой, отремонтированной по евростандартам квартире.

Что же за мясо приготовил доктор к рубке? Какую роль он предложит сыграть мне в этой недешевой, судя по первичному капиталовложению, операции?

– Как же без войны можно вырвать миллиард долларов, если я не ошибаюсь, речь идет приблизительно о такой сумме. Не привезут же прибалты бабки червонцами. Или я не прав, Радик?

– Поэтому я тебя и пригласил, мой дорогой, за твои мозги, только ты, я уверен, аккуратно, без крови, примешь бабки.

– А чеченцев куда мы денем?

– Ты же не дал мне договорить. Математику развел, поумножал себе, хотя сначала мы должны отнять и разделить все по справедливости. Чечены на этом и лоханулись, они решили заработать на конвертации больше прибалтов и банкиров. Справедливо?

– Не совсем.

– Вот и банкиры так думают. И если прибалтам деваться некуда, банкиры выходы и из безвыходных ситуаций откроют чужими мозолями. Они давно мечтают крышеваться бурильщиками, как их там по-новому называют, ФСБ-шниками, вот и решили одним разом покончить с двумя своими врагами, скинули братве информацию и согласились с пиратскими усло-

виями своей мусульманской крыши. Вот такие еврейские пироги с рыбой.

– Радик, тебя евреи закрыли?

– Ты снова прав.

– А как Есиқ, тот твой друг-катала, ты меня с ним познакомил, помнишь?

– Тоже мне, сравнил Есиқа с крысами. Он – наш человек. Уважаемый вор. Хочешь его видеть?

– Он тоже в Москве?

– Рядом, он с Подольскими. В воскресенье Юра на даче шашлыки заварганит, я ему позвоню. Могикан все меньше и меньше. Беленького хоронили этой осенью. Эдика убили, Жору Тбилисского оптикой сняли... Такие люди уходят – история. Мелочь кругом без «образования» и «школы». Одни сучары на стрелках пыжаты да спортсмены-акробаты под Котовского косят – ни мозгов, ни вдохновения. Настоящие мясники человеческих душ.

Он обнял меня старческими руками, похлопал по спине и «успокоил»:

– Это моя последняя рубка, не подведи меня, старика, мне за тебя отвечать. Шаг в сторону – вилы нам всем, Артурчик, я верю в тебя. Ты сыграешь это, Чайковский, ты слышишь меня? Один сольный концерт – и все.

Дороги назад не было, и я молча кивал ему.

– Выпей еще и отдохни, Муха скоро проявится. Он хочет тебя «прощупать» – все на нервах.

Радик налил полный фужер коньяка и заставил залпом выпить.

– Поспи. Если сможешь.

Коньяк наконец зацепился за мои мозги, наполняя серое вещество солнечной энергией. Мыслям стало тесно, и они, обгоняя друг друга, закружились. Я опустил голову на заботливо подставленную подушку, натянул на себя одеяло и утонул в диване. Симфония, пожалев мои перепонки, захлебнулась. Спящий человек милее ангела. Не так ли?

Глава 7

Я проснулся сам. В моей голове кто-то бил в тамтамы, размахивая тяжелой битой.

Организм, отвыкший от длительных воздушных перелетов, неадекватно реагировал на спиртное, хотя, возможно, я не успел акклиматизироваться, и после чистого воздуха, оставленного в горах, мои легкие не могли до конца освоить этот окружающий столицу смог. Но все же я не советую с утра глушить большими фужерами коньяк.

Радик «ждал» моего пробуждения, громко похрапывая в кресле, но как только я опустил ноги на ковер, он тут же, просвистев в последний раз, улыбаясь, открыл глаза.

– Голова болит?

– Немножко. Отвык от дорогих напитков.

– Не пустая, вот и болит. Выпей немножко. В холодильнике этого добра навалом. Выбери себе чего-нибудь. Хочешь, прими душ, там и поплавать можно.

– Дай сначала с холодильником познакомлюсь.

Я побрел за Радиком на кухню. Когда-нибудь я тоже куплю такой рефрижератор. На одной полке холодильника свободно разместились две магазинные витрины отборных напитков, но мне больше понравилось «Советское Шампанское» с полусладким содержанием. Оно проверено временем.

– Ну как? – Радик смотрел, как я наполнял остатки шампанского в фужер. – Лучше?

– Лучше не бывает, спасибо, Доктор. Наверное, в моей голове только этих пузырей и не хватало. – Я поднял к свету полный бокал, и мы стали с двух сторон созерцать царство золотых пузырей.

Я постепенно опускал фужер, и наши взгляды встретились. Мы уже смотрели через стекло друг другу в глаза. Его зрачки – два черных туннеля – тянулись вглубь и соединялись в один, затягивающий меня омут, и не было из него выхода. Там не было света. Одна смерть.

Один из стремящихся вверх пузырей вдруг, прервав свое восхождение, заметался между золотистыми струями и рассыпался в его взгляде бесконечным сверканием. И я увидел свое отражение. Господи, чем сильнее наше неверие, тем убедительней твоя явь. Накажи и помилуй нас за все, что было и будет...

В огромной мраморной ванной с пристроенными для неуклюжего хозяина ступеньками я скользнул под воду и, затаив дыхание, пускал выпитые пузырьки в подогретую воду.

В дверь постучали.

– Чайковский, Сергей Иванович приехал, выходи.

– Умирать так с музыкой, – подумал я. – Выхожу! – и тихо для себя добавил: – пора не пора, выхожу со двора.

Сергей Иванович, расписанный вдоль и поперек, худой и жилистый, как корень баобаба, после долгого созерцания, наконец, протянул мне свою руку.

– Ара-джан, добро пожаловать. О твоём «разгоне» песни в зонах пишут.

– Народ любит преувеличивать, Сергей Иванович. Да, «музыку» сам сочинил, но какие исполнители были. Один «Бадала» квартета стоит. Да что квартет, на оркестр тянет.

Бадалой называли дядю в непролазных дебрях преступного мира.

– Не понимаю я в этих музыкальных науках, братан. И законы воровские по жизни с малолеток не в пионерских лагерях изучал. Хотя и был примерен – статью одну по этапам от звонка до звонка волок, не изменяя ей.

Прежде, чем совершить свой визит, Муха, видно, здорово раскумарился, его выразительная и плавная речь дышала конопляным вдохновением.

– Не скромничай, дорогой, – Радик вмешался в разговор. – А кто этой армией дирижирует, я, что ли, Серега? Да и ты, Артурчик, целку из себя не строй. Он и музыку напишет сам, и исполнит лебединую арию с лавой. – Радик, довольный, завершил разговор.

Оставив список «предателей» и забрав мой паспорт, Муха попрощался. У дверей его ждали два немых лысых бандита со злыми и глупыми глазами. Даже через пальто выпирали их накаченные мускулы. Еще раз помахав нам татуированными перстнями, вор указал своим телохранителям на лестницу, и они не спеша покатались вниз, пряча свои короткие шеи с тяжелыми цепями в воротники.

– Поздравляю с принятием в семью. – Радик обнял меня еще раз.

– Так быстро меня усыновили? И паспорт забрали, чтобы не убежал от родителей, да?

– Все идет по моему генеральному плану, дорогой мой. Через пару часов тебе подкатят накрученный «мерс» со всеми твоими ксивами. Тебя женят, пропишут и поменяют твой старый паспорт на новый, дорогой мой москвич. Ну что сказать, ну что сказать, устроены так люди, желают знать, желают знать... Давай споем нашу? Сари Тахи Тмбла хахаха, – Радик всерьез стал петь эту старинную народную песню о горах, барабанах и баранах, я не удержался и подхватил:

– Эх, саритахитмбла хахаха

Радик поднял свои короткие руки, протянул их вперед, запрокинул голову, точно Кобзон, но постаревший, и с очень серьезным видом продолжал петь. Я не мог уже стоя смеяться. На корточках, приложив палец к губам, просил прекратить, нет, умолял его прекратить это сумасшествие. Хорошо, в дверь постучались. Поклонившись, Радик поправил прическу и пингвинской походкой пошел встречать опоздавших зрителей.

– На первое отделение ты опоздал, Лось, а второго сегодня не будет, заходи, раздевайся, дорогой... С какими вестями?

Лось, в высокой норковой шапке, чтобы прикрыть, видно, рога, в дорогой дубленке и со спортивной сумкой, с трудом пролез в дверь.

– Здоровеньки булы, москали. Меня внизу ждет Муха, короче, Чайковский, в сумке документы и пол-лимона даларов,

это твои карманные. Другие затраты согласовывай с Доктором. Завтра сфоткайся для паспорта и будь готов к пяти часам, мы тебя заберем. Машину поставишь в гараж, охранник в курсе, скажешь, от бати. Все. Пока не прощаюсь.

Глава 8

Деньги тяжелее бумаги. Пять вакуумных упаковок по сто тысяч делали сумку неподъемной и красивой. Но блестящий ключ, выбрасывающий, как нож, свое лезвие, понравился больше. Мне не терпелось потрогать машину, послушать журчание ее движка под музыку русского шансона о найденном окурке с красной помадой, но Радик, пролистав мой паспорт, торжественно вручил его мне, напевая похожую на вальс Мендельсона мелодию.

Не знаю, преступниками становятся неудавшиеся артисты или артистами становятся неудавшиеся преступники, но связь между ними, несомненно, существует.

В моем паспорте Гражданина СССР я обнаружил два новых штампа, и если второй о моей прописке в центральном округе Москвы по улице Пятницкой довел меня до восторга, то первый, о моем бракосочетании с гражданкой Нехорошевой В.Н., неприятно удивил.

Неужели заставят полюбить эту женщину по генеральному плану Радика?

– Мужчина должен быть беспощадно удовлетворен, чтобы не наделать глупостей. – Радик аж хлопнул ладонью по недожатому своему кулаку. – Женщины от глупостей не застрахованы, – добавил он после раздавшегося хлопка.

В сумке зазвонило, Радик, поискав, вытащил маленькую трубочку с осветившимися кнопками.

– Муха на проводе. Наверное, тебя.

– Сергей Иванович, Артур Александрович внимательно вас слушает, – приняв чиновничий вид, приветствовал я Муху.

– Вольно, Чайковский, Валька – супруга твоя – познакомиться хочет с тобой, позвони ей завтра днем, но сначала оденься.

– Один нескромный вопрос, Сергей Иванович.

– Валяй.

– С женой обязательно спать?

Он повторил мой вопрос, рядом послышался смех.

– Композитор, у тебя одна обязанность – плавная музыка, сам знаешь. Остальное похуй... Хыхыхы... Кайф общаться с тобой... Хыхыхыхы... копай дальше... концерт твой скоро... Откуда его Доктор выписал? – услышал я голос Лося.

Я также вежливо пожелал Сергею Ивановичу здоровья и доброй страстной ночи.

– И тебе тихой ночи, – смеясь, ответил он.

Я не мог предположить, что Радик своим храпом выбивает стекла из оконных рам.

Бракосочетание не входило в мои планы, но Радик прав, мужчина должен быть всегда в форме, обязан тренировать не только свою память.

Приехал Юра, привез Арсена и долго хвалил машину, огорчаясь, что не может иметь такую сам.

– Мои пацаны не понимают, что нам по работе рисовать нельзя. Радик вот на «Форд» сел. Что, стыдно? Суки-немцы, умеют же делать технику! Все колеса ведущие – танк, нах... – и, посмотрев снова на мою обувь, почему-то поспешил удалиться к своей красавице-жене. Набив карманы деньгами и документами, мы с Арсеном спустились к машине. Она очаровывала своей красотой. Блеск черной краски и полупрозрачность стекол делали ее загадочной и живой. Я ласкал ее гладкое крыло, как когда-то ласкал своего вороного коня. Животные нас не бросают. Никогда. Я вспомнил, как Отелло встречал меня по утрам, вытягивая лебединую шею, чтобы положить свою костлявую голову мне на плечо. От его фырканья мое сердце наполнялось нежностью и теплом. И я стоял, боясь шелохнуться, пока Отелло сам не убирал голову, окуная ее в ведро, и пока

он ел овес и пил воду, я смотрел на его сильное и стройное лошадиное тело, вздрагивающее каждый раз от моего прикосновения. Прости меня, я и тебя предал.

Арсен профессионально вел машину, и я мог облегчить душу воспоминаниями.

Впереди замелькали огни большого города. Москва! Я любил этот город и всегда буду любить. Его улицы и бульвары, смешных москвичей, не толкающихся в очередях и вежливо отвечающих на наши глупые вопросы, длинные мосты и высоченные здания, железнодорожные вокзалы – эти небольшие государства со своим климатом и акцентом. Спортивные арены, гудящие под «крышами» молчаливой братвы и московской милиции, талантливых артистов дорожно-патрульной службы и, конечно, чиновников, чертовски образованных и компетентных с красивыми и воспитанными секретаршами.

Москва прекрасна в любое время дня и ночи, в любую погоду и всегда готова обнять каждого из нас своими смертельно-крепкими объятиями.

Мы въехали в город. Снежинки лениво кружились, нехотя опускаясь вниз. Пешеходы старались угодить под колеса машин целыми делегациями. Осветительные фонари, окруженные падающим снегом, тянули другу к другу свои повисшие провода и светили вместо пропавшей куда-то луны.

– Артур, расскажи мне про «разгон». Ты придумал это, чтобы спасти моего отца? Да?

– Арсенчик, давай не сегодня, дай насладиться Москвой!

Раздалась сирена, нас обогнала патрульная машина и, перебив дорогу, всеми своими мигалками слепила нам глаза.

– Приехали, сейчас насладишься. – Арсен припарковался к тротуару. – Сиди и молчи, я с ними разберусь сам, дай только документы.

Арсен, неторопливо кутаясь в пальто, подошел к ментам. Они, не выходя из «жигулей», о чем-то мирно беседовали с ним. Вскоре все засмеялись и отпустили Арсена с миром.

– Проверка документов стоит десять долларов. Любое нарушение – пятьдесят. Триста долларов, если бухой. Никогда не ругайся с ними. Дороже станет. У каждого своя работа. Москва!

Проехав еще пару битком набитых машинами улиц, мы, наконец, взобрались двумя колесами на тротуар и остановились у витрины магазина одежды. Два мальчика-манекена приветливо смотрели на нас немигающими голубыми глазами, застывшим поклоном приглашая войти, и мы послушно двинулись к ним.

Взгляд охранника, легко скользнув по Арсену, впился как жало осы в мои ботинки. Если бы он знал, через какие альпийские луга, непроходимые ущелья и звериные тропы прошагали они со мной, чудом обходя спрятанные там мины и растяжки, может, взгляд его стал бы не таким пренебрежительным?

Интересно, за сколько секунд я смог бы уложить этого охранника, затягивая синий галстук на его красной шее?

Арсен дотронулся до моего плеча.

– Артур, время деньги, не будем отвлекаться. Нам еще в обувной и в салон к Зверьку. – Улыбаясь подошедшей продавщице, спросил:

– Пардон, мадам, где у вас эксклюзив?

Дорогую одежду долго не выбирают. Мы наполнили огромный багажник объемными фирменными пакетами и вновь запетляли по заснеженной Москве.

После обувного салона Арсен похвалил меня:

– Мне нравится, как ты шопаешься быстро. У кого будешь стричься? Есть баба и Зверек, говорят, он лучше. Ринат и Лева стригутся у него.

– Буйную мою головушку отдам только в женские руки! Поехали к ней, Арсен.

– Артур, ты на армянина не похож, здорово! Только горбинка на носу и

манеры, почему так?

– А ты знаешь, какие были наши предки?

– Нет, дедушку не видел.

– Даже на фотографии? Но я не его имел в виду, говоря о наших предках. Ты знаешь, в одном селении, в Бюраканском районе Армении, я видел похожих на меня людей. Почти все светловолосые с голубыми глазами. Говорят, мы все были такими.

– Что делает с людьми тяжелая работа? – сокрушался Арсен. – Мои дети, может, внуки тоже будут светлыми. Я никогда не работал.

– Это солнечные армяне и они до сих пор поклоняются солнцу Ра. БюРаКан, АРаРАт и даже аРа – все из нашего солнечного прошлого. Они рожают много детей и все по-черному работают, в отличие от тебя, брат. Сколько еще ехать, Арсен, в этой веренице?

Впереди у нас застопорилось движение, кто-то здорово на уже замерзающей дороге развернулся и врезался в другую машину.

– Возьми правее, вот там, видишь, салон красоты, чуточку еще впереди, вон там останови.

Прическа бойца должна быть одинаково короткой на всей поверхности черепа, чтобы противник не смог взять его голыми руками. Такую прическу мне здесь легко нарисуют.

– Можешь не выходить. Послушай музыку, постарайся убрать машину с этого катка куда-нибудь во двор, вон там впереди, видишь, арка. Я скоро. Жди там.

В салоне красоты, как и подобает, ждал народ, красивым без очереди не станешь. Из конца помещения, из самого его уголка, меня ослепил взгляд моей Милы – сказочной горничной из прошлой жизни. Она совсем не изменилась. Я шел к ней с разбуженным от спячки сердцем и смотрел в глаза. Ее кресло было свободным. Она прижалась к стене и от испуга выронила ножницы. К халатику был приколот чужой бейджик. Я прочитал имя и, не веря своим глазам, спросил:

– Мария?

– Хмельницкая, я новенькая, можете подождать, скоро кресло рядом освободится.

Вместо того, чтобы напомнить ей ее настоящее имя, я медленно опустился в кресло.

Природа часто повторяет свою красоту. Одинаковые реки и горы, не отличимые на первый взгляд, я встречал уже не раз, спасибо за это создателю, он нас таким образом возвращает в прошлое, но приступ отчаяния, сковавший мое тело и волю, нечаянно проклял его. Прости меня опять. Я знаю, Господи, ты все сделаешь так, чтобы я снова поверил в твою величие.

Прикосновения ее рук поднимали меня на девятый этаж Ереванской гостиницы «Интурист» и нежно бросали вниз, к самому подножию святой горы Арарат.

Матерь Божья! Мария! как в тебя не влюбиться?

Все деньги с документами остались в машине, закон подлости достаточно не изучен нами, а жаль. Мы часто наступаем на эти грабли. Достав из своей поношенной куртки всю скомканную мелочь, оставшуюся от курганской поездки, я честно признался своему ангелу в неплатежеспособности.

Она, пересчитав деньги, успокоила меня.

– Совсем чуточку, ничего страшного, может, в следующий раз. Со всеми может случиться.

Я снова проверил все карманы.

– Кот даже не заплакал, одна среднеазиатская пыль. Прости меня, милая.

– Возьмите на дорогу, – она протянула обратно деньги в своей нежной руке.

За один поцелуй ее ладони я готов был вырвать свое остановившееся сердце из груди и подарить ей, стоя на коленях.

– Мария, тебе звонок.

Ей поднесли телефонную трубку.

– Гололед? Наверное, хорошо, не беспокойтесь, доберусь сама. На троллейбусе. Вот скоро выхожу, через час буду. Если не трудно, на остановке. Пока, мамочка.

Законы подлыми не бывают – это мы хотим их подстроить под наше бытие.

– Я готов вас отвезти, – мне хотелось сказать ей, – на край света! – Но жизнь научила меня не обманывать любимых. Со лжи начинается неверие и кончается любовь. – Вы не бойтесь, я никогда не обману вас. Машина рядом. Я мигом.

Она смотрела мне в глаза и улыбалась.

– Я вам верю, предупрежу только хозяйку и позвоню домой.

Господи, почему ты дал нам право обманывать? За какие грехи?

Почему ты не вырвал самый первый лживый язык? Почему? Не мы одни достойны презрения.

Натянув капюшон на голову, я пошел к машине. Устроившись в тепле, Арсен гнал какой-то школьнице урок географии по вопросу развития хлопковых плантаций на Востоке.

Наверное, приятно слушать в морозный московский вечер об экзотических странах, но я заставил Арсена отпустить девочку готовить уроки.

– Брат, ты, наверное, устал за день, всего одна просьба, последняя.

– Что случилось?

– Понимаешь, тут девушка заблудилась, я обещал подвезти.

– Не верь этим ****ям, брат. Дай на крайняк денег, возьми телефон, потом позвонишь... поздно, гололед, поедем. Не мы, так нас кто-нибудь заденет. Ласточку твою жаль.

– Я обещал. Да и за стрижку пока не заплатил. Поехали. Поехали.

– Хозяин – барин. Поехали так поехали.

Хозяйка салона, вышедшая проводить Марию, увидев машину, смутилась и, скомкав провода, спряталась за дверь. Вот такой ужас наводили тогда московские бандиты на бедных бизнесменов – в то время полутысячные новые мерседесы в Москве не валялись.

Прежде, чем посадить Марию в машину, я успел нашептать ей:

– Брат не любит, когда по дороге разговаривают. Будем молчать, – она кивнула мне своей ангельской головкой, отводя глаза в сторону. – Потом все объясню, не волнуйся. Куда надо ехать?

– К трем вокзалам. Оттуда можно пешком пройти. Мне страшно.

Она не поднимала глаз. Я взял ее за руку.

– Я не обижу тебя никогда. Она взглянула мне в глаза и улыбнулась.

– Я верю тебе.

Ехали как немые. Молчание нарушил Арсен, тормозя у аптеки.

– Не скучайте. Я скоро вернусь.

Он действительно вскоре вернулся и бесцеремонно бросил мне пакетик с презервативами.

– Импортная резина, с шипами, чтоб не пробуксовывать.

Я опешил.

– М м м... спасибо, – запихивая пакет в карман, промычал в ответ.

Действительно, Арсен повзрослел. Как быстро летит жизнь...

Глава 9

Если бы огромные баулы, которые толкала перед собой спешащая в разные стороны толпа, были квадратными, я бы подумал, что где-то рядом строят пирамиды. Слава богу! Всего три вокзала поместились на этой площадке. Мы с трудом нашли место для парковки.

Я подмигнул Арсену:

– Пришло время тебе не скучать.

Обогнув с Марией небольшой скверик, мы подошли к ее дому.

Стоя у подъезда, я от волнения не знал, что сказать, а она в растерянности не могла набрать код от замка.

– Извини меня, пожалуйста, все так глупо произошло: этот шпионаж, аптека, наше знакомство. Я люблю тебя, Мария! Я тебя люблю! И неважно, что мы не знаем друг друга. Ничего

не важно. Для меня важно только то, что я люблю тебя. И буду всегда любить, – она молча слушала, опустив голову. – Если в вашем сердце найдется хоть чуточку места для меня, я обещаю, я постараюсь сделать вас счастливой.

– Приходи завтра, без брата. Да, я не знаю тебя, но неприязни не чувствую. Даже наоборот. Сама не понимаю, как поехала с вами, с тобой, в ночь... У меня есть дочка. Я была замужем.

– Я приду, я обязательно приду. Я люблю тебя, Мария. И дочку твою, и все твое прошлое и настоящее люблю, и буду любить всегда.

Я держал ее дрожащую руку в своей руке и не мог отпустить.

– Спасибо вам, – она быстро поцеловала меня в щеку и вошла в подъезд, – я буду вас ждать.

Даже Доктор не смог бы себе представить, какой концерт я закачу для его прощальных гастролей.

Пока я шел к Арсену, словно божьей искрой в моей замерзшей голове вспыхнуло пламя таких безумных страстей, что мне пришлось откинуть капюшон и подставить голову падающему снегу.

Чтобы быстрее потушить этот огонь, я стал ртом хватать мокрые еще снежинки. Вот оно – вдохновение! Зазвучала музыка, и я увидел своих провинциальных «музыкантов», проверенных в боях: Рашида, Армена, Максима, Гену... А ноты все лились и лились в одно целое произведение. Я смотрел в нескончаемое небо, подарившее мне со снежинками моего ангела, и тихо молился без слов.

– Артур, не ешь снег, снегурочкой станешь, – Арсен вернул меня на площадь трех вокзалов. – Поехали, брат, одним снегом сыт не будешь. Доктор уже сто раз интересовался, где ты. Позвони ему. Успокой старика. Что-то ты быстро с этой еврейкой. Удивительно.

– Издержки войны... Ты думаешь, она еврейка?

– Такие печально-любопытные глаза бывают только у них. Мы с ними уже почти год работаем. Странно, столько молчала, может, заикается? Хй их поймет. Как ты мог поверить ее сказ-

кам? После сорока лет они исчерпали запас своих блужданий. Пахану памятник надо ставить – только ему и Сталину удалось их немножко постричь.

– Арсен, пойдем, я ей тройной тариф заплатил, забудь об этом, хочешь, я тебе о «разгоне» расскажу?

– Да, да, я уже забыл все, – он мне любезно открыл дверь и даже помог влезть в машину.

– Что с тобой происходит, ты вроде весь в облаках? Неужели она так завела тебя, Артур? Колдунья, мля. Надо тебя с ленинградкой моей познакомить. Вот это школа.

– Я смотрю, тебе неинтересно услышать о казахской увертюре твоего отца?

– Все, молчу!

– Сколько до дома ехать?

– Чуть больше тридцати минут.

– Так вот, когда Кривого Гришку повязали, следак из прокуратуры обещал скостить срок. Ему тогда пятнашка светила. Перетерли – договорились. Посредник – друг семьи, еще тот милый друг хозяйки дома, узнал, что деньги следак в Казахстане у матушки своей прячет. А бабки у него немалые были, только за Гришу он полтинник высосал.

Арсен, я тебе в сокращенном варианте рисую, чтобы успеть рассказать. Речь шла о пол-лимоне. Тогда это действительно были бабки. За такие деньги можно было площадь Ленина купить.

Твоего отца с Утюгом решили отправить в командировку в Северный Казахстан выутюжить бабки. Утюг своим уродством и без утюга кого хочешь мог расколоть, тип был еще тот, Квазимода отдыхает. Пахан твой приехал ко мне, и правильно сделал, я тебе скажу, обсудить свой электрический сценарий. Его план привел меня в ужас. Фактически, он ехал за сроком, долгим и крытым. Я, конечно, все свои сокровения высказал и убедил его изменить планы. Представляешь, включенный утюг и старушку, которая, возможно, даже и не знает, где ее образованный сын деньги прячет? Кранты, короче, были бы всем. А что делать?

Ставки сделаны. Двести тысяч – вобщак, триста поделили бы все остальные. Отказаться он уже не мог, в силу тебе известных причин. Я попросил тутовой водки и взял тайм-аут до утра. Так и придумал им фантазии на безутюжные темы.

К мамаше сначала зашел гонец, мол, от сына, с предупреждением об его аресте и грядущем обыске дома. Бабка, естественно, помчалась прятать деньги, но у дома ее поджидала черная волга и Юра с документами полковника милиции.

Деньги изъяли, а бабушку отправили домой собирать теплые вещи и сухари для себя и для сына, потому что она автоматически стала соучастником взяточника. Телефоны на улице были отключены на необходимое время. Утюга, который уже был в доле, я сделал водилой Юры, чтобы скрыть его пороки за затемненными стеклами черной «волги» и не лишать обещанной доли.

Бабка, собрав теплую одежду, до упора ждала ментов с наручниками.

Следак, потеряв пол-лимона, не стал заявлять о грабеже. Не заявит же он сам на себя – взяточника.

И волки оказались сыты, и овцы целы, но без шерсти. Юра был на высоте. Только денег изъяли чуть больше трехсот тысяч и, соответственно, меньше запланированного. Масса, действительно, критическая.

Что было дальше, ты знаешь. Волки не все оказались сыты и перегрызлись. Утюг – в бега, отец и вестовой – за колючку.

Арсен, не надо слишком больно людям делать. Проклятье, вырванное из страдающей души, имеет божественную силу, и оно рано или поздно доходит до цели.

– Поэтому мафия из церквей не выходит, да?

Я не понял, спрашивал меня Арсен или сам отвечал на свой вопрос.

Дальше мы ехали молча, и, когда при выезде из Москвы нас остановил милицейский пост, он опять разозлился:

– А этих проклятья не касаются, да? Суки. Забодали своими тупыми головами. Мы же их со всеми праздниками уже по второму разу поздравили. А им все мало.

– Эй, армяне, откуда вы деньги берете на такие тачки? У тебя же вчера «девятка» была! – сержант панибратски постукал по крыше мерседеса своей включенной «палкой». – Обмыывать когда будем?

– Не заржавеет, сам знаешь. А машина братана, правительственная. Он у них там теплоснабсбытчиком работает, познакомьтесь.

Пришлось знакомиться.

– Подогрей ребят, Арсен, видишь, замерзли?

Арсен полез в карман, и мы поехали дальше.

– Отец с ними лоховским товаром расплачивается, говорит, нельзя их к бабкам приучать. Мы же на оптовом складе работаем, а не в банке.

– Работа у них собачья, дворняжничать круглый год в мороз и в жару на асфальте, дыша отходами. Я их не виню. Уроды там в ****етах сидят, а это рабочий класс – пролетариат. Гегемон. Вернее, геге-менты.

– Я это не проходил. После школы пахан меня на подножку взял, так и катаемся.

Зазвонил телефон.

– Доктору не спится, ответь ему, Артур, это твой звенит.

Я и забыл о телефоне.

– Смольный на проводе, Радион Смбаатович, мы скоро будем, не беспокойтесь. Юрий Арсенович ждет? Думаю, минут через десять будем у гаражей. Да, отоварились и постриглись. До встречи.

– Ты хоть дорогу запоминаешь, Артур?

– Стараюсь. И, если не ошибаюсь, у того магазина мы повернем налево и будем пилить прямо до новостроек. Проехав пять светофоров, сделаем один правый поворот и увидим справа стоянку.

– Зачет, брат. Лева до сих пор путает карты, хотя и мочу свою пьет. Он тебе еще не предлагал свой оздоровительный метод?

– Мочу пить? Я здоров.

– Предложит, я отвечаю.

На стоянке нас подждал Юра.

– Наконец, куда вы пропали? Арсенчик, заежай в открытый гараж.

Сторож любезно помог нам переложить пакеты в «девятку» и закрыл ворота на сейфовый ключ.

– Доброй ночи, ребята, я сменщика предупрежу.

Юра передал мне все ключи от машины и гаража, насильно вручил чаевые сторожу, и мы выехали со стоянки. Обогнув детскую площадку, он остановил машину у подъезда Радика.

– Эти два пакета ваши – от меня подарки к новому году.

Мы с Арсеном, нагрузившись оставшимися пакетами, поднялись на третий этаж. Доктор встретил нас в теплом махровом халате.

– Ну что, Артур, столица понравилась? Сейчас будем отмечать твоё знакомство с Москвой. Я тут уже давно накрыл стол и успел задремать, – осмотрев меня с ног до головы, он покачал головой. – Переоденься и за стол, – и предложил Арсену: – Можешь остаться у меня.

– Извини, Радик, папа ждет, поздно уже, поедем.

Он обнял старика за плечи и, пожелав нам доброй ночи, тихо ушел.

– Не нарадуюсь пацанам. Юре с ними повезло. Один лучше другого. Каждый день под статьи лезут и никакого выебона. Надо же.

– Воспитание Лизы Сергеевны, и Юрка как школьник перед ней. А пацанам, согласен, цены нет.

– Радик, можно, я завтра покажу тебе все шмотки, давай лучше по стопочке, мне кажется, я нащупал сюжетную линию рубки.

Радик оживился, добавив музыкальному центру звук, разлил Абсолютную водку в маленькие граненые стаканчики, разрезал малосольный огурчик на две части, одну протянул мне, вторую аккуратно положил на свою пустую тарелку.

– Так, дорогой мой, – его мутные глаза постепенно наполнялись светом и вскоре ярко заблестели, – нащупал, говоришь,

линию? Так вытяни ее осторожно, всю эту музыку на отшлифовку. Мы должны подстраховаться вдоль и поперек. Никаких косяков не должно быть, дорогой ты мой. Поехали! – он пригубил водку, поморщился и захрустел огурцом.

– Пей, дорогой мой, пей и закусывай. – Он стал придвигать мне разные рыбные деликатесы.

– Подогрей мозги, они рыбу любят. Угри попробуй, Артурчик. Чудо.

– Спасибо, Доктор, – я кусочек за кусочком, запивая холодной водкой, истребил весь змеиный запас Радика.

– Пересядь на диван, Артурчик, – он прикатил небольшой прозрачный столик с разными напитками, придвинул свое кресло и, уютно устроившись, подмигнул мне.

– Слушаю.

– Полночь, Доктор, давай сначала новости посмотрим. Это по теме, поверь, тебе тоже станет все ясно.

Радик сделал недовольное лицо и, поискав под собой, вытащил из складок кресла пульт управления. Заткнул какую-то попсу и переключил телевизор на новости. Ничего веселого мы не услышали. Шахтеры Кузбасса по-прежнему бастовали. Третий месяц они не получали зарплаты. Работяги колотили шахтерскими касками по родной земле, пытаясь достучаться до правительства. Обанкротившееся государство даже не пыталось оправдаться перед народом. Оно подло молчало.

Подражая Сталину, я подправил усы и, копируя его акцент, обратился к Радика:

– Как ви думаити, товарищ Жуков, мы сможем прибалтийскими червонцами залатать карманы наших доблестных шахтеров? Шенидеда, кто-то опять по кузькиной матери соскучился?

Водка, нейтрализовав жирность угрей, ревела во мне сороковыми градусами. Лицо Радика затянулось улыбкой. Он прищурил глаза и после паузы добавил:

– Пара статей в Комсомолке не помешает, там у нас свой гусь. Отлично, дорогой. Я над этой темой сам крутился, но

до нитки не дотянулся чуток. А ты в десяточку, в самую матку. Слов нет, – он смотрел в мои глаза и улыбался как ребенок.

– Депутат ты мой, Артур Александрович.

– Депутат не депутат, а помощником не помешало бы стать.

Притом срочно.

– Это без вопросов, Артур.

– Радик, надо немедленно сообщить лохам об успешных наших переговорах с правительством. Дорога каждая минута, намекайте им, что само правительство заинтересовано в этом финансовом потоке и готово обменять их на свои ценные бумаги. Мне нужно сделать рекогносцировку на местности и определить, с каким государственным банком легче будет работать, хотя с центральным не хотелось бы пересекаться. Максимум через месяц груз должен быть в Москве.

– Артур, иногда мне кажется, что ты читаешь мои мысли, – Радик поежился, с трудом растягивая улыбку. – Этот надвигающийся шухер я тоже чувствую. Верхняки вырывают деньги с руками вместе. Беспредел кругом.

– Да, Радик, а зарплату шахтерам я, как помощник депутата, обещаю вырвать у ссучившегося государства. Третьим Интернационалом клянусь.

– Давай спать, братан, – Радик потрепал мой причесок от Марии.

– Утро всегда мудренее, разбуди меня по-братски в семь часов, – я поднялся с дивана, решив помочь Радике в наведении порядка в комнате.

– Иди спать, Артур, не отвлекайся, твоя спальня в конце коридора, мне что-то не спится. Иди, иди, дорогой. Родина ждет твоих подвигов.

– И шахтеры тоже, – я, пошатываясь между стенами и тихо напевая «Есть у нас другие интересы», – побрел в свою спальню.

Прежде, чем уткнуться в белые простыни, я объявил себе сухой закон – бокал сухого вина на ужин и ничего более. Алкоголь – не помощник в шахматах.

Глава 10

– Артур, Артур, – Радик повторял мое имя сначала очень тихо, затем достаточно громко, чтобы все-таки вовремя разбудить, – уже семь часов, дорогой, как просил. – Его поседевшие волосы сверкали серебристым светом, он каким-то чудом вписался в приснившийся мне сон. Я его принял за бога, с которым во сне не завершил диалог. – Ты весь горишь, аж вспотел. Что с тобой?

– Все нормально, доктор, буду жить, только сон такой, наверное, мне больше не приснится, жаль, я его не досмотрел.

– Приснится, приснится, обещаю, сегодня же закажу угрей. А водки, слава богу, хватит на твой пьяный век. Давай в душ, а я завтрак тебе состряпаю.

– Два яйца и чуточку водки, мне хватит. И чай, конечно.

Я вылез из-под двойного одеяла, в комнате было приятно прохладно. В нише стены на длинной вешалке аккуратно развешан весь мой новый прикид. Начиная с туфель и кончая моднейшими «удавками».

– Халат и полотенце в ванной, – раздался заботливый голос Радика.

Я стоял под водой и переживал свой сон. Обычно, проснувшись, я забываю свои сны, помню только какие-то эпизоды, но чтобы запомнить все от начала до конца – такое было впервые. Несколько лет моей жизни вернулись на одну ночь в сон и были прожиты мною по-другому.

– О сновидении я расскажу позже.

Радик остался доволен моим новым «обмундированием».

– Совсем другое дело. Только трибуны не хватает. Ты уверен, что не хочешь стать депутатом?

– Об этом потом, Радик, ставки уже сделаны, я помчал, мне предстоит за день внести уйму поправок в текущей истории. С сегодняшнего дня я не ем мяса и пью только сухое вино, доктор, не прощаемся, звоните, я буду на связи.

– Дай тебя надушить, чтобы ты излучал и аромат, Артур Александрович.

Я не сопротивлялся. Как я и предполагал, кто-то без меня открывал гараж, об этом свидетельствовали мои потревоженные метки, оставленные вечером. Отблагодарив сторожа чаевыми, нащупав подходящую радиостанцию со спокойной музыкой, я разогнался в Москву.

Мой вороной, почувствовав седока, старался вовсю. Разных коней я объездил за свою беспокойную жизнь. Попадались и иноходцы. Приятно иметь с ними дело. Они чувствуют настроение хозяина и без рывков, плавно набирают скорость. Немцы тоже разбираются в лошадях. Машина, казалось, не касалась земли. В ее недрах не чувствовалось ни малейшего напряжения. Сплошная сила поднимала ее над действительностью и устремляла вперед. Соседи на дороге засматривались на ее бег.

«Серебряный дождь» пожелал мне счастливого пути и сообщил последние новости. Затем запела Аллегрова о своем капитане. Продолжил Газманов, упрекая есаула.

От тоски я окунулся в другие волны. Все радиостанции, видно, договорились, или это народ, предчувствуя приближающуюся войну на Кавказе, заказывал такие песни.

Война. Сколько масок сорвет она с нас, сколько крови родной и чужой выпьет, закусывая рваным человеческим мясом, и всего этого ей не хватает. Ей детей и стариков подавай, выливай материнские слезы, стенания пой, которые и спиртом не заглушить.

Война – медали и ордена, боевые сводки, вооружение армий, дым и пепелище, человеческие судьбы – позор цивилизаций. Цивилизаций ли?

Наконец я нашел Армянский переулок. Там где-то должно присутствовать наше посольство. В нем я должен найти Карена. И, если он остался еще самим собой и с памятью его ничего не стало, он должен обнять меня и сказать: «Здравствуй, друг!»

Припарковав машину в узком переулке, я вошел в здание. Уверенно преодолевая препятствия, оказался в приемной нашей непризнанной республики. Карен меня встретил. Обнял.

– Я скоро, – предупредил он секретаршу, – пойдем, покурим, Артур, – крепко взяв меня за руку, потащил через черные ходы во двор.

– Гражданская форма тебе больше подходит, а мне сказали, что ты в Средней Азии вагоны грузишь.

– Карен, об этом потом, я к тебе за помощью.

– На таких машинах и в таком костюме за помощью не ездят, брат. Что смогу, сделаю, Артур, но главнокомандующий не должен знать о наших контактах.

– Не называй его при мне главнокомандующим, Сямо им не был и не станет.

– Но сегодня это факт, и мы должны с фактами мириться.

– Время, которым я не располагаю, покажет. Мне срочно нужны здесь в Москве: Рашид, Армен, Гена и Макс. Как воздух, Карен. С легальными ксивами.

Я протянул ему исписанный моим корявым почерком сложенный лист бумаги.

– Финансовое обеспечение со мной, в машине. Прочитай, я оценил затраты в сто тысяч зеленых. Если не хватит, я добавлю.

Карен побледнел, но быстро взял себя в занятые списком руки.

– Я помню, как злился, списывая у тебя сочинения, – он бегом пробежал по знакомому почерку глазами, двигая бровями и хлопая длинными ресницами, задевая ими модную оправу очков. – К войне готовишься? – продолжая читать, он делал свои выводы. – Что за два загранпаспорта с незнакомыми фамилиями? Мне нужны будут их фотокарточки.

– Фотокарточки будут завтра утром.

– По какому адресу зарегистрировать Нокию? И на чье имя?

– Прочитай до конца, все там написано. Спасибо тебе, Карен, радуешь душу, одноклассники еще есть в Москве.

– Анна Капутикян здесь, кстати, интересовалась тобой, у нее своя газета, «Любовные треугольники» называется. Почитай, узнаешь, кто кого в углах трахает. Ее как землетрясения политики боятся. Она их всех на крючке держит. Одна живет.

– Пригласи ее завтра к десяти утра.
 – Хорошо, Артур, я на пару дней слетаю домой и сам передам деньги по твоему списку. Как назвать фонд и кому доверить?

– Я подумаю, главное, обо мне ни слова.

Я обнял его.

– Время. Ты сам выйдешь к машине или...

– Пойдем, я проведу через котельную. Приходи ко мне этим же путем. Эдик там хозяин, ты его должен знать, ему можно доверять. Как давно в Москве?

– Не помню, два или три дня. Пока не врубился в ваше время. Деревня во мне крепко сидит.

Мы шли через какие-то подвальные помещения и вошли прямо в ад. Большие черные котлы выли от наслаждения, изрыгая из себя сизое пламя.

Отложив в сторону недочищенные говяжьи ножки, к нам навстречу поднялся охотник – Эдик.

– Какие люди и без водки, – он, показывая нам почерневшие от сажи руки, улыбнулся. – Не могу обнять, Артур, но теплее тебя никто здесь не встретит, имей в виду.

Эдик обычно кочегарил по нечетным дням, а по четным пропадал в наших лесах, за что его и прозвали охотником.

– Ну что, следопыт, вместо дичи хаш подаем?

Я обнял его, он поднял руки вверх:

– Сдаюсь, ребята, сильно не бейте, бросил я своих зверей и птиц. Спасибо, Карен Арамович, еще раз.

– Опять за старое, что за человек, сам ведь знает, что здесь победа куется..., а что до леса, так он стоял и будет стоять. По-стреляем еще. Нашего полку, видишь, прибыло, вместо того, чтобы на хаш пригласить и «тутовкой» угостить, с претензиями встречаешь? Позор твоим джунглям, Эдик, дай пройти, москвич Артур опаздывает. – Показав Эдику кулак, Карен приказал: – Сим-сим, открой дверь.

Эдик, отодвинув небольшой шкафчик с противопожарными причиндалами, открыл перед нами узкую дверь в соседнее здание. Скоро мы оказались у машины.

Передав два свертка Карену, я спросил его тихо:

– С кем президент?

– С русскими.

– Слава богу. Мир будет. А дашнаки?

– Вроде поняли.

– Передай привет.

– Только привет?

– Больше скажу, собери в одну сумму все наши долги России. Текущие платежи приостановите до следующего месяца. Все, что необходимо армии, закажите, не скупясь. Оружие, боеприпасы, обмундирование. В штабе лучше знают, что им нужно.

– И финансы напечатать в типографии, да? Артур, все подорожало в несколько раз, даже нижнее белье не смогли купить солдатам, а ты об оружии.

– Давай мне ребят сюда – деньги будут, госзнаковские.

– Если президента охраняют военные, я ему не завидую.

– Спасибо, мы постоим. Уже месяц, как президент отказался от сямовцев.

– Не забудь найти Анну.

– Будет сделано, командир, пальто не забудь.

– Один ноль не в нашу пользу.

– В нашу пока, брат.

– Карен, где здесь можно подснежники достать, хочу, умираю!

– По улице Садовнической, недалеко от гостиницы «Балчуг» наш земляк пивной трактир открыл – «Садовники» называется, любую нашу домашнюю пищу можешь там заказать. Но вроде не время подснежников, хотя попробуй, может, из Голландии выпишут. Я позвоню Марлену, он что-нибудь придумает. Ты что, не наелся их там, на войне?

– На войне, говоришь? Карту Москвы и области дай, скажу.

– Сейчас тебе вынесут карты, они для служебного пользования, Артур, верни потом.

– Спасибо, брат, верну.

Карен с посыльным прислал мне папку с картами и две визитки – его и хозяина трактира. Намного легче ориентировать-

ся в незнакомом городе, имея под рукой добротную карту. Это в будущем машины сами выберут водителю дороги – нашим потомкам не страдать от дорог и дураков.

Мне пришлось одной рукой крутить баранку, а другой искать по разложенной карте маршрут, зато к двум часам я был твердо уверен, в отличие от Центрального, что служба охраны Агропромбанка в зародышевом состоянии и работники бюро пропусков так загружены работой, что не успевают разглядеть лица клиентов.

– В этой путине мы и замути́м первое отделение концерта, думаю, на обед я сегодня заработал, – сказав это вслух, я поехал выкапывать подснежники.

Глава 11

В Москве водитель дисциплинирован, он не выбрасывает огрызки фруктов за борт, не ездит по тротуарам и даже на желтый сигнал светофора останавливается.

Привыкший к беспределу, я получал удовольствие и от машины, и от окружающей среды. Скорее всего, была пятница. В центре города милиция безуспешно разбирала «пробки». Мне тоже немножко досталось.

Я позвонил Марлену, он, внимательно выслушав мою просьбу, спокойно ответил:

– Приезжай, земляк, без мяса так без мяса, я сам устал от него. Сегодня лепешки с зеленью и гадрутское вино, а подснежники завтра постараемся тебе сварить.

На Садовническую я попал голодный и обессточенный. Огромный город высосал мою энергию. Марлен-голиаф мимо зала и кухни провел меня в свои пенаты.

Я оказался в комнате, наполненной карабахским колоритом. Если бы сейчас мне навстречу вышла Майкон-биби, сестра моей бабушки, в своем пурпурном архалуге и, раскачивая серебряными монетами головного убора, произнесла бы свое любимое «Це це це», – я бы не удивился.

В старинной медной посуде была выставлена наша незамысловатая кухня. Хлеб, соль, вино, зелень разная с красной редиской, сыр и тандырный хлеб. К водке обычно подают разные соленья.

Пока Марлен разливал вино, к нам постучались, и в комнату действительно вошла помолодевшая на сто лет Майкон-биби. Она на широком подносе поднесла мне свежеиспеченные лепешки с зеленью.

– Женгальяв хац. Попробуйте. Только с огня.

С черной, обшитой бусами короны свисало на лоб множество серебряных монет. Ее тонкий стан обтягивал старинный кожаный пояс с украшениями.

Почувствовав плоды своей Родины, я немедленно ожил.

– Спасибо, ханум. С ваших рук не грех даже яду попить.

Она важно удалилась, оставив нас наслаждаться пищей богов.

Марлен, довольный, суетился над столом.

– Моя племянница, в ГИТИС будет поступать.

– Красавица, это она пекла?

– Мать ее печет, сестра моя, все домашнее, без городского яда, Артур, ешь на здоровье. Это же ты на площади в первые дни революции швырнул народу папаху с головы полковника? Я тебя сразу узнал. Мы не дали тогда тебя арестовать. Помнишь?

– Так это ты меня взял в охапку и пронес над толпой к редакции? В смольный? До сих пор бока болят, лучше бы арестовали тогда.

Я попытался обнять его необъятное тело. Не получилось.

– Попадайся мне чаще, Марлен! Ты соль нашей земли.

– Знаю, и ты не проезжай мимо.

Моя протянутая к карману рука вдруг повисла в железной хватке голиафа. Я попытался освободиться.

– Не напрягайся, сегодня ты мой гость.

Марлен вышел меня провожать. Продавливая слякоть до асфальта, он шел впереди меня в своей летней безрукавке, при-

ветствуя вновь подъехавших клиентов. Я шел позади него след в след, стараясь не промочить туфли.

От Марлена шел пар. Обычно наше количество коробит качество, но в данном случае было наоборот.

– Спасибо, Геракл, я тоже когда-нибудь совершу для тебя подвиг.

– Марлен Бахшиевич всегда рад землякам. Героям особенно.

– Ты прав, мы все стали героями. И от этого никуда уже не денемся.

На его фоне даже дутый кузов мерседеса казался игрушечным.

Я отъезжал от трактира в хорошем расположении духа. Телефон был наполнен сообщениями. Все, кроме Папы Римского, успели мне позвонить. Радик категорично требовал не бросать трубку где попало и непременно отвечать на звонки. Юра приглашал на воскресные шашлыки. Карен сватал за ленинградку. Лева предлагал отстоявшуюся мочу внучки Петровича. Сергей Иванович ждал от меня ответного звонка. А моя законная супруга Валентина так и сказала:

– Наверное, мой муж не хочет с женой познакомиться?

Как же она была права. Мое сердце стучало для одной-единственной женщины – Марии. Мысли, привыкшие к ее существованию, старались зря меня не беспокоить. Я чувствовал ее присутствие – это успокаивало и наполняло силой. Очень хотелось ее вновь увидеть, дотронуться до нее, убедиться в ее реальности. Я влюбился и был счастлив.

Глава 11

Любовь, по-разному влияя на людей, делает их красивее. Одни, влюбляясь, сворачивают горы, другие довольствуются чужими шейными позвонками. Таинства любви никогда не будут разгаданы. В противном случае мы потеряем интерес к жизни.

Не знакомая мне до вчерашнего вечера женщина – другой веры, с ребенком от другого мужчины, со своими устоявши-

мися привычками и со своей личной жизнью – за мгновение стала мне дороже всего на свете. Притом от этого я еще получал неземное удовольствие.

Не парадокс ли?

Чтобы окончательно не запутаться в своих чувствах, я позвонил Сергею Ивановичу. Он уже был в «полете».

– В 47-м «собачнике», что у станции метро «Новокузнецкая», тебя с нетерпением ждут, чтобы выдать новые ксивы. Не пропадай, композитор, откликайся. Увидимся.

– Да, да...

Он, видно, уже отключил трубку.

Я поехал в сторону метро, там, на Пятницкой, проживала раба божья Валентина, готовая разделить со мной в горе и радости тяготы моей жизни.

Уже на подъезде к метро мне на глаза попала вывеска на желтом фоне – «Кодак».

В Россию за ее недрами под разными окрасками заползали монстры капитала. Все демократические преобразования, происходящие в мире, подчинялись одной-единственной цели – затягиванию новых территорий в финансовую сеть избранной касты.

Хотя люди с осторожностью мыши лезут в капканы замедленного действия, и мой крик в этом шумном потоке – как глас вопиющего в пустыне, я уверен, что когда-нибудь новорожденного христианина примут исключительно христианские руки.

Последовав за фургоном, я оказался посреди небольшой, заполненной людьми и торговыми павильонами площади, прямо напротив метро.

Пестрые стеклянные витрины ломались от всевозможных товаров. Из фургона вылез черноволосый парень и стал разгружать коробки из машины в одну из палаток.

– Земляк, не подскажешь, где здесь 47-е отделение милиции?

Не поднимая головы, он ответил:

– От меня иди прямо до цветочной палатки, потом направо и в глубине двора увидишь их машины.

Подняв голову и увидев мерседес, он отложил коробку в сторону и спросил:

- На каком языке еще говоришь, земляк?
- Бегло на немецком, на урду со словарем.
- И на армянском, да? Ахпер-джан, заходи.

Мы улыбнулись друг другу.

– Машину не тронут, закрой только, менты тут свои, неплохие ребята, что там у тебя с ними, я могу помочь.

– Паспортные дела, ничего особенного, спасибо.

– Купи для приличия пакетик небольшой, у меня большой выбор подарочных наборов. Татьяна Васильевна, начальница стола, наш коньяк любит.

В небольшом павильоне негде было развернуться. Духи, сигареты, спиртное, жвачки, консервы. Я набрал большой пакет всякой всячины и расплатился. Увидев мой «лопатник», перень вытащил из сейфа небольшой целлофановый пакетик с переплетенными золотыми цепочками и разложил их на полу.

«Второй такой работы не найдешь. Около килограмма, даже чуть больше.

Работа действительно понравилась. Плохой ювелир в Армении не выживет.

«Оптом за десять штук отдам. Срочно деньги нужны, еще одну палатку хочу поставить.

– Ашот, заверни, – я вытащил пачку долларов и бросил на цепочки. – Сам откуда?

– Из Еревана, ахпер-джан, «планы глух», слышал? – он за мгновение пересчитал пачку долларов, щупая и теребя купюры одну за другой.

– А сам откуда?

– Все мы из матерей наших.

– Имя мое в накладной прочитал, да? – он протянул мне руку. – Ашот, рад знакомству.

– Артур, твой Фаберже обручальные кольца не делает?

– Сако, мой дядя, даже его яйца делает, от настоящих не отличишь. О нем анекдот у нас рассказывают. В Москву для вы-

ставки Сако изготовил партию драгоценных бабочек, и директор ювелирного завода повез их через Париж сюда. Как видно, не довез. Знаешь, что он сказал в нашем КГБ? Слушай, как настоящие, вот они и улетели.

– И директору поверили?

– Авторитет Сако взял вверх.

– Вот тебе пять бумажек, – я передал Ашоту еще пятьсот долларовов, – закажи дяде два обручальных кольца. Недели ему хватит?

– Сейчас с ним свяжемся.

– Он в Москве?

– В Ереване, слушай, он не летает, самолетов боится, – вытаскивая из-за коробок телефон, набрал номер: – Ивойлову Ларису хочу, пожалуйста, скажите, Ашот хочет. Лариса-джан, соедини с Сако экстренно по срочному тарифу. Ничего пока не случилось, заказ твой завтрашним рейсом прилетит, не беспокойся, девочка, Ашот не ребенок. Сако-джан, доброе утро, спишь, да? Извини, наш один знаменитый художник тут рядом со мной стоит и хочет тебе заказ крупный сделать. Цепи все уже он взял. Да, настоящие, все нормально. Завтра твоя палатка заработает, не отвлекай, Сако-джан, Артур, говори с ним, какие кольца хочешь.

В трубке голосом Владимира Высоцкого ереванский ювелир Сако жаловался Ашоту на перебои электричества в доме.

– Только мне провели свет от трамвайной линии, как в общегититии живу, кругом детские пеленки, слушай, сушатся. Доллары проверь, не нарисованные?

– Не беспокойтесь, мастер, доброе утро. Ваши ажурные цепи радугой переливаются, спасибо. Мне к концу следующей недели два обручальных кольца позарез нужны. Вы сможете помочь? Залог оставлю, конечно.

Сако стал описывать свои воздушные кольца, которые не мешают даже при прокрутке мяса мясорубкой.

– Мастер, на обоих кольцах части одной композиции – взлетающего ангела с ребеночком, с бабочкой на руке, говорят, они у вас как настоящие. Можно с камнями, почему нет.

После недолгого молчания Сако согласился за неделю изготовить два шедевра. За свою работу он просил тысячу долларов и новый какой-то импортный паяльник, работающий на батарейках. Цену материалам должен был назначить я сам. Он так мне и сказал.

– Чем больше денег, тем больше камней, дорогой. И твой ангел с ребенком, сверкая, полетит. Размеры сделаю плавающими, на всю жизнь.

Зря Ашот сообщал ему размеры:

– Один – несваренная московская сосиска, а второй охотничья.

Залог Сако назначил в пять тысяч. Я снова показал Ашоту бумажник, чем привел его в восторг.

Глава 12

В 47-м отделении меня ждала Татьяна Васильевна. Как она помещала свои формы в милицейскую, мне никогда, наверное, не понять.

Подписывая новый паспорт, я с тревогой смотрел на две огромные мирзачульские дыни, кое-где прикрытые серой тканью и готовые в любую минуту вывалиться на письменный стол. Пронесло. Я выходил из отделения с новым чувством. Москвичи поймут – приятно, черт побери, быть частью столицы. Даже думается по-другому – масштабно.

А я вам еще не рассказал, как быстро и вежливо обслуживают в «Кодаке»?

Дюжина моих отражений, зятянутые галстуком, за считанные минуты оказались в фирменных конвертиках и были переданы мне вежливой барышней из фотоателье с голливудской улыбкой.

Это раньше фотографами рождались, ныне их пачками готовят за рабочую смену. Большинство изобретений, приносящих миллионные прибыли – плоды таланта простых работяг,

но закон об авторстве кем-то так задуман, чтобы исключить из этого бизнеса левшей.

Когда я слышу о том, что «баобабы» имеют долю с каждой вазовской машины, мне становится обидно не только за свою державу (чувствуется влияние прописки), но и за того безымянного изобретателя колеса.

Стреляйте в меня разрывными снарядами, режьте меня на части, но не затыкайте рта – ваучеры провели россияне. Присоив себе недра России, они грабят ее богатства, и пока одураченные «свободой» низы завозят себе ширпотреб, они с верха вывозят за границу наши души, женщин и детей.

Разве таджик, толкающий тачку с фруктами на площади у метро, угрожает России, ее экономике, ее мощи? Или работяга Ашот, продающий там же шедевры Сако, достоин ненависти русских? Не туда смотрите, господа хорошие.

Думайте, дорогие мои москвичи, ибо настоящих врагов – потрошителей ваших карманов вам никогда не увидеть. Они не передвигаются с нами по площадям, улицам и переулкам, а пролетают над нами в своих персональных самолетах.

Чтобы не договориться до самой правды-матки, я решил встретиться с супругой – обрадую женщину цветами, накину на ее лебединую, дай-то бог, шею одну из золотых цепочек мастера, чтобы не захомутаться самому, и, может, тогда удастся не исполнить свой долг?

Надежды юношей питают, интересно, что Валя мне приготовила?

Наслаждаясь антикварной красотой одной из старинных улиц Москвы, которая началась для меня реставрирующимся торговым домом Смирнова и, не кончаясь, продолжает жить в моем сердце, я медленно ехал на первое и единственное свидание с женой.

«Сначала позвоню Марии, услышу ее голос!» – подумал я и притормозил у булочной. Приятно пахло свежее испеченным хлебом. Витрина магазина своим необычным матовым светом напоминала деревенский фонарь. Я замороженно смотрел

на этот свет и вспоминал, как еще карапузом прибежал к Майкон-биби за хлебом.

– Артурчик, не обожги руки, булки прямо из тандыра, гляди, как улыбаются! Возьми сыр!

Перекладывая хлеб с ладони на ладонь, чтобы не обжечься, я убежал к смешным козам. А из тандыра светлячками вырывались тонюсенькие невесомые искорки и улетали в небо, смешиваясь с первыми звездочками.

В мыслях наша жизнь часто прокручивается назад, раздирая до крови душу, но, к большому сожалению, в нее дважды не войдешь.

Мне не хотелось возвращаться из прошлого, но кто-то легонько коснулся моего плеча:

– Телефон не работает, попробуйте со служебного. Спросите Татьяну, она разрешит вам позвонить.

Раскрасневшаяся на морозе, точно тандырный хлеб, бабуся внимательно разглядывала меня и мою машину и пыталась расчистить от льда подступы к магазину. Не было в ее глазах зависти и злости – одно восхищение. Я поцеловал ее руку.

– Спасибо, маменька.

Бабка так и осталась стоять с протянутой рукой, из которой я взял нехитрое приспособление для скалывания льда.

Вспотев от незапланированной работы, вернул ломик хозяйке. Вход в магазин стал намного безопаснее. Покупатели удивлялись моему порыву, а старушка, кивая головой, мило улыбалась.

Танечка оказалась красавицей, или это только мое любящее сердце стремилось увидеть в окружающих красоту, не знаю, но красивее Москвы и москвичей я потом уже нигде не встречал.

– Я же просила Бориса Михайловича не присылать ко мне женихов, сколько можно повторять, я хочу побыть одна, поверьте же, наконец! – строго отчитывала меня Татьяна.

Вскинув по-пионерски руку над головой, я честно признался ей:

– Бориса Михайловича не знаю, я здесь случайно, зашел позвонить. Один звонок, и сразу покину ваше святое заведение, ибо Богом единым сыт не будешь.

– У вас такой же акцент, как и у Бориса Михайловича, его комиссионный напротив нашей булочной, «Бокка» называется, с двумя «к» пишется. Странно, вы его не знаете? Его все здесь знают, – она любезно оставила меня одного, и я наконец дозвонился до Марии.

Мария коротко отвечала мне:

– Я все понимаю, не беспокойтесь, заканчивайте свои дела, я никуда не денусь.

– Мария, милая, прости, пожалуйста, не получается встретиться сегодня. Помолись за меня своим богам, они сильнее моих. Я люблю тебя и буду любить всю жизнь. Ты должна знать это. Береги себя. И еще, сфотографируйся на загранпаспорт, а я завтра все тебе объясню. Я люблю тебя, Мария, люблю.

Мне хотелось опуститься в Татьянино кресло и закрыть свое пылающее лицо руками.

Глава 13

Зазвонил сотовый, и Радик попросил меня не ужинать, ибо братва, как он выразился, подогрела его рыбными деликатесами. Я машинально дал согласие и, увидев входящую Татьяну, оправдался:

– Связь вернулась, но вы мне спасли жизнь. Так что лишний сухарик на вашем прилавке не появился. А если у Бориса Михайловича родинка на щеке, и он светлый, как я, то, боюсь, обманул вас, сказав, что не знаком с ним. Его и его братьев, и даже его сестер я прекрасно знаю, бежал пару раз с ним на короткие дистанции. Его не догонишь.

Татьяна улыбнулась и стала еще красивей.

– Это вы меня извините, нагрубила вам. Связи своей не теряйте. Приятно было познакомиться.

– Артур.

Она мне протянула теплую и мягкую, как булочка, ручку.

– Заходите, Артур. Нашему женскому коллективу вы очень понравились. Вы и со льдом прекрасно справляетесь. Могу принять на работу замом, а по совместительству дворником, – она мило улыбнулась.

– Непременно зайду, Танечка. Не сегодня.

Хлебный аромат, необычный свет, милая женская улыбка остались позади. Я ехал по Пятницкой к Садовому кольцу.

Какое-то напряжение томило меня непонятным ощущением вины. Встречу с женой запланировал Муха. Я не мог отказаться. Неужели я не могу отказаться? Черт, я не поехал к Марии! Я не поехал к Марии?

Чувство вины усиливалось.

– Артур, это рабочая встреча, потом ты поедешь к Радику. Точка.

Сразу стало легче, уже намного веселее отыскал дом, в котором проживала моя «жена» и где я был прописан. Поднялся до второго этажа и остановился у дверей. В руках держал букет цветов, подобранный любезно Ашотом.

Лучше бы дверь не открылась.

– Как долго, Артур, вы не были дома. Милости просим. Заходите.

Я стоял ни жив ни мертв и смотрел в грусть васильковых глаз Нехорошевой Валентины Николаевны, медленно растворяясь в ее ауре.

Редко, очень редко в женщине собирается букет совершенства формы, содержания и сущности, или женственности. Она не становится от этого счастливее, но мужчина, общаясь с такой женщиной, с грехом пополам черпает божественное вдохновение.

– Поставьте машину в гараж, если не хотите пополнить коллекцию соседа Вовочки мерседесовскими эмблемами, – она протянула мне ключи от гаража.

Я послушно взял ключи и вручил ей цветы.

– Это вам. Поздравляю с бракосочетанием.

– Какой красивый букет. Он украсит наш праздничный стол. Чтобы не смотреть вслед уплывающей Венере, я поспешил в гараж.

Мою машину уже осматривали со знанием дела мальчишки.

– Крутая, с четырьмя ведущими, – Вовочка гладил круглую эмблему, пожирая ее глазами.

– Я подарю тебе такую эмблему, вот только поставлю машину в гараж.

– А прокатиться можно на ней, дядя?

– Садись, племянник.

Мы быстро доехали до единственного гаража, установленного прямо у ЖЭКа. От удовольствия мальчик подпрыгивал на скользком снегу. Падал, вставал и продолжал куролесить. Большие спортивные ботинки еле удерживались на нем.

Мне так захотелось сына, своего, родного, чтобы гулять с ним по вечернему снегу.

– За эти железки твою тоненькую шею свернуть могут.

– Я неисправим, так моя бабушка говорит, вон, видите, уже ползет к нам, сейчас лекциями пичкать будет.

Из подъезда выскочила старушка и, семеня ногами, направилась к нам.

– Может, деньги дашь, а эмблему я сам куплю. Сто долларов хватит. Сдачу верну. Подумай.

Я показал ему сотенную бумажку, он выхватил ее из моих рук, ощупал подушечками указательного и большого пальцев и, довольный сделкой, успокоил:

– Настоящая.

– Я обыскалась тебя, паразит, ты опять за старое? Синяки на теле еще не прошли, а туда же! – начала свои лекции старушка. И, уже обращая ко мне, всплеснула руками. – Натворил что? Господи, пропаду я с ним.

Я успокоил бабуку, и они ушли. Впереди щупленький внук и сзади, в старой искусственной шубке, укутанная в оренбург-

ский платок, кругленькая, как колобок, бубнящая что-то себе под нос старуха.

Мне не хотелось возвращаться к Вале, но грехопадение уже свершилось. Любой грех начинается в нашем сознании, и не обязательно для этого лезть голым в чужую постель.

Я сжал в кулаке почерневший от городского смрада московский снег, скатал из него ледяной снежок и с силой запустил в дверь подъезда.

– Сука, – мне не хотелось идти в этот дом, и все-таки я стал подниматься по лестнице к вершине своего грехопадения.

Отбросив маску приличия и оставив морально-этические нормы более праведным Рыцарям пера, я, мои дорогие читатели, в подробностях опишу вам то, что произошло со мной в том доме.

Глава 13

Приготовьте бокал вина и расслабьтесь, как расслабился я в тот зимний московский вечер на Пятницкой улице у русской гетеры Валентины Нехорошевой.

Имея достаточный опыт интимного общения с прекрасной половиной общества, я, конечно, мог себе представить, чем будет потчевать меня моя супруга. Но все, что произошло тогда со мной, я желаю вам испытать самим. Хотя бы один раз в жизни. Ибо русская гетера, в отличие от греческой, вкладывая в свое ремесло душу и сердце, доставляет не только физическое удовлетворение понравившемуся ей мужчине, но и сама способна влюбиться. Тогда она становится Богиней.

Все гейши и гетеры, получившие сексуальное образование с детства, путем насилий, не могут сравниться с простой русской женщиной, познавшей искусство секса исключительно добровольно и по любви. Этот феномен неосознанно чувствуют мужчины всего мира.

Валентина ждала меня у открытых дверей.

– Я уже стала беспокоиться, Артур.

– Я вернулся, Пенелопа, где оркестр?

Ее черное просвечивающее платье затягивало талию, которую можно было обхватить ладонями. Груды, прикрытые так, чтобы не скрыть выпирающих сосков, достойно смотрели на меня снизу вверх и просились в руки.

– Как ты долго, Одиссей, я прождала тебя целую жизнь, – заметив мой взгляд, ответила она, – ты видишь, даже постарела.

Я взял ее за руки.

– Кто же тебя такую вылепил, божественная моя? Какие боги?

– Не знаю, – с сожалением выдохнула Валя, закусив по-детски верхнюю губу. – Пойдем за стол, Артур. Не смущай меня комплиментами.

На ее лице не было лишних красок, теней и полутонов – все было незаметно подчеркнуто и ухожено. Природная красота этой женщины поражала и восхищала.

– Я немножко разденусь, можно? – и, не получив согласия, вылез наконец из своего пальто. – Будучи мужем и гостем, Валечка, счастлив быть сегодня твоим слугой. Буду слушаться и повиноваться.

– О, нет! Оставайся мужчиной и немножко тамадой, если не против, налей мне чуть-чуть вина.

Через час мы узнали друг о друге все, что можно было узнать. За такое короткое время мы с удовольствием, я, по крайней мере, делились сокровенными тайнами нашей прошлой непростой жизни. Печаль раскосых глаз Валентины постепенно стекала голубыми неподдельными слезами радости, открывая мне всю глубину запутавшейся души тридцатилетней женщины.

Я не мог не целовать эти соленые голубые озера, сверкающие кострами диких скифов.

– Клеопатра, ты забыла надеть свое ожерелье, – я принес и застегнул на ее бархатной шее один из шедевров Сако.

Скромные драгоценности делают красивую женщину изысканной, придают ей шарм.

Торжественная часть постепенно завершалась нашими нежными поцелуями. Тихо играл саксофон с сумасшедшим, как и мы, пианистом.

Зазвонил мой мобильник:

– Радик, все вылеты отменили. Я пережду непогоду у Вали. Валя, Радик нам желает доброй ночи и очень рад нашей дружбе. Радик, мы постараемся исполнить твоё желание. Завтра позвоню. Тебе доверяют больше, Валь.

– Артур, такой прекрасный вечер, забудь о проблемах, милый. У них нет выбора. Я свой уже сделала, – и она нашла мои губы. У меня тоже выбора не оставалось.

Хотя при желании, а его всегда можно найти, мы часто оправдываем свои сомнительные поступки недостатком этого пресловутого выбора. Мог же я тогда найти причину и уехать от Вали, поцеловав ее на прощание. Или заняться, в конце концов, чем-нибудь, грязной посудой, к примеру. Так нет – мочки целовать приятнее. А Мария? Я ведь ее любил. Еще как. Но не ее язычок я тогда пробовал на вкус. Выбора не было.

Валя решила искупать меня сама. Я не жалею. А смеху сколько было. Вы думаете, я стеснялся? Господи, ходили же наши предки в чем мать родила и не исчезли, как вид.

Ни до и ни после меня так не купали, целуя и натирая тело мыльной пеной, наставляя мне рога и сдувая их на одно место...

Валя оказалась веселее, чем я думал. Она прямо в платье полезла ко мне в ванну. Нет, мы корабликов не пускали. Не догадались тогда.

Как мы не залили соседей, ума не приложу. Мы визжали и дрались, как дети, обливаясь то холодной, то горячей водой.

А как приятно вытирать мокрое и упругое, как мячик, женское тело мягким полотенцем, нежно проходя по самым сокровенным прелестям, оставляя при этом на них влагу своих губ.

Глава 14

Седьмое небо не ограничивает высоты небес, но и оно блаженно. Валенька легко поднималась вверх и вверх, поднимая с собой мое податливое, уставшее от войны тело.

Привязавшись друг к другу во всех смыслах этого слова, мы обрели все степени свободы. Квадрат постели и плоскость мягкого пола сотрясались от наших головокружительных взлетов и успешных падений. Грешные наши души еле успевали за нашими фантазиями, отлетая от слепых, облизывающих друг друга щенков, вселяясь то в переплетенные тела ласковых кошек, то в сумасшедших чертей, выскакивали и обнажались, чтобы соединиться в один святой дух.

Пространство вокруг нас столкнулось с остановившимся временем и стало меняться на глазах. Я не верил увиденному. У моего изголовья стояла Мария, приложив к своему подбородку соединенные ладони.

– И ты, Мария? – я поцеловал ее.

На мою протянутую руку опустился голубь из моего детства. Он засунул свой маленький клюв мне в губы и стал пить набранную для него воду. Воды было недостаточно. Голубь смотрел на меня вишневыми глазами и качал своей плоской головой.

Я снова поцеловал Марию. На этот раз голубь напился и снова улетел, чтобы превратиться в небесную точку.

Союз из трех душ исполнял танец разбитых сердец.

– Спасибо, что позвал меня, – Мария с благодарностью целовала мне руку. – Ты мой Бог, Артур,

– И мой тоже, – раздался наконец голос Вали.

Я почувствовал непередаваемую поднимающуюся волну нежных поцелуев.

– Я Бог? Сейчас проверю. Кого же пригласить? Клеопатру? Лучше Елену, ей за Троию сегодня отвечать.

Женщины обрадовались. Мои Богини читали мои мысли.

Елена со своими пережитками не сразу приняла наш советский коллектив. Время и ее исправило.

Я не могу передать вам, милые мои читатели, божественные чувства. Я контролировал их. Я могу приносить радость в любой дом. Вот настоящее счастье.

Не для вас ли, милые мои читатели, поэты пускаются во все тяжкие грехи, чтобы как-то оправдать ваши?

Над нашей кроватью появилась радуга со всеми невысказанными цветами и оттенками, звездное небо, хотя и дарило нам свои снежные звездочки, смотрело на нас свысока и с черной завистью. Простой смертный лежал бы молча и получал выпавшее на его долю удовольствие.

– Нет, – разом вскрикнули мои богини и с ужасом посмотрели на входящую к нам в спальню огромную, пышущую деревенским здоровьем, розовощекую голую бабу.

– Перепихнулись? За версту гармоникой вашей воняет, чистюли, хоть хату бы проветрили, что ли, – уперев кулачищи в рубенсовские бока, заголосила наша гостья.

– Моя гостья не должна знать о гормонах, – оправдывался я перед дамами.

– Вот и ***уй к ней, – закричала на меня эта необработанная до конца туша. – Сам просил бабу из самого заебанного притона. Получай! Других в уезде нет. Кого хошь спроси. За всех отдуваюсь. Господи прости.

И она перекрестилась.

– От вас, балаболочка, не только о гармонии и о субстанциях услышишь.

Чего греха таить, мне хотелось для равновесия осчастливить одну отдельно взятую из самого дешевого притона дореволюционной России несчастную женщину.

– За мной очереди не занимать, – показывая рукой притихшим моим богиням отойти в сторону и, заметив их замешательство, смотря в раскосые глаза Вали, гаркнула:

– Не ждали, московская татарва, сейчас ваш архангел кончится, – и никому не дав опомниться, встала ко мне боком, подсунув девочкам под нос свой накаченный зад, придавила меня вместе с постелью к самому полу. Пока я пытался вдох-

нуть хоть какого воздуха в мое приплюснутое тело, гостья закинула ногу на ногу и стала рассматривать свои конечности, будто для этого и села на мои гениталии.

Закончив со своей личной гигиеной, она неожиданно чистым и красивым голосом запела:

– Ямщик, не гони лошадей.....

Затем стала проверять притихшие под нами пружины на растяжение и сжатие.

Благодаря ее опытам мне наконец удалось сделать один глоток свежего воздуха.

Перед моими глазами замелькали вверх и вниз полные ужаса три пары прекрасных глаз, они-то и вернули мне чувство стыда.

Перед этим, правда, я пожелал этой неизвестной женщине немножко человеческого счастья. Она перестала петь. Стонала и, закатив глаза, словно кающаяся Магдалина, просила у меня прощения.

– Господи, не прекращай.

Мне с трудом удалось стащить с себя это наполненное счастьем и отрубями тело, запихивая ее обратно в дореволюционную эпоху, хотя, возможно, впопыхах я перепутал страницы истории.

Не от таких ли баб спиваются мужики?

– Как можно так опуститься, – возмущалась Елена и своими афиногенными руками попыталась исправить опизанившуюся мою «башню». После нашей гостьи пришлось проветрить спальню, но это не помогло, и я предложил немножко поплавать.

В ванной комнате нас ждало прозрачное подогретое озеро. Взявшись за руки, мы шли, медленно погружаясь в воду. Дно озера было выложено плиткой.

– Лужков заставил, Артур, чтобы соседей не залить, его не вызывай, пожалуйста, – попросила Валя.

– Правда, никого больше не позовешь? – спросила Мария.

– Вы не делали никогда ошибок, а я вот только подумал, и оно на тебе, исполнилось! Девочки, я исправлюсь, обещаю. Не топиться же из-за одной ошибки. Простите меня, и я вам ноги буду за это целовать.

– Прощаем, так и быть, – дружно ответили мои богини.

Я с удовольствием нырнул под воду. В воде картина немножко искажается, но ноги Елены даже тут были впечатлительно стройны и камфорно гладки, но не разрушать же Трою за такую красоту? Красота не спасет, а погубит этот мир, меня – точно.

Зря я, увлекся ракушками с пурпурными жемчугами, спрятавшимися за аккуратно подстриженными лобковыми газончиками, и пропустил начало беседы дам.

– Какие же вы наивные, – смеялась над москвичками спартанка, – все эти ласки придуманы до нас с вами и даже раньше. В приторных наших обителях благородные девицы три года изучают, как себя вести на ложе с избранным, по рисункам, сделанным еще пещерным человеком. Спасибо, насмешили куртизанку. Да если хотите знать, в ваших любовных играх я так и не увидела профессионализма, экспрессии, сумасшествия, наконец.

– Так показала бы, подруга, – обиделась Валя.

– Извольте, но в чужой монастырь со своими молитвами не лезут. Вот я и постаралась не обидеть вас, но, так и быть, некоторые свои секреты вам раскрою.

Я поперхнулся водой и выплыл – на ловца, как говорится...

Мои рыбки пираньями стали растаскивать нагревшееся от поцелуев тело. Пока они обглаживали кости, в ванную ввалилась уездная красавица, в коротком манто и в шляпе.

– На, подавись, – бросила мне в лицо скомканные сто долларовые купюры, те, которые я незаметно дал ей в кровати. Побрызгав на себя Валиными духами, она по мобильному кому-то приказала:

– Зайка-сан, встречай, выхожу.

– Неужели я отправил вас в Японию?

– Умник, я сама до «Балчуга» в чем мать родила дотопала. Слава богу, мир не без добрых япошек. Мать их. Как пельменки, одинаковые.

– Как зовут-то, барышня?

– У этого... у Мопассана спроси, – наконец она захлопнула за собой дверь.

Сердце России там, в глубинке, в ее деревнях и селах. Когда же, наконец, ею займутся? Доллары, превратившись в большие зеленые листья, покачивались на воде. От меня ничего уже не оставалось.

– Артур, милый, вставай, все на свете проспишь.

Валентина накрыла в постель завтрак и поцеловала мое сонное лицо.

– Валенька, радость моя, я спал? Когда я заснул?

– Счастливые живут без часов милый. Зато спал крепко и улыбался во сне, как ребенок. Твоя любовь бесконечна и светла. Ты ничего не помнишь?

– Помню небо в радуге, васильковые поля и прозрачные озера, и мы с тобой, сумасшедшие от любви, собираем утреннюю росу. Со мной такого не было никогда. Рай не придуман, он есть, Валечка, ты его мне открыла.

– Это твоя любовь открыла ворота в рай. Спасибо, Артур, за возвращенное босоное детство. Ты никогда не постареешь.

Я смотрел на ее не совсем прикрытое тело и, чтобы не опоздать на встречу с Кареном в посольстве, скрылся в ванной.

– Я тебя когда-нибудь нарисую, ты прекрасна и неповторима, – кричал я, стоя под душем. – Тепло твоего тела, его божественные линии мне никогда не забыть. Почему ты молчишь?

Завернувшись в полотенце, я вышел к ней. Она, улыбаясь, плакала. Мы прижались друг к другу, и я не смог сдержать слез. Два родных грешных человечка, счастливые и несчастные, не желали расставаться никогда.

– Это наша последняя встреча, да? – Валя вытерла мои слезы. – Береги себя, твоя Пенелопа будет ждать тебя.

Я отвел взгляд в сторону.

Глава 15

До посольства мне было трудно добираться – слезы Валентины застыли в моих глазах и жгли сердце адским пламенем.

Москва, чтобы как-то украсить это грустное утро, дарила мне крупные белые снежинки и красила нежным утренним светом стены древнего Кремля.

Мы с Аней Капутикян к посольству подъехали одновременно. Ее новая серебристая БМВ пятой модели с тонированными стеклами, казалось, прилетела по воздуху, у нее даже шины не были запачканы.

Несколько мгновений мы рассматривали друг друга, потом одновременно распахнули руки и крепко обнялись.

– Опusti на землю, Артур, еще уронишь, я ведь уже не та хрупкая девушка, которую ты поцеловал 13 лет назад.

Я плавно опустил ее на тротуар.

– Аннушка, милая, я ведь любил тебя долго и безнадежно. И продолжаю любить, хотя щека до сих пор болит, твоя хрупкая правая рука оказалась тяжелой.

Я поцеловал ее в губы и подставил щеку.

– Не бойся, мой самый любимый мужчина, бить на этот раз не буду.

Мы снова обнялись. Неприятная мысль мелькнула в моем грешном сознании и застряла там. Обнимая и целуя Аннушку, я не почувствовал в ней женской теплоты и того непередаваемого притягательного полюса, той таинственности, которые Бог за какие-то особые заслуги дарит каждой женщине. Господи, и ты грешен.

У Эдика в котельной был накрыт небольшой столик, за которым мы и собрались, одноклассники десятого «А»: полномочный посол непризнанной нашей республики, редактор московской газеты «Любовные треугольники» и я, ваш покорный слуга. Хозяин котельной, угощавший нас хашем, прикрывал это классное собрание.

Не вдаваясь в подробности, я объяснил своей бывшей однокласснице задачку с одним известным в банковском бизнесе человеком. Где живет, чем дышит и что любит директор «Агропромбанка».

Анечка с ужасом смотрела то на меня, то на Карена. Тот ее и успокоил:

– Никаких похоронных маршей, Анна. Артур старается обуть и одеть нашу армию.

Успокоив Анну и получив согласие послужить Отчизне, мы наградили ее новым мобильником для связи и проводили через противопожарный выход. Она наотрез отказалась отведать с нами наше крестьянское блюдо – проваренные за ночь и начищенные Эдиком до блеска конечности говяжьих ножек.

Все мои просьбы мой друг выполнил на отлично и удостоился поцелуя.

– Вечерним рейсом ребята будут в Москве, они даже не удивлены, Артур. Машина с телефонами, деньгами и документами будет ждать в аэропорту, как ты и просил. Будь осторожен и береги ребят.

Он передал мне еще несколько телефонов с небольшим списком фамилий.

– Запомни и уничтожь, не мне тебя учить.

– Эдик! – крикнул Карен, – спасибо тебе, брат, за угощение. Только почему-то все ножки были левые.

– Не может быть, – удивился Эдик, а мы все дружно рассмеялись.

– Я и не знал, что хаш можно есть без водки, перцем, что ли, запивать? Ну, москвичи, даете. Всю ночь провозился с заменой этой открывашки! – он ногой несильно ударил по огромному чугунному вентилю, – и за хашем присматривал.

Эдик черпаком налил себе в глубокую тарелку золотистой наваристой жидкости, положил туда затвердевшего лаваша, добавил молотого чеснока, посолил, поперчил и попробовал на вкус.

– Нет, я дедовские обычаи не нарушу, – он наполнил свою стопку и, обращаясь к потолку, стоя, произнес тост. – Господи, если не можешь помочь, давай поменяемся местами.

– А кто тебя отпустит? – Карен смерил его взглядом с ног до головы и, поднимая взгляд выше, добавил: – Господи, не слушай этого пьяного кочегара, здесь нечем дышать, в Карабахе тебе больше понравится.

– Скажи, Карен, Артур сегодня какой-то другой, на старика Нарекаци смахивает.

– Со стариками, тем более святыми, меня ничего, кроме уважения, не связывает. Сравнение с Чаренцом меня больше бы обрадовало. Эдик, больше себе не наливай. Карен, пора. Пока мы до конца в преисподней не «запятнаны».

Оставив Эдика с его просьбами и выводами, мы с Кареном расстались, обговорив предварительно, где он разместит моих ребят.

У меня было прекрасное настроение. Предстояла долгожданная встреча с друзьями, я любил, меня тоже, солнце кое-как, но светило, хаш без водки и чеснока неплохо себя чувствовал в желудке, играла музыка, проблем с деньгами не было, «хвоста» тоже – спасибо Вале.

Я позвонил Радиду, отчитался по полной программе, обещая на неделе взять интервью у директора Агропромбанка Гонщикова и наладить отношения с его окружением – от личного секретаря до работников пропускной системы.

Старик звал в Люберцы, ему одному было скучно. Пообещав скорое свидание, я поехал наконец к Марии.

Чем ближе я приближался к ее дому, тем громче билось мое сердце, заглушая одну из лучших песен моей молодости «Помнишь, девушка, гуляли мы в саду...» Розы и шипы этой песни напомнили мне о цветах, и я купил букет алых роз.

Родители Марии встретили меня настороженно. Похоже, она была у них поздним ребенком, и старики свое счастье без дочери не мыслили. Я явно не вписывался в их радужные планы. Мария старалась скрасить создавшуюся почти траурную ситуацию милой улыбкой.

– Вы надолго в Москву? – спросил, как выстрелил, Аркадий Львович, отец Марии.

Глоток застрял в моем горле, и мне пришлось приложить некоторое усилие, чтобы не вылить его обратно в стакан.

– Время покажет, я люблю вашу дочь и готов для ее счастья сделать все возможное и даже невозможное.

Я встал, подошел к Марии, взял ее руку в свою, поцеловал ее ладонь и тихо сказал:

– Мария, я никогда не был женат, я люблю тебя, люблю твою дочь, твоих милых и рассерженных родителей, и готов ответить на все интересующие вас вопросы, положи руку на Библию.

– Нет! – встрепенулась Роза Борисовна. – Мы тебя впервые видим, моя дочь должна подумать.

– Молодой человек, – отец Марии поднялся, – не ты один ее любишь, или я не прав, Мария? Многие просят ее руки. Скажи же, не молчи, Мария.

– Я должна подумать, Артур, хорошо. Ты мне нравишься. Ты же понимаешь и меня, и моих родителей.

– Так поспешно даже замороженных кур в гастрономе не покупают, – возмущалась мать.

– С корабля на бал, понимаете ли, – добавил отец.

– Папочка, успокойся, Артур горяч немножко, я подумаю, правда, – Мария нежно улыбнулась мне.

– Извините за такое нетерпение моего сердца. Конечно, Мария, как ты скажешь.

Она увела меня на кухню. Сначала поцеловала и потом еще раз попросила не огорчать ее родителей.

– Зачем тебе нужны мои фотографии, Артур? Я не готова к таким молниеносным поворотам. Да, ты мне очень понравился, но я не знаю тебя. Мне страшно даже подумать о замужестве. Не торопи меня, пожалуйста, хорошо?

– Я подожду, милая. Я подожду до конца месяца, а фото необходимо для загранпаспорта, вдруг ты согласишься полететь со мной на необитаемый остров.

– На необитаемый точно не хочу, дочка учится, и родителей не оставлю одних. Артур, кругом столько красивых незамужних женщин, может, и ты подумаешь, время есть, почти неделя.

– Мария, я всю жизнь так живу и, видишь, живой и здоровый. Ум для того, чтобы задачи решать, а жить надо, советуясь с сердцем. Ты никогда так не жила?

– Не знаю, где ум и сердце граничат, они у меня вроде и не расстаются.

– Счастливая.

– Не совсем. Год назад у меня мужа убили, – Мария прижалась ко мне и заплакала. – Я не хотела жить. И сейчас не хочу. Дочку жалко и родителей. – Она вздрагивала на моей груди, разрывая мне сердце.

– Кто убил?

– Их даже не посадили. Бандиты. Бандитов не осудят. Придумали какую-то самооборону, вроде мой Женечка был виноватым. Он даже не успел встать со своего кресла, они его кулаками, какой-то «Лось люберецкий» убил. Мы бы уехали, только папа не сможет без России, да и мама тоже.

– А ты, Мария, сможешь.

– Без родителей не смогу.

– Ты будешь к ним приезжать.

– Откуда приезжать?

– Из Австралии, к примеру.

– А что в Австралии?

– Она обитаемая страна, Мария, или из Лондона будешь приезжать.

– Откуда?

– Из Алабамы. Там прекрасные леса, как в Подмосковье. Мария, выбери страну, откуда ты согласна приезжать в Москву к родителям.

– Я не смогу без них. Мы по-другому воспитаны.

– Кто это мы, у тебя есть братья, сестры?

– Мы это мы. Ты лучше меня все знаешь.

– Может, просто ты не любишь меня, так бывает.

– Не знаю. Я не готова к переменам.

– Иногда перемены не спрашивают нас, и мы всегда к ним привыкаем. Потом эти перемены начинают нравиться нам, и мы уже не можем обходиться без них. Человек так создан, синдром привыкания, как наркотическая зависимость.

– Артур, ты куришь?

– Скоро начну.

– Это очень вредно. Поедем за дочкой в школу? Здесь рядом.

– Конечно, можем и на дневной сеанс в кино зайти, если дочка не против будет. У меня есть время. Лучше в цирк к Никулину, я там никогда не был.

– Снова шутишь, Артур, очень трудно отличить твои шутки от правды.

– Я всегда говорю правду. А ты, Мария?

Убедив стариков, что верну Марию в целостности и сохранности, я повез ее за дочерью в школу.

Майя оказалась на редкость печальным ребенком. Ее большие глаза с длинными ресницами смотрели в мир не по-детски серьезно и с сожалением. Она еле слышно поздоровалась с нами и вежливо попрощалась с учительницей.

– Майечка, это дядя Артур, познакомься.

Майечка даже руку не протянула, тихо подтвердив свое майское имя, она прижалась к матери.

– Дядя Артур приглашает нас в цирк, пойдем, доченька?

– Там пахнет, а слоненок в цирке?

– Наверное, разве он пойдет в такой холод гулять, простудится.

– Пойдем, Майечка, – я попытался взять ее за руку. Она спряталась за Марию.

Обычно дети сразу находят со мной общие интересы, но, вероятно, Майя была исключением из этого правила.

Вскоре мы оказались на Цветном бульваре. Народу, как и везде в Москве!

Люди, не переставая, передвигались слева направо и наоборот, на ходу поедая мороженое, пирожки и все, что продавалось в этом непрекращающемся потоке.

Печальные глаза Майи лишили меня покоя. Выкупив все нереализованные билеты в кассе, я стал раздавать их бесплатно детям.

– Что за акция, неужто МММ? – спрашивали удивленно родители.

– Сегодня день Никулина, улыбайтесь, и вы получите свой билетик!

Мария сначала опешила, но вскоре принялась помогать мне раздавать билеты.

Когда Майя попросила стопку билетов, стало гораздо теплее и мороз отступил. Глаза девочки засветились.

– Наконец мой день наступил! – Юрий Владимирович Никулин в своем клоунском костюме шел нам навстречу в окружении подчиненных, протягивая к нам руки и проливая свои, может, и настоящие, слезы. Сотрудники заботливо набросили на его плечи пальто, он рассердился и затопал огромными башмаками, что привело в восторг детей, и всем показалось, что началось представление.

Народ, не разобравшись, где жизнь, а где цирк, стал аплодировать.

Вместе со знаменитым клоуном мы раздали наши билеты и прошли в здание цирка. Юрий Владимирович любезно пригласил нас к себе в кабинет. Его уставшие глаза над чернеющими мешками были влажны, но веселы и довольны.

– Старого клоуна народ помнит, как приятно слушать искренние аплодисменты зрителей. Спасибо вашей семье за радость, доставленную детям.

Он обнял и поцеловал Майю.

– А слоненок дома? – спросила Майя.

– Где же ему еще быть с такими ценами на бензин, – сокрушался клоун. – Он непременно выйдет к тебе и покатает. Мы в большом долгу перед детьми, – обращаясь уже к нам, сожалел Никулин. – А ведь из них вырастают президенты. Антон, увековечь нас своим аппаратом, может, в последний раз я надел свои доспехи.

Фотограф со знанием дела расставлял нас вокруг клоуна, то и дело ослепляя вспышкой.

– Трудно, наверное, содержать такой большой коллектив артистов, их же страшно оставлять голодными, – поинтересовался я.

– Вы правы, и когда эта анархия закончится? Цирк вышел за пределы манежа, и от этого страдают в первую очередь люди. Политики отобрали наш хлеб, какой клоун сможет их переиграть? Выживем. Солдаты не сдаются.

Стало грустно, но вместе с тем невозможно было смотреть на Никулина и не улыбаться.

Майечке было даже весело. Я взял ее за руку, и мы, попрощавшись с постаревшим артистом, пошли занимать свои скромные места в этом захлестнувшим целое государство цирке.

Этот день зрители запомнят навсегда. Праздник состоялся, даже животные, почувствовав необычное вдохновение, витающее в цирке, с позволения своих учителей подались в массы, особенно смешные обезьяны. После вылазок на трибуны они возвращались с понравившимися им детьми и вовлекали их в игру на арене. Дети визжали от удовольствия и радости. Хлопали все.

В этот зимний день не было ни артистов, ни зрителей – был большой смешной и веселый коллектив людей и животных. За исключением одного недоразумения – хищники наотрез отказывались выходить на манеж.

Представление прошло без происшествий. Великий артист два раза выходил на манеж и жалобно просил вернуть ему кепку, подаренную мэром Москвы, но когда от смеха одной пожилой даме стало не совсем хорошо, он махнул рукой, достал из футляра большущий медицинский шприц и запустил на трибуну. Белые голуби разлетелись по залу.

Все работники цирка, все без исключения, даже билетерша, вышли на манеж поклониться детям.

Если бы слоненок, который с удовольствием здоровался хоботом с детьми и катал их на спине, поместился в мерседесе,

мы бы, конечно, забрали его домой Майечке. Он остался с родителями в цирке.

Фотограф Антон вручил мне готовые фотографии.

– Сам Владимирыч подписался, приходите еще, я побежал, не успеваю щелкать. Такого цирка давно у нас не было. Праздник.

Майя не отпускала мою руку. Мы шли к машине. Как часто мы сами упускаем свое счастье.

Зимние сумерки незаметно опутывали Москву полупрозрачным холодным воздухом, в котором просматривались редкие снежинки.

– Кто голодный? – поднимите руку, не успел я сказать, как Майя замахала рукой. – Извини, детка, сможешь потерпеть еще чуть-чуть, мы сейчас поедим к моему другу в гости. Заодно и поужинаем. Не каждый день меня сопровождают такие красивые дамы.

Несмотря на отговорки Марии, я заказал блюда по телефону, и мы поехали к Марлену Бахшиевичу.

Он нас ждал с накрытым по-карабахски столом. По мере того, как любезно официанты обхаживали Майю, она становилась все важнее и важнее, нисколько не смущаясь взрослых кавалеров, чувствовала себя принцессой, избранной богом.

Оставив своих дам на попечение ресторатора, я вышел заняться своей «музыкой».

– Радик, мне завтра нужны депутатские ксивы, желательно либеральные. Еще срочно нужна статья в «Московском комсомольце» о Цирке на Цветном, статья и фотографии уже готовы, ждут набора на первой странице.

Радик обрадовался моему звонку, пообещав перезвонить минут через двадцать.

– Не убирай далеко телефон, – попросил старик, – до премьеры легче дозвониться, чем до твоего дома творчества, композитор.

Не успел я вернуться к столу, как зазвенел телефон.

– Запоминай, племянник, в 10.00 тебя ждет Муссолини, отец русских либералов. Ксивы у него и получишь. Там же свиха с

комсомолкой. Работать надо. Когда увидимся, дорогой, совсем меня забыл, или опять к Вальке нырнешь отстреляться? Твое дело молодое. Но и аксакалов не забывай.

Пообещав, что глубоко нырять не буду, я связался с Кареном уже по другой связи.

– Ребята твои благополучно приземлились и с нетерпением ждут встречи. Приезжай в наш гостевой дом, адрес на последней странице карты. Я тоже постараюсь приехать.

Как слаженно работают москвичи, мне тоже придется не ударить лицом в грязь.

Ужин прошел в праздничной обстановке, и мы решили честь свою знать.

Бахшиевичу на хранение я оставил пару пачек зеленой макулатуры и предупредил:

– Вдруг Марии понадобятся. Она наш человек.

Марии же дал один из телефонов, предупредив, что я сам позвоню ей. Обратная связь только сообщениями исключительно. Пожарная.

– Так надо, потом объясню, Мария, Бахшиевич в любой момент готов помочь по любому вопросу, не стесняйся.

– Опять шпионаж, Артур, мне страшно, за тебя тоже.

– Зато попьем шампанского.

– Нельзя просто воду пить, не оглядываясь и так не рискуя?

– Это в последний раз, любимая. Обещаю. Честно-пречестно.

Наши взгляды встретились. В глазах Марии я увидел горящие свечи. И этот свет становился все ярче и ярче, превращаясь в огромное пламя, которое, не обжигая, охватило мою душу.

Обрушившаяся пустота лишила меня силы и воли. Я не мог отвести глаз. Молчание звенело глухим колокольным звоном, от которого хотелось бежать. Между ударами колокола кричала, сгорая от стыда, моя измученная душа. Прости, Мария, прости, прости, прости, я тебе изменил.

Пустота разрывала мое тело на куски, и они сгорали в тихом пламени женских глаз.

– Артур, Артур, что с тобой, ты весь горишь! – целовала меня Мария. – Не молчи, пожалуйста.

Я готов был упасть на колени и просить прощения, а, возможно, это уже произошло, не знаю.

Через мгновение моя душа снова резвилась в молодом здоровом теле, как ни в чем не бывало.

– Мария, я люблю тебя, и пока ты хоть чуть-чуть будешь любить меня, со мной ничего не случится.

Мы ехали по вечерней Москве, в свете фар кружились снежинки, они не хотели падать на чернеющую слякоть дороги. Я крепко сжимал нежную руку Марии. Майя, после долгого раздумья, тоже протянула нам свою крохотную ладонь.

Мне не хотелось расставаться с Марией, но время торопило. Мы стареем в такие минуты.

Поцеловав Майю в лобик и прикоснувшись рукой к Марии, я поспешил уйти.

– Артур, ты вернешься?

– Я позвоню тебе, Мария, в субботу вечером, не скучай.

– Дядя Артур, спасибо за слоненка, когда вы к нам приедете?

Еще раз поцеловав Майечку, я обещал покатасть ее на лошадях и, чтобы не продлевать мучения, быстро спустился по лестнице.

Глава 16

Поскользнув по центру Москвы, я остановился у гостевого дома посольства. Дежурный выбежал встречать меня, и в нем я узнал своего соседа по Степанакерту.

– Гарринча, и ты здесь!

Мы обнялись.

– Как быстро ты вырос! Уже колючий!

– Растем, дядя Артур, сегодня не успел побриться. Я встретил ребят, пойдете, обрадуем их.

Тихонько приоткрыв дверь, я крикнул:

– Всем оставаться на своих местах! – но не тут-то было. Они повисли на мне, как игрушки на новогодней елке.

– Безбородые обманщики! Как вы смешно выглядите в костюмах!

– А ты на кого похож? В зеркало смотрел?

– Не облизывайте, что это с вами? Ориентацию поменяли?

– Еще не успели даже выпить! Гарринча, «компот» открывай!

Альберт – лучший левый крайний нашей дворовой футбольной команды, названный Гарринчей за свою косолапость, вытащил из-под кровати трехлитровый баллон с золотистой жидкостью, в которой плавало несколько райских яблочек.

– Ребят, мы банками не договаривались, запах пьянит.

– Сколько в ней градусов, Рашид, твоя работа?

– Тряс дерево Максим, – Рашид поднял банку и, разливая по стаканам, рассказывал. – И ел, и тряс, больше ел. Лоботряс.

– Вы, парашютисты, я, блин, рискуя жизнью, весь сад по веткам облазил с этой неподъемной битой, – разволновался Максим, – а вы еще претензии предъявляете? Не нравится, не пейте. Голос тогда потерял. Я говорю им вправо, а они влево брезент по земле волокут. Армен книгу какую-то тогда читал с картинками, сверху не разглядел, он вообще не двигался. Один Гена старался, молча, не как некоторые. В следующий раз битую уроню на твою рыжую голову, Рашид.

– Ты лучше скажи, сколько градусов в твоей водке? – спросил я.

– «Смерть фашизму», по запаху узнаю, – довольно произнес Армен.

Рашид рассматривал прозрачные «ожерелья», которые пускала тутовка по краям налитых стаканов, как произведение искусства.

– Пузырьки не проходят – больше 70. Сколько раз мы его прогнали, Гена, помнишь?

– До третьего раза помню. Помню, как лошадей от бочки отгонял. Рамку меда кто-то принес, помню. Дальше ничего не помню.

– Танец с саблями на лошади не помнишь?
 – Давай лучше тост послушаем. Вспомнил, тоже мне, танец.
 Альберт наконец все пакеты развернул и разложил закуску на столе.
 – Артур, время не тяни, мы слушаем.
 – Говори, водка испаряется.
 Стало тихо.
 – Что говорить. Молча выпьем. За ребят. Пусть наша земля будет им пухом, – голос мой задрожал. Мне хотелось завыть, громко-громко. Заев водку домашним сыром и зеленью, я встал из-за стола, чтобы скрыть слезы.
 – Я скоро.
 Слезы душили меня. В соседней комнате я ничком упал на запроленную постель. Все мои руки были в слезах. Не заметил, как ребята обступили кровать.
 – Брат, – Максим положил руку мне на голову, – успокойся, не на похоронах.
 – Пусть поплачет, – строго сказал Арсен. – Поплачь, Артур, легче станет.
 – Кому станет легче? – сквозь слезы спросил я.
 – Нам, Артур, нам, – заговорили ребята.
 – Никогда не видел, как Артур плачет, – тихо сказал Рашид.
 – И не увидите больше.
 Я обнял каждого.
 – Жизнь продолжается.
 – И без нас она тоже продолжится, Артур, вернемся к столу.
 Я остался с ребятами до утра. Мы были вместе – пять друзей из нашего темно-зеленого детства.

Глава 17

Родина жила своей замкнутой жизнью и с миром общалась благодаря Аэрофлоту. Война притихла, но и конца ее никто не предвидел.

Армия медленно разлагалась под «мудрым» руководством новоявленных, далеких от военного искусства, генералов.

Люди, не принявшие с самого начала нашу революцию, помогавшие старому гнилому руководству сохранить диктатуру Баку, оказались первыми у дверей освободившихся кабинетов власти.

Чтобы избежать гражданской войны, интеллигенция позволила себе заткнуться, а самые непримиримые покидали Родину, оставив там свежие могилы друзей.

На войне нет ничего закономернее случайностей – дура не должна иметь скорость и крепость пули. Результаты этой совокупности трагичны. След потерь, не заживая, кроит на части душу, иногда расплываясь слезами.

Мне не спалось, наверное, недостаточно выпил? Ребята сладко похрапывали, улыбаясь своим цветным снам. Сдвинув кровати, мы улеглись все вместе в одно общее ложе. Так иногда мы делали и в студенческом общежитии Ереванского Политехнического института, где собирались на мальчишники. Пять друзей обычно умещались на трех узеньких кроватях.

Мы знали, где у кого какая родинка, кто как пахнет и, извините, пукает.

Секреты были общие, и мы могли доверить друг другу жизни. Разлучить нас могла только смерть.

Максим, Армен, Гена, Рашид, если вам станет легче, я буду плакать. Всю жизнь.

Накинув на себя кое-какую одежду, я вышел из номера в надежде, что Альберт даст попользоваться посольским компьютером, мне не хотелось будить Армена. Этот погромщик, так его прозвали за взломы системных защит интернетовских сайтов, должен был приехать во всеоружии.

Мой сосед дремал, уютно расположившись в широком кожаном кресле, в небольшом, отгороженном от коридора закутке. Пока я шел к нему, он открыл глаза:

– Который час, Артур, не спится? – и, посмотрев на часы, заявил: – Мангал звонил, скоро заявится. Почему Ереванский всегда ночью прилетает? – возмутился он.

– Григорий, что ли? Чего ему там не хватает? – вслух подумал я.

В дверь поскреблись.

– О собаке вспомнишь, не забудь о палке, – проворчав, как старик, Альберт пошел открывать дверь.

Я не успел провалиться под землю, так не хотелось утро делить с Мангалом. А он, увидев меня, передал свою поклажу Альберту и поспешил ко мне обниматься. Я протянул ему свои запястья:

– Поздно, начальник, я гражданин России.

– Кто прошлое помянет, тому вонь.

– Даже и не скажешь, что тебя, Мангал, заказали.

– Кто? – он повернулся к Альберту. – Ты иди-иди, мы поговорим с Артуром. Нет, подожди, Артур, зайдем ко мне в номер.

– В номер проститутку приглашают.

– Опять эти шутки? – состроил он Альберту глазки, и тот испарился, подчиняясь милицейскому министру.

– Меня заказали? Кто?

– Такие же, как ты, а может, и хуже. Живи, Мангалов.

– Где ты идеальных найдешь, Артур, опустишь на землю. Их нет.

– Хочешь их увидеть сейчас, здесь? Пошли. Только тихо, спят они, герои.

– Кстати, этим героям я лично документы готовил. Спроси у Карена.

– Все меняется. У меня тоже были, возможно, ошибки. У кого их нет.

– А я подозреваю, кто мог меня тебе заказать. Суки. Я им яйца оторву и зажарю. Выходит, я твой должник, Артур.

– Живи, Мангалов, у тебя хороший пацан растет, я его учил держаться в седле.

– Он тоже от тебя в восторге.

– Я пойду, найду Альберта. Рассветает.

– Я в долгу не останусь, слово министра, Артур.

– Давай, министр, пока, радуйся жизни. Увидимся.

Мне действительно предлагали генеральскую форму взамен одного точного выстрела в голову этого хамелеона. Неужели я похож на мясника? Нет? Почему тогда все настойчиво лезут с аналогичными предложениями? Не стану же я киллером только из-за того, что метко стреляю.

Гриша-мангал, видно, здорово ковырнул раны моей души, я без черновика справился со статьей для Комсомолки и вернулся к ребятам.

– Ну что, пьяницы, готовы к авантюрам?

Ребята с серьезными лицами придвинули стулья.

– Пьянству бой, мы сами, Артур, решили, что после встречи бухать не будем, – за всех отчитался Максим.

– Я клятвы не давал и оставляю за собой право побаловаться пивом в свободное от авантур время, – попытался отшутиться Рашид, но после воцарившейся паузы успокоил: – как скажете, мушкетеры. В бой так в бой.

– Артур, можешь говорить, в районе слышимости пауков нет, – Армен разложил на столе какой-то прибор. – На всякий случай.

– Машину потом тоже прощупаешь.

Армен кивнул головой.

– У меня час времени, прошу не перебивать, выслушайте до конца. Участие добровольное.

– Не томи, наш ответ ты знаешь, – Гена со своим бакинским акцентом наконец открыл рот.

– Мелодия простая, слушайте.

Я подробно, по пунктам изложил ребятам схему сделки и определил задачи.

– Теперь можно говорить, Рашид, с тебя и начнем.

– Государство не помешает, сумма неприличная, во сне не приснится столько.

– Утечка информации никому не выгодна – ни волкам, ни баранам.

– А пастухам? Пастухи обратились к бандитам, они государству не доверяют. – Рашид почесал затылок:

– Выходит, мы на строительные работы приехали?

– На строительные тоже. Все может быть. Вполне допустим короткий бой. Такой сценарий мы отработаем позже. Армен, твое слово.

– Я пойду машину проверю, определись с местом и дай мне строительный план здания, – Армен взял саквояж и пошел работать.

– Максим, что скажешь?

– На местности и скажу, чтобы бой длинным не был.

– Я лишен прав, – признался нехотя Гена.

– Как, ты же ездешь на своей!?

– Дома кто остановит? В Ереване забрали, уже второй месяц.

– Вопрос решаем. Мангал-Гриша здесь, – успокоил я Гену.

– Надо было сразу сказать.

– Война продолжается, прошу не забывать. Пойду, искупаюсь. Сегодня Карен поможет вам купить две «нивы», и вы переедете на квартиру. Деревня, изучайте карту Москвы, чтобы не спутать Домодедово с Медведковым.

Не успел я закрыть в ванной дверь, как ко мне уже врывается вся эта самая «деревенщина».

Приняв душ, я вышел из ванной с поднятыми вверх руками:

– Сдаюсь, пацаны.

Они встревоженно придвинули мне кресло.

– Что случилось?

– Сядь.

– Некогда мне садиться, Армен, наверно, пластику в машине нашел и пару жучков?

– Тебя в любую минуту могли взорвать, все фирменное и сработало бы на телефонный звонок, я отключил его, – Армен раздвинул и прижал друг к другу средний и указательный пальцы.

– Так, во-первых, любое чикание ножницами может сорвать операцию, Армен, прошу, верни концы на место, – я, отводя глаза в сторону, покачал головой. – Здесь не совсем война, как вам объяснить, просто минное поле, и мы должны его

перейти – все. Во-вторых, до часа икс самодеятельность опасна. У вас будет возможность самим принимать решения. Такие вот узкие рамки, прошу меня правильно понять.

В дверь постучались, Альберт принес завтрак. За ним шел Мангал с огромной бутылкой и по-домашнему приготовленной курицей, сияя, как новая десятикопеечная монета, встал в дверях.

– Генофонду Карабаха от министерства внутренних дел! – не дождавшись аплодисментов, он поставил свои дары рядом с завтраком Альберта и отлил себе водки. – Я поеду. Выпью 50 грамм за то, чтобы мы жили и здорововали, а турки подошли.

– Заткнись по-хорошему, – я прижал ладонью к столу сжимающийся кулак Рашида. – Давай. Возьми свои взятки с собой, без нас выпьешь. – И почти вытолкал Мангала из комнаты.

Ребята без меня справились с Рашидом.

– Сам же им жопу лизал, тупой шампур, сейчас героем стал, – Рашид не мог успокоиться. Отец Рашида – азербайджанец, золотым человеком был, перед самой войной умер. Мы его хоронили на азербайджанском кладбище по мусульманским обычаям. Вернее, родственники хоронили, а мы участвовали в похоронах.

Он долго болел, и мы навещали его в больнице, приносили его любимые папиросы и тоже курили с ним. В то время уже в Сумгаите резали мирное армянское население.

Рашид с нами рос, мы никогда, даже во время войны, не оскорбляли его нацию. Воевал с нами не азербайджанский народ, а обманутая богачами обкурившаяся шпана, не считая, конечно, отдельных фанатиков. Только эти «фатики» и воевали достойно и умирали, можно сказать, героями, правда, за что они боролись – вопрос.

Я уже опаздывал, пришлось с мокрой головой покидать накалившуюся жаром Мангала атмосферу.

Армен любезно разогрел мерседес до снегоподтеков, а также научил отключать адскую машину, заложенную по мою душу.

– Они включают сначала противоугонную сигнализацию, Артур, не забудь вовремя соскочить. Больше пятнадцати секунд

пауза невозможна. Береги себя, ты нам живым нужен. Кто о нас напишет, если не ты, Конан Дойл.

Я обнял его.

– Очки не раздави, давай в машину, голову простудишь до геморроя, – он затолкал меня в салон и захлопнул дверь.

– Поехали, – я почему-то вспомнил Гагарина. И тебя, Юра, мы не сберегли. В России уже новые «герои» – бандиты с Подберезовиками и Боровыми строят Боровики. Эх, Россея-Россея, непросеянная сторона.

Глава 18

Муссолини встретил меня с выпяченной губой. Правда, вместо лысины на голове были уложены рыжие волосы.

– Ну, что, нацмэн, что у тебя для нашей партии? Выкладывай.

До него в прихожей меня, как пленного, обыскал огромный либерал в форме украинского полица. Когда он задержал свою руку у меня в паху, я ему посоветовал:

– Тронул, играй. Что за правила у партийных боссов обыскивать гостей. Куда выложить все, их ваша охрана недоласкала, – я впервые увидел растерянные глаза великого артиста.

– Здесь шучу только я, – он убрал свою губу назад и жестом пригласил меня сесть. – Моим помощником будешь.

Я протянул ему статью и фотокарточки.

Надо отдать должное его таланту, он лишь взглянул на статью и сразу поднял глаза:

– В десятку попал, я тоже метко стреляю, – и громко приказал: – Заводите комсомольку. – Вошла типичная журналистка, длинноногая голубоглазая блондинка на шпильках. – На ваши вопросы я уже ответил. Познакомьтесь, мой помощник Артур Александрович, непосредственно отвечавший за это партийное мероприятие. – Он передал ей весь материал и погрозил пальцем. – Чтобы на первой странице, и мою фамилию выделите жирным шрифтом.

Она закивала головой и забросила обнаженную до невозможности ногу на ногу. В ее глубоком декольте были видны края далеко не девичьих башен...

После окончания переговоров я позвонил Радику. Он обрадовался моему звонку как ребенок. Спрашивал и переспрашивал о мелочах, и, довольный результатами переговоров, повторил неоднократно:

– Умница, умница, все не доедешь до старика. Настоящий депутат – не отвечаешь за свои обещания.

Мы мирно разошлись. Я поехал на Пятницкую к Бокке. Встреча была плодотворной. Складское помещение, которое удовлетворяло моим запросам, он нашел сразу.

– Зачем тебе этот лабиринт, Артур, там Камазу с прицепом не развернуться. Не пойму тебя, за такие бабки я тебе в два раза больше помещение сниму.

– А ты раздался вширь, Боря, теперь я точно тебя догоню.

Он посмотрел на мою машину и печально произнес:

– Уже, считай, обогнал.

В многочисленных магазинах работали все его карабахские соседи и родственники. В одном из магазинов мы успели даже перекусить долмой в виноградных листьях.

– На Родину не тянет, Боря?

– Тянет на три дня, воды с нашего родника попою и обратно запрягаться. Эту ораву кормить надо. Цены сам знаешь. А ты действительно макулатурой решил заняться, Артур? Может, и пойдет, не знаю. Риск большой. Бумага горит, не забывай. Я всегда рядом, заходи. Таня хлебулочная вчера звонила. Счастливый ты, холостой.

– И в тюрьме можно сохранить чувство свободы.

– Хранить чувства можно, а звук от цепей куда деть. Зайди к ней, к Таньке, завидую я тебе, брат, честно скажу. Ты знаешь, какие колючки я прошел в Москве, чтобы с тобой сегодня так крепко стоять на Пятницкой. Скажу, не поверишь. Врагу не пожелаю. Все вроде есть. Все, что хочешь. Только счастье между всем этим затерялось.

– Боря, давай на спор побежим, вон до того дерева, кто проигрывает – рыбалку организует.

– Говорю тебе, зайди к Тане и рыбалки не надо будет.

– Ты бежишь или нет?

– Давай.

Он сорвался с места, но я его легко догнал и, не обгоняя, бежал до конца с ним рядом.

Он, еле отдышавшись, проговорил:

– Приходи через месяц, посмотрим, кто кого.

– Кто? Кого? Никому никого не надо, живи и радуйся жизни, кто тебе мешает. Пригласи меня на рыбалку, пардон, на охоту, можно на лыжах в лес, или никого не надо приглашать, можно с женой и детьми. Термос с бутербродами. Рюкзаки.

Он посмотрел на меня, приложил руку к моему лбу и попрощался:

– С бумагами ты прогоришь, охотник. Пушниной займись, или психбольницу открой. В Москве больных до хера. Еще прибывают. Мне надо выручки снимать. Не пропадай, хоть спортом займемся вместе. – Он погладил свое выпирающее пузо, сел в новенькую «волгу» и поехал считать деньги. Я же почему-то вспомнил норковую шапку Лося.

А ведь Борис Михайлович прав. Этой пушниной надо будет заняться. С большим удовольствием прострелил бы его папаху. Папаху, что за слово, как оно возникло? Интересно. Папаху. Анна, наверное, знает? Я позвонил Капутикян.

– Анечка, у тебя уши не горят, все о тебе думаю. Моя первая любовь, классная...

Не дав пропеть, она ввела меня в курс будущей нашей встречи с главным банкиром аграрников – Гонщикковым.

– Эх, прокатим мы его, Анечка, по нашим формулам.

Она опять перебила меня, требуя заранее подготовить вопросы.

– Капутикян без грамма романтики, пиши вопрос номер один.

Она запротестовала.

– Хорошо, оставляю Карену, сегодня. И ответы напишу. В журналисты податься, что ли? Вот завершу строительство и такую вам конкуренцию устрою, пожалеете.

За неделю ребятам предстояло перепланировать офисы в складских помещениях, а также соединить проходами подвалы здания и сделать пару выходов из них на соседнюю улицу.

Глава 19

Мой подпольный телефон был полон сообщениями одинакового содержания: «Позвони».

Лучше бы я Марии не звонил, она окончательно и бесповоротно приняла решение остаться с родителями в Москве, хотя и призналась мне в своей любви.

Мать божья, Мария, я тоже тебя люблю, но в столице нам нельзя будет жить. Может быть, мы недостаточно любим друг друга и от этого находят причины для разлуки?

Я стоял на Пятницкой и впервые не знал, что мне делать, как жить дальше. Снег накрыл машину приличным слоем и продолжал падать крупными хлопьями.

– Артур, что с вами? – Таня с ароматом хлеба и Шанели вернула меня к жизни. – Уже больше часа вы здесь стоите, я видела, как Борис отъехал, а вы так и застыли с телефоном в руках.

Она осторожно высвободила телефон из моих рук и опустила в карман моего пальто.

– Пойдемте, Артур, вы так можете простудиться.

Мы пересекли Пятницкую, она тащила меня за собой, взяв за руку, и я послушно шел следом за ней.

Коньяк обжигал горло, застрял там. Мне хотелось умереть. Бедная Танечка. Еще один жених оказался памятником.

Постепенно люди и предметы вокруг меня возвращали свои очертания и звуки.

– Поживите еще, куда торопиться?

Неужели я говорил вслух?

– Танечка, милая, конечно, поживу, тем более, мне надо сейчас позвонить.

– Знаю, и ваш телефон не работает. Звоните нашим. Я скоро.

Одни женщины нас пристреливают, другие промывают раны и возвращают к жизни.

Парно-порочный круг.

Сообщив ребятам адрес, я пожелал незамедлительно начать разрушения на складе по чертежам, сделанным мною. Я поцеловал на прощание свою спасительницу в щечку и поехал в наш переулок – Армянский.

Всей Армении выделили непроходимый переулок, а городу Баку – целое шоссе с трамвайными и троллейбусными развязками. Да здравствует советское правительство Москвы – самое справедливое и честное в мире.

На ком еще сорвать свое мерзкое настроение? Я позвонил Доктору.

– Радик, мне нужна помощь. А то взвалили, как на ишака беспородного, все проблемы и молча отошли в сторону. Артур и депутат, и журналист, и банкир, и композитор, теперь еще и телефонисткой должен стать?

Радик на другом конце провода чуть концы не отдал.

– Мне нужны два оператора, чтобы смогли четко и профессионально развести этих лохов по телефону.

– Молодец! – Доктор сразу догнал мою мысль. – Артурчик, дорогой, устал, понимаю, не паникуй. Есть у меня такие кикелки. Лучше натуральных банковских операторов в ценных ксивах кумекают. Они у меня на подсосе, хоть сейчас звякни, обчирикают. Со мной по лотерейным делам проходили и чистоганом вышли. Моя гвардия. Приезжай. Отдохнешь. И Валюша тебя не дождется. Где ты засыпался, дорогой? Потихоньку на старика наезжаешь?

– Извини, Радик, устал, наверное, и голодный. Гвардию подтяни к себе, на следующей неделе будут пробы. Извини, молодежь, за наезд. Воздух отравленный здесь, не могу до конца вдохнуть.

– Артурчик, после концерта хоть к тете Клаве в Карловы Вары. Вместе поедем. Дыши не хочу. Билеты проданы, никуда не денешься. Публика ждет.

Пробравшись через пыльные и узкие преграды, я оказался снова у Эдика в котельной. Его гостеприимство не имело границ. На этот раз он приготовил блюда исключительно из зелени.

– Если так будет продолжаться, за тебя «Гринпис» возьмется, Эдик, откуда столько насаждений на твоей скатерти?

Пурпурно-красное вино в двух грубо-граненых полупрозрачных кувшинах отражало отблески пламени, вырывающегося из котлов. Котельная напоминала залитые человеческой кровью подвалы инквизиции. Остро наточенный топорик и пара огромных ножей у небольшого верстака с тисками завершали эту мрачную картину средневековья.

– Для тебя старался, «москвич», – Эдик, многозначительно стряхивая пыль с моего снятого пальто, смотрел умоляюще мне в глаза. – Оружие прибыло сегодня, оно в надежном месте. Артур, брат, дай мне тоже пострелять. – Говорил он тихо, дрожащим голосом. – Ты меня знаешь, я не подведу.

– Спасибо, Эдик, первая хорошая новость за целый день. Я подумаю о тебе и дам знать. Шкурки мне не испортишь? Охотник.

– Обижаешь, Артур, ни один волос не пострадает.

– Парикмахерскую открываешь, Эдик? – в котельную вошли Карен с Мангалом и уселись за стол. На Мангале лица не было, вернее, оно горело сизым пламенем.

Эдик, не ответив на вопрос, обиженно удалился. Возникла небольшая пауза, в течение которой Мангал прятал свои глаза под столом.

– Артур, Григорий Исакитович перед Рашидом извинился за «турка», вроде тот простил, так что ты зла не держи.

– А кто извинится перед тем молодым капитаном, которого ты уволил из «Смольного» в первые дни нашей революции? Один человеком из вас оказался, встал в строй со своим народом, или вы не народная милиция?

– Артур, Григорий Исакиевич распорядился выдать Гене водительское удостоверение, – Карен пытался облегчить участь министра.

– Нет, пусть Мангал ответит, за что он уволил коменданта «Смольного»? А ведь я от него тогда давал телеграмму, что милиции пришло время доказать, что она у нас народная, а потому должна быть вместе с народом, я просил прислать дополнительные силы и средства, чтобы не допустить беспорядков. Или ты не получал этой телеграммы, я с уведомлением отправлял. Министр-генерал, я помню, как ты на второй день восстания страшил нас всех арестом и долгим сроком.

– Где сейчас этот твой капитан-комендант, я его восстановлю, – наконец обрел дар речи Мангал.

– Уехал, чтобы ваши красные морды не видеть и не стрелять в них.

– Артур, стоп, – Карен встал между нами. – Мангал документы сам ребятам сделал. Помог оружие перекинуть через границы. Да, у него были ошибки. Многие тогда на ура революцию не приняли. Даже Роберт.

– На то он и президент, чтобы ванькой-встанькой не качаться из стороны в сторону. Его устойчивости радоваться надо. Посмотри, наши соседи со своими чувствительными президентами сколько дров наломали об головы своего народа. И продолжают ломать. А этот же палки нам вставлял, куда только можно было вставить. Или я не прав? Подумаешь, паспорта дал ребятам. А сколько таких паспортов, выданных за бабки, гуляет по свету? Страус, – я зло посмотрел на Мангала, – жопа-то грязная... Карен-джан, я не Бог всем прощать, но если ты его простил, пусть живет. Слесарю слесарево.

Я налил себе «крови» и выпил, утолив жажду мести.

Глава 20

Хорошее вино разбавляет желчь и делает человека добрее. Я успокоился, хотя во мне злость тихо продолжала кипеть, и

все же, выпив мировую с Мангалом, я оставил Карену вопросы и ответы для управляющего Агропромбанка, накинул с помощью Эдика на плечи пальто и направился к выходу. Но осмелевший от вина генерал попросил меня задержаться.

– Артур, хочу тебе признаться, да, ты прав, я очень часто поступаю не по совести. Иду против закона. Даже, может, чаще, чем хотелось бы.

– Гриша, не хочу снова возвращаться в эту грязь.

– Нет, послушай до конца, я же не перебивал. Я намного старше тебя и прошу учитывать хотя бы это. Вот, представь себе, перед тобой сидит, скажем, твой школьный учитель, притом любимый учитель, и просит тебя не наказывать его провинившегося сына. С одной стороны закон, с другой – твой учитель. Ты разве не постарайся помочь учителю?

– Мои учителя за дураков не просят.

– Хорошо, твой сосед, скажем, таксист Валерик, просит за брата своего, ты пойдешь соседу хоть чуть-чуть навстречу против закона?

– Чуть-чуть пойду.

– Вот, а если жена тебя попросит?

– Слава богу, не женат.

– Вот, а я женат, у меня дети, соседи, друзья, теща даже, начальников имею. Эта подлая жизнь заставляет иногда.

– Но не так же опускаться.

– Ты прав, иногда незаметно и опускаешься до неприличия. Жизнь.

– Артур, ты думаешь, сам Христос, будучи женатым, смог бы остаться святым? – Карен, так, между прочим, встал на сторону Мангала.

– Я понял вас, мы все святые без жен. И все грехи идут от женщин. Интересно.

– Вспомни эпизод с яблоком? – Мангал с удовольствием шил дело на первую женщину. – Вспомни, Артур, что об этом говорится в Библии.

– Здорово подготовились, ничего не скажешь, – я махнул на них рукой и вышел на обжигающий щеки московский мороз.

Я не хотел и не мог понять этой теории – презумпции вины женского пола. Маменька милая, несказанный свет мой и единственный Бог, я с ними никогда не соглашусь.

Пока я приходил в себя, Эдик принес забытый мною шарф.

– Не бери в голову, Артур, неделю назад братишка Карена обручился с дочкой Мангала.

Я даже спасибо не сказал ему. Скорее бы этот день закончился.

– Эдик, дорогой, передай мои извинения и запоздалое спасибо. Поздравь обоих. Когда свадьба?

– Весной, брат, дай Бог, вместе погуляем.

– Дай Бог.

– Не забудь о моей просьбе,

– Ладно, готовься, стрелок альпийский.

– Шума не будет, осечек тоже, обещаю.

– Спасибо за ужин, Эдик, до свидания

– Буду ждать с нетерпением. Пока.

Вечером Москва еще красивее. Я ехал куда глаза глядят, но почему-то машину несло по кругу, я это понял после того, как в третий раз проехался по Тверской.

Особи женского пола, желая подтвердить теорию Мангала, мило улыбаясь, предлагали свои услуги. От их вульгарности становилось не по себе. Мария, Мария, так хотелось без крови. Неужели мой удел – проститутки?

Зло, переборов доброе вино Эдика, стало заполнять мое тело. Душе стало невыносимо больно и обидно за меня. Она не находила себе места. Я решил выкурить ее сигаретным дымом. Притормозив у палатки, купил сигареты и зажигалку.

«Девочки» с блестящими сумками стаей обступили машину. Одна из них поднесла мне огонь. Я прикурил и затянулся до головокружения. Душа покидала меня с ужасом, но не сопротивлялась.

– Купи меня, папенька, – она сделала паузу, предоставив едкому дыму заполнить всю мою освободившуюся полость. – Я такая беззащитная. – Она опустила свои томные, окруженные

теньями глаза и даже чуть всхлипнула. – Я буду послушной и ласковой Шахерезадой.

– Ларка, тебе немой батон попался! – в бой вступила «легкая» артиллерия, в виде круглолицей синеволосой ночной бабочки, выпирающей из короткого кожаного плаща.

Зазвонил телефон, и мне пришлось заговорить.

– Да здоров я, Бока, как бык, не верит Фома.

– Что за Фома там, Артур, – Бока перешел на карабахский язык, в котором русских слов гораздо больше, чем армянских. Любят карабахцы Россию, ничего не подделаешь, и любовь эту не подделаешь. – Лыжин аралынк, рюкзаки выбирать тынк аным. – Вот вам пример настоящего карабахского языка.

Бока мне сообщил, что лыжи купили, а рюкзаки выбирают. Даже переводить не надо, и в Рязани поймут.

– Артур, когда я предложил своим поехать на лыжню с рюкзаками, моя впервые за последние несколько лет поцеловала меня. У тебя и макулатура пойдет. Я уверен... Да, да, Светочка, и детям обязательно купи, пусть привыкают. – Это он своей целомудренной жене советовал купить детям походные рюкзаки. – Позвони в булочную, там тебя ждут. – Бока постарался обойтись без русских слов. Он на булках прокололся. В карабахском языке без булочки не обойтись. – В моих владениях иногда появляйся, присмотри там, я к Новому году вернусь.

– Не беспокойся, получишь удовольствие.

– Я уже получаю. Где ты раньше пропадал, волшебник.

– Эй, хачик, давай, телись или убери машину, – круглолицая недовольно постучала по капоту. Я убрал телефон и вежливо поздоровался.

– Так разве леди разговаривают с джентльменом? Я беру вас всех. Кто не будет улыбаться, прошу выйти из строя. Пять минут на сборы. – Напротив, в затемненной «ауди» плавно опустились дверные стекла. Смотрящие за девочками пытались подслушать разговор. Я вытянул руку и указательный палец направил в сторону их машины, сделав вид, что стреляю. – Время пошло.

Девочки притихли. Из «ауди» вышел парень и направился ко мне.

– Братан, какие проблемы с нашими девочками? – и грубо обратившись к круглолицей, приказал ей: – В машине подожди.

– Слышал, Фома откинулся, забираю твоих красавиц, утром верну тебе то, что от них останется, – я рассмеялся и не мог успокоиться. Сумасшедший смех содрогал мое пустое тело. Когда я успокоился, девиц и смотрящих уже не было. Милицейский патруль с визгливой мигалкой остановился перед моим мерсом, преграждая путь.

– Почему так поздно приехали? Уже двадцать минут жду вас, – я сунул им под нос мою кожаную красную книжку с гербом.

– Извините, товарищ депутат, гололед. Что случилось?

– А вы не знаете? В самом сердце России какие-то уродки весь ландшафт портят. В Дзезказгане и то симпатичнее. А тут Москва. Столица, понимаете. Разберитесь. Кадры решают все. Я проверю. Продолжайте маршрут.

– Служим Советскому Союзу, – патруль из двух московских милиционеров поехал дальше выполнять свой «долг».

Глава 21

Когда печаль и тоска, схлестнувшись с нервами, рассыпаются брызгами, одно спасение – физический труд. Чем тяжелее труд, тем лучше.

«Булочке» я, конечно, позвонил.

– Танечка-булочка, извините больного, даже спасибо вам не сказал, прощаясь. Если бы не ваше вмешательство, одним памятником в Москве стало бы больше.

– Памятники, Артур, украшают наш город, а спасибо вы сказали.

– Спасибо еще раз, и за Церетели тоже. На мой памятник он бы здорово обиделся.

– Вам он нравится?

– Давайте об искусстве ночью поговорим... Если вы, конечно, пригласите.

Записав ее адрес, я приобрел в палатках спецодежду и поехал разрушать неправильно построенный склад.

Ребята там уже поковырялись – кругом валялась арматура, кирпичи и куски застывшего раствора.

Надышавшись потом и пылью, измозолив себе руки, я заказал по телефону у Марлена графин вина и ужин.

Приятно чувствовать натруженные мышцы.

– Бригадиры, я выбрал этот склад только ради душевых. Напор воды здесь, как в нашем Каркарском водопаде – с ног сбивает.

Горячая вода мигом сняла напряжение с уставшего тела.

Привезли ужин и букет цветов.

– Неужели Марлен Бахшиевич и свечи прислал?

Я убрал со стола букет, чтобы его с зеленью ненароком не съела моя бригада. Нечестная все-таки жизнь, ночью кому-то достаются грязные простыни, а кому-то белоснежное тело.

Проводив друзей, я поехал к Тане.

Зимой в Москве приятнее ездить ночью. Народу на проезжей части мало, и люди не спешат, как днем. Скорости машин совсем другие – спортивные. Чем ближе я подъезжал к Булочке, тем черствее становилась во мне душа.

Мне было так плохо, что хотелось сделать еще хуже. Оттуда, из язычества, видно, остался во мне этот инстинкт. Самоистязание или самобичевание доставляло мне удовольствие.

Я походил на пьяницу, который с удовольствием вливает в себя убийственные порции алкоголя.

Заехав во двор дома, в котором проживала Таня, я остановился. Машины, как курицы на птицеферме, застыли, прижавшись вплотную друг к другу. Покрытые пушистым снегом, они были все одного цвета. Я стал кружиться по двору в надежде найти кусочек свободной земли и каким-то образом оказался перед белой часовней.

Назад дороги не было, ее перекрывали машины. Я не мог поверить глазам – двери были расписаны буквами армянского алфавита.

Пока я пытался прочитать труднопроизносимые наши «цычызы», из часовни вылезла, да, вылезла старушка, да так медленно, что вся покрылась снегом. Пряча в руках маленькую книжку, она также медленно шла ко мне, шепча себе что-то под нос, но я услышал:

– Это тебе, сыночек, молитвенник. Молись, сыночек, молись, я тоже буду молиться, – как молитвенник оказался в моих руках, я не знаю, ни дверей, ни окон я не открывал. Книга была старинная и тоже на армянском языке.

«Удостоишься благодати: молись, люби и верь», – с трудом разобравшись со староармянскими словами на обложке молитвенника, я вышел из машины и осмотрелся.

Дела-а-а. Моя машина упиралась в обычную беседку, в которой соседи иногда забивают «козла», правда, сделана она была с фантазией. Инкрустированный купол, в виде башни, в несколько ярусов, опирался на небольшой п-образный сруб с резными колоннами с двух сторон. Может, в доме проживали работники мебельной фабрики, или виртуоз-краснодеревщик хотел удивить своих соседок, не знаю, но, покрытая снегом, она была очень похожа на часовню.

Хотя я неравнодушен к мистике, все же скептически отношусь к ней.

Я долго искал молитвенник – книги тоже не стало. Но она была, я ее держал в руках!

Сон исключается, по времени я не успел бы даже закрыть глаза. Что же произошло со мной? Ответа не было. Тревог и сомнений тоже.

Осознавая глупость моего поступка, я все же поднялся к Татьяне извиниться.

Моя душа, прежде избегавшая встреч и общения, с удовольствием грелась в моем теле. При желании я бы мог взлететь, но мокрый падающий снег охладил мои крылатые мысли, остановив меня на лестничной площадке второго этажа.

Татьяна, полуобнаженная и сонная, зевая, открыла мне дверь.

– Каменный гость и то бы так не опоздал, заходи, – бедная Танечка не могла себе даже предположить, что ей этот памятник скажет.

Свечи на столе, с опаленным воском, еще мерцали, отражаясь в бокалах.

Натюрморт из нарезанного мозолистого ананаса, прозрачного фаянса и бутылки красного вина дождался своего художника. Но он не спешил раскладывать кисти.

– Танечка, я пришел наградить вас, – у нее глаза наконец открылись во всей своей красе русского весеннего поля – золотой цепочкой озимой пшеницы. Я достал одно из творений золотых дел гения. Колосья пшеницы переплелись в снопы и оживлялись при каждом дуновении наших дыханий.

Она удивленно, но с восхищением рассматривала подарок.

– Артур, это чудо, какой сладкий подарок, – она сразу набросила цепь и стала прихорашиваться в зеркале.

– Ничем твое тело не испортишь, Танечка.

Я не преувеличивал, все вредные мои гормоны уже плясали от удовольствия, но и их ждало разочарование.

– Танечка, главный подарок я по рассеянности своей забыл, и чтобы он не замерз, угадай с трех раз, что я забыл в машине?

Она, порозовев, тихонько призналась:

– Предохранители?

И тут же прикрыла рот ладошкой.

Веселье сначала неуверенно, затем разразившись хохотом, трясло мое тело, опуская его на кровать... Предохранители... Я вспомнил, как в детстве, по просьбе отца освещал фонариком фарфоровые грубые предохранители электрического счетчика, на которые отец накручивал медную проволоку. Их всегда выбивало, когда мать начинала печь пироги в своей электропечи.

– Предохранители, Танечка, не в ту степь, совсем не в ту, но спасибо, рассмешила до коликов.

– Может, серп? – с некоторой неуверенностью предположила Татьяна.

– На этот раз намного ближе. Цветы, Танечка, полевые цветы.

– Утром поднимешь, с ними ничего не станет.

– Они после длительного перелета и на холоде умрут, – я, быстро спускаясь по лестнице, просил Бога утомонить, хотя бы на пару часов, глупые мои гормоны...

Стоя на коленях, я преподнес букет Танечке.

– Самой красивой и доброй булочнице на свете.

Она, красавица, чуть не расплакалась и поцеловала меня.

– Ты счастлива?

– Очень, спасибо, что с тобой? Ты весь светишься.

– Я люблю, Танечка, очень люблю.

Она подозрительно посмотрела на меня и занялась букетом.

– И давно?

– Разве это важно?

После небольшой паузы она спросила:

– Кто эта счастливая?

– Мария, Танечка, Мария. Божья мать.

Я поцеловал Таню в щеку и снова встал на колени.

– Прости меня и пойми.

– Давай отпразднуем твою любовь? – она накинула на плечи халатик и стала накрывать на стол.

– Танечка, у меня нет сестры, я всю жизнь о ней мечтал и сегодня мне Бог подарил ее. Ты сама хочешь быть мне сестрой. Младшей.

– Старшей нельзя?

– Ни в коем случае.

– Какой ты странный брат. А кто обещал этой ночью поговорить об искусстве?

– Прости старшего брата.

Она нехотя простила меня.

– Куда ты поедешь, поздно, останься у меня. У сестры коммат достаточно.

– Я тебе буду хорошим братом, обещаю.

– Не сомневаюсь, Артур.

Как легко жить честно, с совестью в ладах. И спишь как младенец.

Глава 22

– Родственник, милый, вставай.

Я открыл глаза.

– Танечка, уже утро? Так быстро?

– Ты сам просил. Семь утра. Хочешь, поспи еще.

Я укутался одеялом, скрывая непослушные фрагменты тела, сполз с кровати и подошел к окну.

– Господи, ты самый лучший художник. Глаз не оторвать от твоих рисунков. Танечка, посмотри в окно. Нет ничего красивее тихого зимнего утра.

– Мне весеннее больше нравится.

– В зимнем больше сказочного. Впрочем, каждое утро прекрасно, это начало нового дня. Господи, спасибо тебе за каждый рассвет.

Может, мои молитвы и не вписывались в каноны, но, рожденные в душе, думаю не были противны Богу. И я это чувствовал.

– Неужели ты молишься, Артур?

– Стыдно?

– Да нет же, интересно.

– А ты знаешь правильные молитвы?

– А что, у тебя неправильные?

– Не знаю. Время покажет.

– А ты крещеный?

– Да, меня в детстве крестили. А ты?

– Некрещеная я, от этого и несчастливая.

– Танечка, можно, я стану твоим крестным отцом?

– Стал бы мне лучше мужем, братик. Завтракать будешь? Не бойся, я пошутила.

– Танечка, можно и без крещения в рай попасть, была бы вера, все остальное поправимо. Даже счастье. Я приму душ и помогу тебе.

– Со счастьем, или только с завтраком?

– Со всем вместе.

Таня накрыла стол, украсив его полированными бубликами в виде сердечек.

– Артур, с легким паром, за день ты успел измениться, из твоих глаз исчезли озорство и решительность. Что произошло?

– Это так заметно, жаль, с озорством не хотелось бы расставаться, а решительность, может, сменилась уверенностью, посмотри внимательнее.

Я подошел к Тане, взял ее нежно за плечи и уставился ее в глаза.

Сколько же неподдельного лукавства в женских глазах. Как они чертовски хороши. Мой взгляд, поскользив по ее курносому носику, плавно остановился на влажной поверхности полных губ.

Таня улыбнулась, показав розовый блестящий язычок.

Неужели я не попробую его на вкус, неужели лишусь удовольствия? Ее свежее дыхание проникло в мою плоть, настроивая против меня все органы. Остатки меркнувшего сознания проваливались в широко раскрытые глаза полураздетой женщины. Я уже представил ее гладкое и нежное тело в моих объятиях. Ми-я-у-у... Я почти сдался ее аромату, но видит Бог, и слышит, и все знает наперед. Слава Богу, в дверь позвонили и настойчиво постучались.

– Мне не посмеют так стучаться, это по твою душу, ты случайно ничего не натворил?

– Я творю каждый день, но концы моих творений, если не на небесах, то думаю, все-таки выше второго этажа.

– Откройте, милиция.

Таня, прикрыв светлое свое тело, пошла открывать дверь.

– Что это вам не спится?

– Татьяна Павловна, вашего соседа – гробовщика, ночью убили, в его квартире следователь прокуратуры, ему нужны понятия.

– Сеньку, что ли? Жалость какая. Но я не смогу вам ничем помочь – на работу опаздываю.

– Он вам справку выпишет, хотя сами можете со следователем поговорить.

– Справки еще выписывать, – раздался хриплый голос, – работа подождет. Участковый, не мешкай, заводи ее для опознания.

Я не выдержав, направился к выходу.

– Что за произвол – ни свет ни заря, никуда Татьяна не пойдет, она из-за мертвого плотника живых без хлеба не оставит.

На лестничной площадке я столкнулся с капитаном милиции и лысым следователем.

– Так это вы, если не ошибаюсь, Артур Александрович?

– Мы знакомы? Удивительно.

– Я узнал вас, вы на первой странице сегодняшней «МК». Рад знакомству и извините за беспокойство, служба.

– Продолжайте вашу работу без нас. Мы опаздываем.

– Да-да, конечно. Вашу партию до сегодняшнего утра все-рез не принимал, но если вы закроете долги шахтерам, можете рассчитывать на мой голос. Я сам тоже с Кемерово. Брат мой живет там. И с Никулиным у вас здорово получилось. Спасибо, Артур Александрович.

Я пожал его холодную руку и увел опешившую Татьяну Павловну к завтраку.

– А ты боялась, сестричка.

– Санька был непростым плотником, он мог человека вырезать из дерева. Жаль его. Сволочи, убийцы. За что такого мастера убили?

– Ты права, одну из его работ я уже обозрел, впечатляет. Из беззащитного дерева все что угодно вырезать можно. Что будет с нашими праправнуками? Им парниковые звери и рыбы достанутся. Мы на земле хуже сорняков.

– Почему хуже?

– Пиявки мы. Все из земли высосем и не подавимся.

– Ты тоже?
 – Что, я хуже других, что ли? Я помню, как мы пили воду из наших горных речек, те речки мое поколение уже загадило.
 – Давай завтракать, опаздываем уже.
 – Когда человек прекратит суетиться, не в смысле в положении Сани, а по жизни? Давай завтракать, Танечка, ты права, я тоже не люблю опаздывать.

– Артур, ты уже по-государственному рассуждаешь, интересно тебя слушать. Я бы тоже за тебя проголосовала. И народ тебя стал узнавать, далеко пойдешь, памятник и депутат.

– Говорить легче, чем делать, сестра, а ходить тем более. Так народ и отдает свой голос первому попавшемуся проходимцу. Видите ли, Юрьев день устроил детям и деньги шахтерам пообещал. А может, я колумбийский наркобарон или тройной шпион вражеских разведок? Кто проверил мою биографию? Депутата избираете, дорогие мои, а не тамаду. Так все педерасты, извини, Танечка, за нескромность мыслей, и педофилы могут народными депутатами стать, – я перекрестился. – Прости меня, Господи, и этих больных тоже, если можно, конечно. Ихто за что так строго наказал?

Заев сердечными бубликами мой нецензурный монолог, поцеловав притихшую Танечку в румяную щечку, я спустился к машине.

У беседки, несмотря на раннее время, народ уже делился сигаретами. Дым от них, смешиваясь с парами дыхания, сизыми облаками окружал Санькино произведение и медленно поднимался вверх, прокладывая к Всевышнему дорогу сгубленной душе.

Мне тоже захотелось затянуться дымом. От предложенной «Примы», протянутой дрожащими мозолистыми руками, я почувствовал легкое головокружение, но запах водки привел меня в чувство. Человека убили. Когда мы научимся жить по-людски?

Таня тоже спустилась во двор. Она вынула из кошелька деньги и, протягивая их одному из соседей, сказала:

– У него и родных-то не было, Леха, друга своего похорони достойно.

– Никуда не денемся, мы ему должны.
 Все закивали головами.

Посмотрев еще раз на удивительную по красоте резную беседку и добавив Лехе денег, я повез Татьяну Павловну по заснеженной и холодной Москве на работу.

Глава 23

Проводив Таню до кабинета и наслушавшись комплиментов от ее читающих работниц, я уже выходил из булочной, когда меня сзади кто-то крепко обнял за плечи. Я недовольно попытался освободиться, для этого пришлось использовать все свои силы.

– Колька, разведчик, ты ли? Опух что-то.

– А ты бороду сбрил, думал, не узнаю, колхозник. Да, немножко не в форме я, зато ты одет как денди. Как там Карабах, стоит? Тута цветет?

– Еще как, Колька. Все есть и «тутовка» тоже. Силу ее помнишь?

– Не забыл. Абея и Амбарци тоже помню, я всем уже рассказал про этих смешных стариков. Слушай, ты и тогда знал, что я из разведки?

– Конечно, только разведчик после той порции тутовки смог сам сесть в машину. Твой друг Володя тогда пал, сраженный водкой.

– Я тоже плохо тогда соображал, правда, после бассейна память вернулась. Ты знаешь, я часто тебя вспоминал, Артур. Тот старшина тебя продать хотел.

– Знаю, – я обнял его, – хорошо, что русский офицер Николай Щербаков дежурил тогда в штабе.

– И фамилию помнишь?

– Твою да, Володькину забыл.

– Самохин.

– Поехали, Коль, в машине и поговорим.
 – Как у вас так быстро все получается? Наверное, уже и прописался, и дом купил. Молодец. Поехали.
 – Квартиру куплю скоро. Разведке уже доложили.
 – Я в частной клоаке. «ОО» называется. Охрана Объектов. Меня списали.
 – Неподчинение?
 – Все знаешь.
 – Слышал, много ваших «ушли».
 – Да, вроде и президент компании, и с деньгами уже не так туго, но тоска такая, хоть стреляйся.
 – То-то, смотрю, чиновником стал, – я похлопал по его выступающему пузу. – Эх, майор, майор, е-мое, зачем тебе снова в этот строй?
 – Не знаю. Душа просится.
 – Так вернись.
 – Посмотрим. Мы с ребятами собираемся иногда, один на своем вертолете даже прилетает, но все равно, и он туда же – в строй хочет.
 – Нет, этот уже туда не впишется.
 – И я так думаю, а он – нет.
 – Коля, у меня тут недалеко небольшой объект, возьми его под свою охрану.
 – Только охрана, я не крышую, как некоторые, в гробу видел эти «стрелки». Охрану гарантирую на все сто. Я же говорю, у вас все быстро, – прилетел, понаблюдал и купил. Как там по латыни, види вини..., как там дальше?
 – Давай, Коля, по-русски. Зачем нам латынь?
 – Паркуйся, приехали. Зайди, посмотри, как живет бывший подполковник.
 – В следующий раз, не с пустыми же руками.
 Мы обменялись номерами.
 Тогда, в первые дни карабахской революции, когда азербайджанский ОМОН бесчинствовал у нас в регионе, пользуясь комендантским часом, Николай вырвал меня из их лап и, мож-

но сказать, спас жизнь. Так мы и познакомились. Несколько раз я его забирал из штаба военной комендатуры и увозил в свою деревню, где мы и наслаждались неспешной деревенской жизнью. Колю потом срочно куда-то перевели, он даже своего адреса мне не успел оставить.

Среди массы подкупленного военного руководства тогдашней Советской Армии большинство кадровых офицеров были на нашей стороне и в дальнейшем, когда конфликт перерос в военные действия, их помощь была неоценима. Они не мешали нам воевать.

Хотя и до этого русский офицер был самым дорогим гостем у карабахца, эти события показали, что нас связывает нечто большее, чем обычная «братская дружба народов». Попытки запятнать такие отношения подкупленными генералами не имели успеха.

Извините, дорогой читатель, за эти, возможно, неинтересные вам откровения, но я должен был высказаться и еще раз сказать спасибо тем простым русским парням – офицерам и рядовым, которые не отвернулись от нас в тот смертный час.

– Слушай, Артур, обычно хлеб покупает жена. Я, можно сказать, в булочной случайно оказался, и на тебе – сюрприз. Вчера с соседом мы немножко загуляли и остались без хлеба. Хорошо, что он зашел ко мне.

– Спасибо твоему соседу от меня передай и жене тоже, что заставила за хлебом выйти. Настоящий сюрприз будет позже, обещаю, старик.

– Не начинай свои армянские дела, скромно приходи.

– Ладно, не пугай, посмотрим.

Он ушел, оставив за собой аромат свежеспеченного хлеба и нахлынувшие воспоминания.

Неужели мои молитвы так быстро дошли до цели? Кто бы мог подумать, я нашел Щербакова, вернее, он меня. Коля, Коля, Николай, хорошо, что загулял, а то бы мы не встретили-

лись. Это во-первых, и, во-вторых, я провел целомудренную ночь, оставшись наедине с женщиной, притом очень красивой и желавшей меня. Невероятно, но от фактов никуда не денешься.

Я позвонил Марии и, не услышав ее голоса, оставил сообщение: «Мария, милая, я люблю тебя и буду всегда любить. Решение, которое ты приняла, хотя и невыносимо для меня, единственно правильное решение. Счастье иметь такую дочь. Передай родителям от меня привет и поцелуй дочку, а я поеду, мне надо завершить начатое дело. Путей из моего тупика я не вижу. Прости меня. Буду за тебя молиться, Мария. Пока.»

Глава 24

На объекте работа кипела. Ребята, успевшие прочитать «МК», встретили меня с почестями и с восторгом. Извинившись перед ними, я поехал дальше к Агропромбанку, где меня ждала Анечка.

– Хачатурян, дорогой, а вы авантюрист! – она стала бить меня газетой по плечу. – Не знаю, что ты задумал, но начало блестящее.

– Не бей меня, одноклассница, народ смотрит. – Я обнял ее мужское тело и прошептал: – Я при исполнении, всякое сопротивление не в твою пользу. Погнали.

– С этой газетой мы с тобой пройдем даже через кремлевские стены.

– Интересно, Гонщикова прочитал статью?

– Да, я успела уже ему позвонить. Он ждет нас. Ты готов?

– Всегда готов.

Я по-пионерски вскинул руку.

Вскоре мы оказались в большущем кабинете с полированной до блеска мебелью. Письменный стол банкира, также, как и его банковское хранилище, был удивительно чист.

А он улыбался. Мне тоже стало смешно, но суровый взгляд Капутикян из-под очков заставил меня принять озабоченный вид государственного мужа.

– Анна Павловна, мне кажется очень странным, что ваш «Любовный треугольник» вдруг заинтересовался нашими финансами. Что общего между банком и любовью?

Анна вдохнула воздух, чтобы оправдать наш визит, но была мной остановлена.

– Многоуважаемый товарищ Гонщикова, вы правы, так получилось, что государство потеряло любовь к собственному народу и оказалось в углу треугольника, а банки и народ разошлись по другим вершинам. Наличие этого разностороннего треугольника и послужило поводом нашей встречи. Когда мы пойдем навстречу друг к другу?

– Да, мы хотим знать, когда все-таки любовь восторжествует? – не сдержавшись, добавила Анечка, утвердительно кивнув головой.

– Трудно завоевать любовь с пустыми карманами, но мы пытаемся и делаем все возможное.

– А невозможное? Народ ведь голодает и требует не ваши деньги, а свои кровно заработанные. Мы, как партия, озабочены сложившейся ситуацией и видим ее решение. Но без решительных действий самих банков положение не исправить.

Анна выложила на стол черновик нашей беседы.

– Как вы думаете? – она посмотрела на Гонщикова внимательнее.

Пробежав по статье удивленным взглядом и не переставая удивляться с каждой прочитанной строчкой, банкир неожиданно быстро согласился.

– Почему нет? У вас хорошие помощники, я бы их пригласил на работу. Только, пожалуйста, там, где вы пишете обо мне, ссылайтесь на правительство тоже. Сами понимаете.

– Конечно, понимаем, без его чуткого руководства не выжить. Ни нам, ни народу. Мы добавим ваши замечания, и я привезу вам статью на согласование в ближайшее время – а оно не терпит.

Попрошавшись, мы с радостью покинули это охраняемое государством здание.

– Авантюрист, ты и в геометрии неплохо разбираешься.

– Вся наша жизнь – сплошная геометрия, Анечка. Миллиарды точек движутся по линиям судеб и образуют паутину жизни на кривой поверхности земли. И земля, в свою очередь, такая же точка во Вселенной.

– А Вселенная?

– Позволь ограничиться ею, земных фигур на наш век хватит.

– Ты имеешь в виду секретаршу, с которой так любезничал?

– О, у нее неземная фигура, в каждом правиле свои исключения. Заревновала?

– В твоем статусе почти депутата это легкомысленно.

– Депутат не в состоянии полюбить женщину?

– Любовь твоя тоже из точек?

– Скорее всего, из их соприкосновений, Анечка. Давай поставим точку на этом. Я кое-кому должен позвонить.

– Звони-звони в колокола, может, и дозвонишься.

Стеклоочиститель ее БМВ, как ненормальный метроном, через небольшие паузы сметал со стекла белые, похожие на аппликации, снежинки.

– Сколько я тебе должен, Анечка, включая и будущую статью в твоём «Треугольнике»?

– Кто платит? Родина? С нее ничего не возьму.

– Счет, мадам, деньги мои.

– Хорошо, – она достала ручку.

– Посчитай в условных единицах.

– А насколько ты богат, сэр?

– Судят по одежке, а провожают на машине.

– Думаю, три тысячи долларов тебе не затруднят жизнь.

– Точно, не затруднит. Чтобы номер растажирировать, тебе выделено в десять раз больше. Постарайтесь донести газету до каждого киоска, каждой точки. За тридцать гораздо легче будет это сделать. Не подведи.

– Расплаты не будет со стороны других неприятных лиц?

– Надеюсь ни лиц, ни неприятностей ты не увидишь. Мы уже над этим работаем.

– Тогда не подведем, даже постараемся часть выпуска бесплатно вручить бастующим шахтерам.

– И правительству отошлите, пусть проснутся суки, пардон, мадам, издержки нервных точек.

Закрыв за собой дверь, я пошел к своей машине. Мой оркестр взял свои первые ноты, можно сказать, без фальши. Профессионально.

– Радик, как слышишь, прием. О статье потом поговорим, прибалтийского гонца можно вызывать, хоть завтра... Приготовь мне папку с двойным дном... Да, точно такую, что была у тебя с лотерейными билетами. Нет, билеты оставь себе, это твои вещдоки.

Кстати, какого они года – не истлели? Это уже музейные ценности... Я не шучу. Я не шучу, еще раз повторить? Это будет первый музей перекладного искусства... А ты думал. Даже Остапу Ибрагимовичу такое не снилось. У тебя на два музея потянут вещдоки... Тебя плохо слышно, расчувствовался? Поплачь, глазам полезно. И душе... Остаткам души? Береги их, Радик. Их тоже в музей развесим, на самом видном месте... Сегодня точно приеду. Мне деньги нужны для квартиры, а то по рукам уже иду. Цены, сам знаешь... Я не в Чертаново куплю, а у Кремля, чтобы галстуки свои прицепить на конец... Хорошо, на шею, если тебе так больше нравится... Смех тоже полезен, смейся от остатков души, Радик... Плохо быть бездомным, нищие мысли в голове рождаются. Пока... Пол-лимона, думаю, хватит, не буду же мебель отдельно покупать... Есть такая, адрес могу указать. Даже рыбки в аквариуме плавают, жирные как кефали... Готовьте бабки, господа. До вечера.

Озадачив великого комбинатора, я отправился питаться. Без витаминов скучно жить.

Глава 25

В ресторане у Бахшиевича все преобразилось. Зал пестрел бантами и надутыми сердечками. Меня чуть не сбили с ног молоденькие, очень красивые черноокие бырышни.

– Извините нас, молодой человек, – хором на азербайджанском языке, нисколько не смущаясь, проговорили девушки.

Я машинально ответил им тоже на азербайджанском:

– Всегда пожалуйста, приятно зимой вдыхать аромат кавказской весны. Откуда вы? – продолжил уже по-русски.

– Мы – племянницы дяди Тавакуля.

Дорогая и хорошо подобранная европейская одежда подчеркивала их нежные линии. Огромные бриллианты не смогли оттенить блеск девичьих глаз. Я смутился.

– Тавакуль?

– Познакомились? – мне на плечо опустилась медвежья лапа Бахшиевича. – Артур, сегодня у меня праздник. У нас праздник. День рождения Дамира. Ты его отца должен знать, Тавакуля все знали. Он из Мейлибелли, три брата: он, Ширван и Гасан.

– Кажется, знаю, мы у его отца Юн-Фазыля молодых баранов для жертвоприношения покупали. Угадал?

Девушки, узнав, что я армянин, немножко засмутившись, куда-то поспешили. Марлен провел меня к себе в кабинет.

– Бахшиевич, я рад за тебя. Ты давно с Тавакулем якшаешься?

– Почему не яхшаться? Я его сто лет знаю. Дома у них тысячу раз кушал. Они у меня часто гостили. Все забыть? Даже если меня пентагоны изменником сделают, я от него не откажусь. Кстати, вечером Полад Буль-буль-оглы будет петь. Хочешь послушать? Приходи. Много будет гостей. Может, их премьер заявится, не исключая и президента. Вот кого здесь не хотелось бы видеть, но, если придет, не выгоню. Будь и ты в Москве без кавказской политики, спокойней будет жизнь. Может, через нас, московских кавказцев, пройдет дорога к миру там на Родине, на Кавказе. Не всегда же враждовать.

Пока я запихивал в рот пучки киндзы и тархуна, наслаждаясь куриным бульоном, Марлен, завершив свою политинформацию, тихо запел: «По горным дорогам, по горным дорогам веду я машину свою...», – задавая на столе своими пухленькими пальцами темп.

– Отличный суп, спасибо, Марлен.

– По рецептам четвертого главного управления минздрава, полезная вещь, дорогой. На здоровье.

– Слушай, Марлен, а ты бы смог помирить нас, в смысле с ними?

– Гораздо легче подснежники сейчас найти. Помирить? Столько крови пролилось. Столько людей исчезло, там, у них. Если только чудо произойдет, то не сегодня и не завтра. Их тоже понять можно. Люди привыкли к своим домам, дворам, пастбищам. Деревья понасажали, поливали, ухаживали, урожай собирали. Добро накопили. Целое поколение, уже карабахское, здесь родилось, здесь ходили в школу. Тавакуль со мной все десять классов учился. И что в итоге? Собрал всю семью, бросив свой дворец на разграбление, и уехал на последний этаж Бакинского панельного дома?

– Слушай, Марлен, дали уехать, пусть спасибо скажет. В Сумгаите эти звери забили до смерти армян. Им, бедолагам, даже гробы не достались.

– Успокойся, Артур, разве я забыл? Или у меня сердце не болит за своих? Но это были звери, сам говоришь. У нас нет зверья? Не молчи.

– Такого нет.

– Зверь он и есть зверь, клыки только разные и повадки. Суть одна – хищники. Зоологию оставим в стороне, мы о наших народах говорим. Живем рядом, знаем хорошо или плохо друг друга, но выбора нет. Мы и они. Они и мы. И так будет еще несколько тысяч лет. И что прикажешь делать? Стоять с мечом у границы и махать им? Или искать пути мира? Я готов заплатить одной азербайджанской семье издержки, связанные с переездом на родину. Наличными, из рук в руки. И

извинюсь, если не провожали с музыкой. Наше государство в первую очередь должно со своей стороны тоже извиниться перед их народом. И первым сделать шаг навстречу. Мы – армяне и всегда были первыми.

– Крайними, хочешь сказать? – я попытался улыбнуться, чтобы успокоить разбушевавшегося голиафа.

– Как хочешь понимай, узел надо резать конкретно, чтобы не стягивать его сильнее. Все встречи наверху, в звезду, не годятся. Народу деньги надо возвращать.

– Марлен, а кто нашему народу вернет деньги, сыновей, жен, убитых «градом» в очередях за водой, детей, погребенных под родными стенами? Кто? Их правительство извинится?

Выжившим легче от этих извинений станет? Раны заживут, калеки станут здоровыми?

– Не пойму тебя, Артур, – Марлен наконец успокоился. – Мир нужен или нет?

– Нужен.

– Он необходим нашим детям, внукам.

– Давай, Марлен, выпьем за самых маленьких, за ангелов. Ты прав. Не спорю. Люди имеют право беспрепятственно возвращаться в родные места. Я бы им даже Карабахское гражданство дал.

– Император, почему за детей с такого маленького бокала пьешь?

– За маленьких же пьем.

– Ааа... За маленьких, боюсь, за новорожденных соответствующей посуды у меня не найдется. За детей. За всех детей. За наших, за их, белых, черных, желтых.

– За нас тоже, Марлен, мы тоже дети для наших родителей.

– «Мушкет». Это вино мне больше нравится.

– Меняй стакан, Артур, за родителей выпьем.

– Я президенту передам твои соображения. Будет возможность, Марлен, «прощупай» друга об их мнении. Как народ воспримет компенсацию?

– От компенсации, поверь, народ не откажется.

– Деньги не валяются, ты знаешь, сколько денег потребуется.

– Я даже знаю, где их можно будет найти.

– Где?

Марлен не успел открыть эту тайну, по внутренней связи раздался срочный звонок.

Звонила Мария из Балашихинской больницы и просила разыскать меня. Поверьте, я не просил всевышнего в своих молитвах о такой «услуге». Аркадий Львович – отец Марии попал после аварии в реанимацию.

– Мария, успокойся, мы сейчас что-нибудь придумаем. Не плачь, пожалуйста, я тебя не слышу, перестань сейчас же. Что необходимо сделать? Все понял, держись, милая, вертолет найдем. Подожди на линии.

Эх, дядя Вольский, дядя Вольский. Где ты? Когда-то с твоей помощью две двадцатитонки советских МИ адлерского вертолетного взвода решали блокадные карабахские проблемы. Мне бы сейчас этих военных летчиков-асов. Я почему-то вспомнил своих дорогих карлсонов, первую и вторую команду.

– Марлен, ты знаешь, где можно достать вертолет?

Марлен уже рылся в своих талмудах в поисках летательного аппарата.

– Где-то у меня был записан номер генерала ВВС, куда я его записал? Артур, помнишь, у тебя их было, аж целых два. МИ-26, что ли?

– Конечно, помню, Марлен, не отвлекайся, человек умирает, – я прикрыл трубку, чтобы Мария не слышала. – Может, в МЧС позвонить, они даже кошек спасают. Позвони, депутат. У тебя есть их телефон? Кто там заведует?

Марлен с достоинством протянул мне красную папку:

– Все временное правительство здесь.

Я набрал номер генерального штаба:

– Помощник депутата, Артур Александрович, тут такое срочное дело... Тимур Викторович вне зоны связи? Ждать нельзя. Нужен вертолет, чтобы спасти человека. Где находится? В Балашихе в реанимации. Врачи в Склифе уже ждут его

в операционной. За топливо наша партия заплатит вам, пришлите с летчиком счета. Что за торги, не понимаю. Где Тимур Викторович? В Гвинее? В самой этой Биссау. Ааа, землетрясение. То-то трубку не берет. Сейчас вам позвонят из больницы и сообщат место посадки. Не медлите, запрягайте лошадей. Все, спасибо. – Я переключился на разговор с Марией. – Все в порядке, не плачь, запиши телефон спасателей, врач пусть позвонит. Я тоже еду к Склифосовского. Держитесь.

– Поеду я, а родители не обидятся, если не выпьем, даже обрадуются. Марлен, этот Тимур Викторович, эмчээжник, молодец, точно хороший парень, раз его команда вертолеты к взлету готовыми держит.

– Готовые-то готовые, а топливо попросили.

– Не попросили, а намекнули, что туго с ним. Черт, мне же платить по счетам... Боре надо звонить, он обещал мою компанию всеми юридическими бумажками обеспечить. Какое сегодня число?

– Смотри сам, Артур, если что, с моего можно перекинуть.

– Посмотрим. Позвоню Боре, – я набрал знакомый номер. – Борь, привет, как отдыхается? Хорошо? Передай от меня тоже привет всем. Мои документы готовы, они мне нужны, очень. О, спасибо, брат. Отдыхай дальше, не буду отвлекать – медовый месяц все-таки. Марлен, представляешь, в «Столичном» уже даже счет открыт. Интересно, кто у меня бухгалтер? Я же секретарше Гонщикова обещал.

– Ничего, будут два бухгалтера, деньги счет любят.

– Проведи меня через гостей, что-то не по себе.

– Стесняешься?

– Немножко есть, не по-человечески разошлись с ними, за это мне стыдно.

Марлен проводил меня до машины, и я, поблагодарив за гостеприимство, поехал через Пятницкую, там, в магазине Бори, находилась папка с документами моей компании.

Глава 26

К больнице имени Склифосовского на метро я бы доехал быстрее. Машины, касаясь друг друга, запрудились в центре столицы и почти не двигались. Зря милиционеры крутили своими палочками и свистели в свистки, движение застопорилось. В будущем, если мы не научимся летать, по Москве невозможно будет передвигаться даже в «скорой помощи».

Что заставило в такой гололед старика выехать из теплого дома и поехать в Балашиху, почему пожилым не спится и не отдыхается?

Вот результат – реанимация. Помогите ему, Господи, выжить.

Наконец, после того, как на тротуар был вытолкнут заглохший впереди «Москвич», закрутились колеса и у наших машин.

В больнице меня встретила Мария, заплаканная и растерянная.

– Операция недавно началась.

– Что врачи говорят?

– Вся надежда на них, он весь в крови.

Мария снова расплакалась, мне с трудом удалось успокоить ее.

– Сволочи, залезли в дачный домик, соседи позвонили из деревни, и он уехал в гололед. Его невозможно было остановить. Бедный папа, весь в крови и не говорит, только стонет.

– Где тут операционная? Пойдем, Мария. Врачи здесь самые лучшие. Главное, что он дышит, и Бог поможет, вот увидишь.

У операционной сидела, сгорбившись, Роза Борисовна. Став еще меньше, она отрешенно смотрела на светлые двери палаты, за которыми решалась судьба ее мужа.

– Мама, Артур.

Роза Борисовна взглянула на меня своими сохранившимися былую красоту глазами и печально вздохнула:

– Прости его, Артур.

Я обнял ее.

– Что вы, мама, все будет хорошо, он поправится. А где Майечка? – я попытался отвлечь женщин от тревожных мыслей.

– Она у соседей, она ничего не знает, Артур, спасибо за все.
 – А где спасатели?
 – Они сразу улетели, говорят, еще одна неотложка. И как они летают, ничего не видно кругом. Мы даже спасибо не успели сказать.

Широкая дверь отворилась, вошла медсестричка. Она сняла марлевую повязку и улыбнулась нам.

– Не волнуйтесь, кризис прошел, врач просил сообщить, параметры в норме, больной поправится. Извините, я побежала в приемную, еще одного встречать.

– Наши врачи – самые лучшие в мире, слышали, параметры в норме – будет жить. Я тоже поеду, – хотелось сказать – к своему старику Хоттабычу, но Радик бы обиделся. – Мария, у тебя есть мой номер, звони.

– Я впопыхах забыла о нем, позвоню обязательно. Спасибо, Артур,

Роза Борисовна встала наконец и обняла меня.

– Сыночек, извини старых, приходи к нам.

– Обязательно, Аркадий Львович выпишется, мы пир устроим на вашей даче, – увидев, как меняются их лица, я добавил: – Или дома.

Я уезжал и не знал, радоваться мне или наоборот. Но что было, не исправишь, на все воля Всевышнего.

Радик, довольный, как морж, увидев меня, потер свои ладони и, смахнув большую белую салфетку со стола, обнажил аккуратно расставленные тарелки с дичью и рыбой. Потом, переваливаясь с ноги на ногу, ушел на кухню и вернулся с красивыми цветными бутылками выпивки. Водрузив их на столе, он наконец пригласил меня сесть.

– Рассказывай и закусывай, мой дорогой. А по утречку Лось тебе на квартиру тугрики занесет. Уже все прочитали, ржут.

– Главное, довольны, Радик? По-другому и быть не могло. Саперы не ошибаются. Выпьем, Хоттабыч.

– Хоттабыч?

– Да, он знаменитым волшебником работал.

– Хотябыч же – катала тбилисский, фокусник. Чужие погоняла даром не нужны, Артур. Моя радиоактивность под завязку устраивает.

– Извини, не знал, Радий. Но ты все равно – волшебник.

– Немножко есть. И повар. Сам приготовил. Попробуй.

Я попробовал, запил вином и расслабился.

– Папку посмотреть будешь? – он меня снова окунул в дерьмо.

– Давай папку, буду.

Радик достал из целлофанового пакета кожаную паку, которая при умелом обращении открывалась с двух сторон.

– Артур, в музей не сдам, смотри, как новая, мне ее сам Кукольник подарил. Пригодится еще.

– Понял, верну.

Хитро улыбаясь и с огромным удовольствием он показывал, как обращаться с этим шедевром преступного мира.

– Видишь, секретик, нажимаешь и открываешь лоху туфту.

Радик радовался, повторяя трюк раз за разом.

– Понял, Радик, понял.

Я показал ему, как открываю папку.

– Ты должен отвлечь лоха так, чтобы он не смотрел на твои руки, Артурчик. Как Хоттабыч.

– Кио лучше делает, буду как Кио.

– Кио так Кио.

– Радик, можно я немножко поплаваю – и в постель, устаю в городе.

– Ничего, у речки дом построишь, а в город будешь приезжать только в гости. Самому не нравится железобетон... Иди, иди, дорогой, поплавай, смой с себя городскую пыль, а я постель тебе приготовлю депутатскую. Муха говорит, «Муссолини» собрался к шахтерам лететь, а те тебя ждут. Там братва на сходняке решила выдвинуть тебя в гувернеры, короче, к самому папе ближе будешь.

– Шутишь, Радик.

– Что, не потянешь?

– Артисты Америкой руководили, а я из правительственной машины выпадю, что ли? Просто, думаю, козырный туз мою кандидатуру не утвердит.

– Этот пьяница ничего уже не решает, а что ты ему сделал плохого?

– В Кремле свободных кабинетов не осталось? Карабахцы с царских времен в Кремле не переводились, и у Горбатого наш советником был.

– Поэтому и спалились, – Радик, довольный, задергался на смешной ноте.

– Как раз наоборот. Мишка пошел путем Моисея. Но был и другой путь, чуть длиннее, без жертв.

– Куда путь?

– В капитализм.

– Обратно?

– Вперед, Радик, вперед. Россия в лаптях не была готова из помещичье-крестьянского строя перепрыгнуть в социализм. В кирзовых сапогах и телогрейке в зоне только стволы перекачивать. Поэтому и продезмонились.

– Лучше бы ты тоже рисовать стал, Валька после тебя не хочет ОВИР принимать. Мухе отказала. Из-за твоих профессорских тюлек, наверное. Ты тоже свою философию гнал, Артур? Мы ее для ОВИРА готовили, а эта падла развонялась. Умоляю, только нотами занимайся, уже Юра волну катит, боится работу потерять.

– Валентина рисует? А при чем тут я?

– Все рисует и рисует, вспомнила, что была раньше ***жницей, ****ь. О какой-то выставке говорит. Муха сегодня нырнул и, нахлебавшись, вынырнул. Любит он твою Вальку, не может без нее. Оттрахается со временем, но зачем эти непонятки? И так рамсы запутаны.

– Радик, а ты любил когда-нибудь?

– Людей? За что их любить? От голода сожрут собственных малявок.

– Бабу любил?

– Я платил, они любили. Все, спать, не жалею никого, Артур, и кого жалеть? Ебутатство на тебе пальчики оставило, натришь мочалой как следует.

Радик с недовольным лицом протянул мне белобородую уродливую мочалку и, поняв, что я до нее не дотронусь, сам стал натирать спину, делая мне очень больно.

– Не дырявь, все, квиты. Я понял, больше художников не рожу.

– Пока ты на сцене, тебе аплодисменты и цветы, а сойдешь с нее, могут и затоптать в толпе, Артур, сам знаешь. Не маленький.

– Радий, ради Бога, не пугай перед сном, запасные трусы не взял. Лучше сказку добрую на ночь мне расскажи, или колыбельную спой, тебе в детстве пели?

– Бил меня, сука, отчим, в детстве, а я его баранов продал и в бега. Ментяры остановили. Ты насчет депутатства подумай. Охранку получишь. Никакой мент к тебе не привяжется.

– Скажи-ка, дядя, ты не шутишь?

– Братве самой скоро крышеваться, нет времени шутить. Все с Америки списывается, мне ли тебя учить, не прикидывайся, я твои возможности знаю. Мало осталось времени. Стариков в дурдомы, комсомол в наркоманы, долбоебов – в казино-гуляй-вася – живи нашими кредитами, получай порнуху в постель и радуйся жизни. К этому времени мы все должны успеть смокинги погладить и с библией познакомиться, на всякий спальный. И счета не помешают в Цюрихе.

– Всю братву в смокинги?

– Им спецодежду уже шьют. Ты о себе подумай, нам такие, как ты, нужны, чтобы наш «воздух» чистоганом вонял, легалом пропитался и вырос как полагается.

– Кто это вы? Извини за любопытство? Лось, Муха?

– Муха – насекомое, полетает и сорвется, а Лосю похер за кого трубить, шестерил и будет, и на х.. пойдет, если надо будет. Пока эту е...анную страну делят сверху, мы – паханы – тоже успели задербанить снизу, но в общаках эту лаву не удержать,

и не по уму морозить ее. Она должна работать и греть наши грешные души. Вот тебе и Моисеев путь. А другого пока нам не выдумали. Лучше в строгую, но знакомую зону, чем наугад.

– А сиротам куда, паханы?

– Сам знаешь, спи, сирота карабахская, и молчок, не то язык чукчи вырежут, как в том анекдоте.

– Все знаешь, Радик, и молчишь.

– Время такое. Спи, родной.

– Спокойной ночи, Радик.

– Паханов не выбирают, что бог дал, – я накрылся двойным одеялом, завернув края под себя. Мне так захотелось отгородиться от всего этого, забыть услышанное, провалиться куда-нибудь и проснуться далеко-далеко, там, где зимой топят дровами печки и носят воду из родников, где нет ни паханов, ни «лосей», одни олени и косули.

Вспомнил высокогорное озеро Севан с ледяной и прозрачной родниковой водой, кяварцев, пьющих день и ночь водку, их загорелые лица. Вспомнил, как студентом попал в Камо на свадьбу и провел там три незабываемых дня. Какое было счастье! Вся стипендия ушла на танец с невестой. Мы кричали: «Шабаш!», – и кидали вверх последние деньги. Вспомнил себя, совсем юного, в расклешенных и поношенных джинсах с длинными и непричесывающимися волосами. Может, это уже сон? Память не смогла бы так выразительно передать все детали.

Как сейчас, вижу в глубокой тарелке кявар кифта, величиной с гандбольный мяч, погруженную наполовину в бульон:

– Неужели это все мне одному? – с недоумением спрашиваю я на русском, хотя прекрасно говорю на своем родном языке.

– Еще попросишь, жаль, добавочной нету, – коверкая русский язык, отвечает хозяйка и расставляет на столе большие граненые стаканы. Вся ванна уложена водкой, бутылки прикрыты большими кусками льда.

– Здесь воду пьют только новорожденные, – в разговор вступает дедушка. – Одного умершего кяварца через сто лет

хотели перезахоронить – открыли могилу, не к столу будет сказано, от гроба ничего не осталось, а пьяница, как румяный помер, такой свежий и остался. Водкак. Водка. Наливай, невестка-джан, мне полный.

Хозяйка наливает первый стакан:

– Кушайте, пейте на здоровье, – и уходит на кухню. Мужики придвигают стулья к столу.

– Свадьба вечером, это репетиция, – напоминает хозяин, он же отец жениха, он же заведующий магазином, над дверями которого рядом с армянской вывеской черным по белому написано «Строительный матрлялы».

После свадьбы мы, молодежь, идем по городу, и кто-то из местных ребят спрашивает: «Кто хочет выпить?»

Мне ужасно хочется холодной воды, и я, олух царя небесного, в этом вслух признаюсь. И что вы думаете? Вы ошибаетесь в своих предположениях. Он стучится в первое попавшееся окно, оттуда молча вытягивается рука с двумя бутылками «Русской». И там тоже пили!

Нигде потом не встречал я такой народ. Трудлюбивый, скромный, плохо говорящий по-русски, пьющий и не пьянеющий труженик. На земле этого народа рождается самая вкусная картошка, и почти на камнях.

Жаль, сны продолжительными не бывают, столько всего смешного произошло за те три дня, смотреть бы и смотреть всю жизнь.

Глава 27

– Вставай, сирота бездомная, квартиру твою принесли! – Радик придавил меня огромной сумкой. Сам просил.

– Уже семь. И так темно.

Время не остановишь, не догонишь и не купишь – принципиальная сука.

– Лохи готовы выехать с лавой, но им нужна гарантиловка.

– Зови сюда их, хоть завтра, я готов.
 – Без кисляков.
 – Сто пудов уверен.
 – Хорошо, за завтраком прокрутим вместе. Что там у тебя за схема?

Я показал Радику схему.

– Нет, Артур, ты должен пасти его и день и ночь, и в гостинице лох не остановится.

– Что он может в гостинице узнать нового, не пойму.

– А вдруг? Зачем его без присмотра оставлять. Вечером в сауну пригласи, я тебе адресок черкану, там вас аккуратно встретят девочки. Не дай ему дух перевести.

– Хорошо, хорошо. Как скажешь, шеф. Тебе видней.

– К сценарию претензий нет, маэстро. Все предусмотрел – моя школа. – Радик меня обнял. – Проверим наличности в натуре, чтобы не прокуколиться.

– Ты думаешь, они нам «куколки» пригонят?

– Доверяй, но проверяй. Все сейчас хитрожопые. Валю с собой возьмешь для солидности.

– Валю? Зачем туда бабу?

– Чтобы нормальная вернулась. И это уже твоя забота, Артур. Ты ее испортил, тебе и чинить. Чех на работу всегда со своей Ирмой выходил и у хозяина ни разу не гостил.

– С женой, что ли?

– Ирма потом сама игры придумывала. Мы бабу до конца никогда не раскусим. Они, черти, хитрее нас. Когда лох приходит с женой, это уже не в твою пользу. У сучек нюх собачий, запомни, Артур.

Я уезжал с тяжелой сумкой на душе. Радик мне уже не доверял.

Его недоверие не входило в мои планы ни с какого конца. Неужели просто нервы сдают? «Хвоста» нет, деньги в сумке, машина и не думает взрываться. Нервы. Точно нервы. Я им нужен. И пока я им нужен, меня не взорвут.

Артур, успокойся и займись делами, оставь страхи им. Посмотри на себя в зеркало, улыбнись и прибавь скорости. Какой армянин не любит обгонять? Но, вспомнив о сумке, я скромно вернулся в свой ряд и въехал без приключений в столицу.

В Москве Капутикян уже приготовила мне достойную обставленную квартиру в престижном правительственном доме, где проживал Гонщикова. Осталось только перевести деньги и подписать бумаги. А я это умею, подписывать бумаги.

– Артур, не хочешь даже посмотреть на нее? – Анна в упор не могла этого понять.

– Анечка, ты же смотрела, я твоему вкусу пока доверяю, а не понравится квартира, приглашу тебя в гости и замурую в стене с запиской.

Она не смогла улыбнуться.

– Спасибо, что предупредил, а что там будет написано?

– Тогда и скажу.

Родственники бывшего члена КПСС передали мне ключи от квартиры и гордо удалились на улицу.

– Артур, вынесли только аквариум, собачку и одежду.

– А книги самого живого из нас писателя оставили?

– «Капиталы» забрали, осталась только художественная.

– Хорошо, почитаю на досуге.

– Статью нашу необходимо будет согласовать с Гонщиковым, она в машине, заведи, не забудь.

– Я за этим и приехал, не забуду.

– Так ты не себе купил квартиру?

– Себе, конечно, себе, но кто будет там жить – не знаю. Вот ты уверена, что будешь жить в своей квартире?

– Артур, хватит, от первой твоей шутки мурашки еще не остановились. Дай еще пожить немного.

Я обнял взволнованную Капутикян и попросил прощения. Не всем бывает радостно одновременно, а жаль.

Внизу, у машин, Анна передала мне набранную статью в сигнальном номере ее «треугольника».

– Мама мия, это целая пирамида, а не треугольник!

Я разглядывал с интересом страницу за страницей, с ходу узнавая лица знаменитых в России людей.

– Смотри-ка, остались еще мужчины в правительстве, – листая выпуск, не унимался я. – Артисты пошли. А почему в этом треугольнике трое мужчин? – Я задал вопрос и сам себе ответил: – Пендили? Кто тут кого?

Аня, пересчитав аккуратно пачку долларов, полученную за проведенную с блеском куплю-продажу, наконец, улыбнулась.

– В этом государстве умных и имеют. У одного мужчины две головы и обе талантливые? Слишком шикарно бы выглядело.

– Анна, ты не была такой вульгарной.

– Последние исследования позволяют констатировать, что в женских коллективах мата больше и он изощреннее.

– Вы мужчинам даже ругань не оставляете, пропадем так скоро по одному.

– Почему скоро-то, милый, процесс почти завершен. Во всех западных странах от мужчин только кончики и остались.

– Дети-то рождаются, Аня, – мне стало жутко душно и не по себе.

– По инерции пока, и не рождаются, а их насильно за шиворот вытаскивают на свет божий. Нет прежней выживаемости, малютки с первых дней пытаются наложить на себя ручонки.

– Это тоже уже доказано институтом?

– Институтами, дорогой мой мужчина, причем разными, и у всех одинаковое резюме. Тебе пора жениться, чтобы не ложкой оплодотворять жену. Вы нас в стены, а мы вас в пробирки, – Анна громко засмеялась. – Пока, мужчина, пока.

– Сама такая! – хотелось мне крикнуть ей вслед и еще добавить: – коза бородатая! – но я почему-то стал смеяться, вспомнив ложки и пробирки. Вдогонку все же высказался: – Назло фашистам, я есть и всегда буду.

Она махнула рукой и уехала на сверкающем БМВ.

Я же сел в свою грязную машину и виновато тронулся с места.

Что же нас ждет, мужики? Они же стаей напирают. Женщины, зачем пилить сук, на котором иногда сидите?

Где же тут логика? Во мне негодовало все мое мужское начало, концы всех моих патриархальных родоплеменных корней. Слава богу, инстинкт, заложенный во мне создателем, не вырвался рычанием. Подумав, я списал свой гнев на невежество.

Время придет, и мы, примирившись с матриархатом, будем безропотно облизывать ступни милых ног, как облизывают в зоопарке тигры пустые свои кормушки.

Проверив все сообщения, я поехал к друзьям – одному в Москве не выжить.

Глава 27

– Кто я без вас в своем прошлом, настоящем и будущем? – повторял я каждому, обнимая крепко-крепко мускулистые тела моих пацанов в запыхавшихся униформах.

– Хорошо, что мы не знаем о нашем будущем, – загрустил почему-то Рашид, – я, наверное, буду в раю, приходите в гости, думаю, там заграждений нет.

– Армяне поставят и веранды пристроят на балконах, – Марлен, нагруженный пакетами, незаметно пробрался к нам в подвал. – Там общепит, и такой пищи не будет. Во всем меню одна манна небесная с яблоками, а по четвергам немножко рыбки, – он важно раскладывал на столе блюда армянской и азербайджанской кухни. – Артур, племянницы Тавакуля прислали тебе питы и просили извиниться, что так скоропостижно ушли вчера. Они ждали тебя сегодня.

– Гуляем! Я настоящей питы уже век не ел! – Рашид прижал к груди глиняный, горячий еще горшочек. – А для нас там племянниц не было? Хотя, Марлен, я и без племянниц заносу тебя в список почетных жителей Москвы.

– Добавьте еще мугамы Хана Шушинского с долгоиграющими «Аман-чаман», и я всех, как шпионов, сдам за три рубля каждого, кто притронется к вражескому шашлыку! – Гена, выпятив свою грудь, придвинулся к столу, не помыв даже руки.

– Бараньи ребрышки еще больше покраснели от такой измены! – Максим взял ребро и вцепился в него зубами.

– Уничтожай припасы врага! – Армен наконец отложил свою цветную электропроводку и потянулся к плову.

– Смотри, как мина заложена, – Максим отковырял из риса золотистую курагу и съел. – Взрыва не последовало. Съедобно.

– Помойте руки перед боем, – Марлен бросил ребятам полотенце.

Пока мы ели, он уговаривал нас навести порядок в подвале его ресторана:

– Хочу варить там свое пиво.

– И как назовешь, Марленовское? – Рашид наострил уши.

– Садовническим думал назвать.

– Где пиво и где сады? – Максим со знанием дела выложил разварившуюся баранину на лаваш и завернул мясо в два слоя.

– Садово-огородническое навозом пахнет. А Марленовское в самую масть. На этикетке башню Эйфеля изобрази и дельтапланериста в полете. – Армен отложил стакан вина и на салфетке стал рисовать планериста.

– Как бы динозавры не садились, лавры дизайнера мне достанутся, – Гена поднял стакан, распыляя аромат нашего Гадрутского вина, и начал свой тост. – Что выговоришь с нашим вином, без вина не напишешь, други мои. Выпьем за Марлена, за каждый его грамм в отдельности и за все килограммы вместе взятые. Не важно, что у него снаружи, важно, что внутри. Не дует? Комфортно? Душа есть? Сердце не высохло? Кровь горной речкой? Живи и размножайся, Марлен-джан, радуя нас. А твое пиво назовем «Джаном». Джан от тоски, джан от жары, джан от похмелья. Всех видов будем выпускать. За твое богатейшее здоровье. Когда я смотрю на тебя, вижу сразу трех русских богатырей в одном лице! За твоих родителей я отдельно выпью, даже если эти динозавры не выберут меня тамадой. Что рты разинули? Можно пить, разрешаю. – Он подошел к опешившему Марлену и поцеловал его в щеку. – Запомни, этим поцелуем я все сказал.

Воспользовавшись короткой паузой, Рашид съехидничал:

– Такого болтливого тамадой выберешь, не даст и выпить. Марлен-джан, за тебя, – опрокинув вино в горло, он тоже полез целоваться.

Марлен, протирая место поцелуя на щеке, смущаясь, признался:

– Мне очень приятно вас слышать и видеть, мои карабахцы! – выросший в деревне и воспитанный на советской литературе, он не сразу врубался в городские приколы моих друзей. Но чувство излишней неловкости в общении с интеллигентными людьми не мешало ему дружить с сильными мира сего. Обладая природной смекалкой и кристальной честностью, и, главное, умением вести дела, Марлен легко покорял города и сердца людей.

Чтобы снять напряжение, я задал вопрос Армену:

– Дубровский компьютерный, а при чем тут Эйфелева башня? Затяжной прыжок дельтапланериста еще можно связать с долгим пивным кайфом, но железо, заклепки и Париж с чем закусить?

– Шлангом-то не прикидывайся, Шекспир, Рашиду я бы этот вопрос простил, – Армен вскочил.

– Артур прав, – Рашид сразу обиделся. – Мы же не виагру рекламируем, а пиво, и вдруг эта башня со ржавчиной.

– Я же говорил, у него только постельные тона в мыслях. Истинный художник должен быть выше. Выше этой башни – символа неразрывности прошлого с настоящим.

– Недаром в твоей деревне только поэты и сумасшедшие рождаются, – Рашид, довольный, налил себе остатки вина.

– А разница между ними есть? – спросил Гена.

Рашид с трудом, прерывая смех, ответил:

– Я не вижу разницы.

– А я вижу, – тихо добавил Максим. – Сумасшедшие не знают о своем душевном кайфе, а поэты догадываются. Но дурдом один для всех.

Максим встал в хор смеющихся.

Армен вытащил из нагрудного кармана завернутую в шелк медаль.

– И герои Карабаха тоже там рождаются. – Он подышал на металл, почистил его и снова бережно спрятал у сердца. – Не забывайте, народ.

Всем стало неловко.

– Цавыт таним, никогда не забудем, – Марлен обнял Армена и поцеловал его в лоб.

– И дважды герои Союза. – Армен поставил графин перед собой, поправил очки и голосом Левитана, как в микрофон, продолжил: – Сообщение совинформбюро. Когда дважды герой Советского Союза Нельсон Степанян поднимал свой истребитель, наши летчики тоже покидали небо. А какие стихи он писал. – Армен сгреб со стола салфетку, сжал, словно кепку, в кулаке, встал, широко расставив ноги, и прочел, вздымая с каждым ударением кулаком над головой.

– Любить всегда.

Любить везде.

Любить.

Шутить.

Смеяться.

Любить

И быть

В кругу

Друзей.

Вот лозунг

Карабахца!

Марлен, не дав Армену высказаться до конца, подвел итог.

– Маяковский же.

– Бахшиевич, Владимир Владимирович, – Армен тут сделал длинную паузу, – только светил, а любить и озарять – удел избранных героев. – Он очень глубоко поклонился и застыл в неудобном положении.

Чтобы вывести друга из этой немужской позы, нам пришлось подарить ему жирные аплодисменты.

– Продажные историки скомкали историю, кто его помнит, Нельсона? Только мы – родственники. Войну Кантарии и Матросовы выиграли, – Максим, видно, перепил. Он, историк по образованию, ни с того ни с сего вдруг стал обливаться такими нелитературными формами, неисторическими личностями, что нам пришлось уменьшить его пыл.

– Даже вина не осталось за нас, героев, выпить. Где справедливость?

Армен поднял пустой графин, просвистел в его горлышко, издавая нарастающий гул, похожий на гул самолета, и поставил на стол, прямо напротив бедного Марлена. Марлен сразу покосился на меня.

Действительно, это я ему советовал больше одного графина на ужин не присылать.

– Максим, вы, историки, и меня забудете, да? Кого вы делаете героем нашей войны? Мангала? Штабных крыс? Или их ****ей?

– Армен, вас они не смогут забыть, это я вам обещаю. А вином я попросил Марлена вас не баловать, не на пир прилетели, война продолжается, и не скоро она отдаст концы. Кто за руль сядет?

– Дияна. У нас водитель есть. Рашид, позвони, пусть Артур тоже познакомится с ней, – Гена весело заложил Рашида. – И о твоих дополнительных расходах скажи. Любовь того стоит.

– Одного такого друга, и врагов не надо.

– Артур, есть такая абхазка, зовут Дияна, она приедет и заберет нас до хаты.

Гена вчера трезвый нас два часа катал по городу, пока бензин не кончился. С ним только в могилу. Не доедешь.

– И где ты абхазку нашел?

– Соседка наша по дому, из Сухуми.

– Разве не грузин выдворили оттуда?

– Весь двор грузин выехал, они тоже за компанию с соседями стали беженцами.

– Кто они?

– Дияныны родители.
 – Абхазы, беженцы из Абхазии. Вот жизнь. Докатились.
 – Пять семейств цех там держали. Вместе и приехали. Газировку и в Москве можно выпускать. Вода, газ и бутылки с этикетками – две линии. Одна на Черкизовский выходит, другая на Вишневский или Вышниковский.
 – Мы тоже пьем, не отравились, – Максим показал пустую бутылку «Боржоми». – По крайней мере, лучше, чем из-под крана.
 – А не пора ли спеть нашу застольную?
 – Артур, как всегда, опередил, я сам хотел предложить спеть ее, – Максим сел рядом и положил руку мне на плечо.
 – Без моего голоса вас не пропустят в эфир, – Гена демонстративно несколько раз взял ля какой-то высокой октавы, прощупывая свое горло и присаживаясь к нам.
 – Хоть бы кто спросил, а знаете ли вы до конца эту колыбельную революционеров? – Армен никогда не скрывал своей эрудиции.
 – А без вопросов петь нельзя? – Рашид тоже опустил нам на плечи свои руки.
 – Чтобы Рашид кашу не испортил, я обязан прикрыть его, ладно, назову его неистовство связок безголосьем, – Армен обнял Рашида по-братски и успокоил его. – Без тебя заглохла бы нива нашей жизни. – Круг замкнулся. – Марлен, давай присоединяйся.
 – За компанию с вами я и повеситься готов, – он обрушил на нас свои огромные медвежьи лапы.
 Мы тихо с серьезными лицами, обнимая друг друга за плечи, создали замкнутый круг, буквально несколько секунд себе под нос промычали музыку «Варшавянки». Наши головы касались друг друга, мы были одним целым организмом, одной командой – друзьями, закалившими свои чувства в боях.
 – С Богом, с Богом в бой!
 Мы расплели руки, Марлен обошел нас, обнимая каждого по очереди.

– Тер цавы таним.

Жаль, невозможно перевести эти слова. На русском звучат нелепо – пронесу вашу боль, или вынесу, а, может, выстрадаю вашу боль.

– Сколько боли в каждом из вас, мои родные? Сколько невыносимой боли? Тер цавы таним.

Заработала беспроводная связь. Мы тихо расползлись по углам, чтобы продолжить общение душ с любимыми.

Глава 28

Дозвонившись до Марии, я услышал ее спокойный голос и понял сразу, что Аркадий Львович отделался только пролитой кровью и потревоженной растительностью на голове. Врачи вытянули продавленный череп, соединили края костей и зашили. Машина в реанимации не нуждалась, ее сразу отвезли на свалку.

Очень часто наша жизнь зависит от нескольких лишних градусов поворота рулевого колеса, скорости вращения колес и силы их сцепления с поверхностью дорожного покрытия. На дорогах, не заканчиваясь, идут войны. Погибают армии мирных граждан всех без исключения стран. Мы смелее и смелее выходим на дорогу. Люди гибнут под утреннее щебетанье жаворонков, на живописном и тихом закате нарумянившегося солнца, в прекрасный новогодний зимний вечер и даже в дни бракосочетания, прервав последним отчаянным криком лебединую песню жениха и невесты. А мы снова уходим в бой, выезжая на плаху, веруем, что сверкающий узкой дорожной лентой бесконечный нож не станет последним прибежищем наших «гениальных» мозгов.

Мои дорогие, пока землю не покрыли транспортерами, способными перемещать нас в нужных направлениях, я не советую вам за рулем читать эту повесть, а стихи писать тем более. Любой отрезок дороги пропитан человеческой кровью. Пред-

ложите прочитать эту страницу моей книги вашим друзьям и знакомым, чтобы они всегда возвращались невредимыми.

– Мария, милая моя, черноокое мое солнышко, бывают печальные истории с добрыми продолжениями. Папенька ваш выздоровеет непременно, непременно выздоровеет, ибо ваша любовь к нему сильнее. Любовь сильнее смерти. Я очень скучаю без тебя и люблю. И буду всегда любить. Ты должна это знать и помнить. И все у тебя будет хорошо. Верь мне.

– Я верю, Артур, верю и люблю, большего не требуй, если любишь.

– Я не требую, я прошу, верь мне, Мария, как веришь маме, отцу, как Майечка верит в тебя. Мне это очень и очень важно.

– Даже не сомневайся. Я верю тебе. Ты хороший, я знаю. Ты поймешь.

– Я понимаю. Ты правильная. Очень правильная. Спасибо, Мария, за все, ты мой ангел-хранитель, моя жизнь. Поэтому береги себя. И дочку тоже. Тогда я тоже буду жить. Можно? Ты плачешь? Я тоже. Плакать не стыдно. Слезы от бога. Марлен выиграл в лотерею, обещал с нами поделиться. Ты смеешься? Мне тоже смешно, но деньги мои уже в кармане, а твои пока у него. Он тебе сам принесет. Сам выиграл, пусть сам и расхлебывает.

– Артур, ради всего святого, мне страшно, когда я не понимаю тебя. Зачем нам деньги? Не надо.

– А откуда мне знать, зачем вам деньги. Не надо, так и выбросите. Я свои не выброшу, куплю тебе машину, ты умеешь водить машину?

– На даче я езжу.

– А в городе?

– Тоже получается.

– Ты молодец. Передай привет родителям, дочку поцелуй. И не скучай. Спи спокойно, рассвет обещаю вовремя. Спокойной ночи, милая. Пока.

Какая прелесть – телефон!

После телефонного разговора моя душа освободилась от чувства вины перед семьей Марии, горы камней обрушились

с плеч, стало необъяснимо легко и светло. Ребята в свою очередь после общения с родными витали рядом со мной, и только бедный и огромный Марлен, прослушав все сообщения, наконец «при всем честном народе» обругался, как может обругаться уставший от сенокоса карабахец:

– Зонтик вашей бабушки, когда этому придет конец, изнасиловали уже. Я умер, меня нет, слушайте, ну скажите им, что у Марлена тоже могут быть свои дела. Куда от них убежать. Пернуть без меня уже не могут. Болезнь ко мне прицеплена. И нет лекарств. Что делать. Родственники. Уродственники. Блин в кисиле.

Наша очередь настала обнимать и успокаивать этого необъятно приятного великана.

Убрав за собой пиршество, мы с улыбками вышли встречать зеленоглазую дочь абхазского народа.

Рашид, у кого тоже зрачки цветные, признался ребятам, что, впервые посмотрев на Диану, он увидел на ее лице свои глаза и не смог после этого отвернуться.

– Рашид, деньги на свои глаза не жалеи, потом с твоей зарплаты вычтем, – Армен тихо, чтобы Диана не услышала, отомстил Рашиду за неприличный в обществе смех.

Долго вас не буду мучить, мы скоро разъехались, и я впервые попал к себе на квартиру. Сколько можно спать в гостях?

С трудом открыв хитроумные замки, изготовленные по спецзаказу, я нашел главную кровать и нырнул под одеяло. Была бы Аннушка рядом, я бы расцеловал ее, ни что не глядя. Мой холодильник, да что холодильник, в квартире все было уютно расставлено и оборудовано для житья. Поражало то, что Анна затарила холодильник по мужскому вкусу, хотя и это, между нами говоря, уже меня не удивляло. Ай да Аня! Ай да сукин сын! Хороший ты друг.

На подносе лежал счет и телефон бывшей домработницы.

Приятно засыпать в своей постели, даже одному. Особенно, когда друзья под рукой, женщины любят, и сам к ним неравнодушен. Никакая мафия не страшна.

Почему-то вспомнил о Диане, а ведь и Абхазия уже точно не вернется в Грузию, Рашид такие там фортификационные бастилии пророеет, такие ловушки понаставит, что и пограничников не надо будет отвлекать от цитрусовых культур. Вот абхазцам повезло, я аж позавидовал им. И море, и мандарины, и еще наш Рашид туда же.

Склад менялся на глазах и приобретал нужную мне форму.

Его начинку – погрузчики и остальной хлам – я решил купить у соседей, они продали мне все это с удовольствием и за бесценок. В России все производство дышало на ладан, планомерно печатались только новые деньги и изготавливались валенки – зима наступала по расписанию, а торговля вышла к народу на улицы и площади.

Поездка к прибалтам не радовала, но мне необходимо было заглянуть в трейлер с деньгами. То, что деньги будут настоящими, я не сомневался, меня больше интересовала их упаковка и поддоны, на которые они складывались. Да и Валю надо было спасать. Жена все-таки.

Черт побери, соскучился по ласкам. Не думаю, что женщины с таким же упоением тянутся к нам. Господи, за что нам такое наказание?

Покантовавшись с одного на другой бок и обратно, с трудом подавив в себе звериный зов самопроизводства, я неудовлетворительно заснул.

Но во сне черти оказались сильнее моей человеческой гуманности, они в образе обнаженных фей самым безобразным образом растлили мое невинное тело. От стыда просыпаться не хотелось, и если бы не гимн, заполнивший всю квартиру звоном медных тарелок, извлекающийся из дверного замка, я бы точно не встал.

Горничная пришла. Я ее оглядел. Если бы коммунаки разбирались в экономике так же, как и в своих домработницах, производственные отношения в стране не пострадали бы никогда. Они бы всегда развивались самым что ни на есть интимным способом, выполняя план.

Пока я принимал душ, завтрак в постель и мои новые тапочки были в приглядной форме и готовые к использованию. Она хотела еще и побрить меня и помассажировать, но я не дался, просто увеличил ей жалование, компенсируя ей отпуск в связи с кончиной власти.

– Галина Семеновна, в моей квартире есть тайники? У меня нет времени самому до них докопаться.

– Конечно, Артур Александрович, – она провела меня в ванную комнату, пустила воду и затем легко продавала одну из керамических плиток в стене, – тут покойный держал разные документы. Воду надо открыть, давление защелкивает вот эту задвижку, – стряхивая с волос брызги воды, она со знанием дела открывала и закрывала вход в небольшое хранилище.

Убедившись, что я сам справлюсь с задвижкой, она провела меня в гостиную, открыла застекленную дверцу блока, где на полках перед зеркалом были выстроены хрустальные Кремль, памятник Минину и Пожарскому, и, не дав рассмотреть, протолкнула весь хрусталь с полками и зеркалом вглубь стены, открыв дверь в зияющую пустоту с холодным свежим воздухом. Этот фокус меня немножко удивил.

– Не удивляйтесь, заходите, там очень удобно, можно даже читать.

– И туалет, рядом, да.

– Вы знали об этом тайнике, – она мило улыбнулась. – Вы проверяли меня, Артур Александрович, я не намерена терять работу. И не так воспитана, к сожалению. Хозяин мне, по крайней мере, доверял.

– И вы часто подслушивали его гостей, когда он оставлял их одних?

– У нас не было секретов с ним.

– А с вами, извините, он был откровенным? Почему я вас не знаю? Странно.

– Я – пророк, и вы не могли меня знать, – мы улыбнулись друг другу, как старые и надежные партнеры.

– Все тайны остаются в силе, я хочу, чтобы вы работали со мной и были мне преданы. С моей стороны любви коммунистической не обещаю, но платить буду твердой капиталистической валютой. Если со мной что-то случится, вас не оставят без работы, доверьтесь мне, как доверяли ему.

– У меня нет выбора, дорогой мой, я умею хранить тайны.

– Вот и хорошо, тогда и проблем у вас не будет.

– Куда ведет выход из этой кельи, не в женский ли монастырь?

– Скорее всего, в кошкин дом, на крышу, все предусмотрено, мастера были из смертников, их тайны уже на том свете. Такие были времена.

– Да, в удивительное время мы с вами живем.

Я поцеловал ее руку и оставил с поцелуем годовую зарплату учительницы старших классов московской школы. Бедные мои учителя, вам еще долго придется копошиться у подножья этой пропитанной подлостью страны.

Глава 29

Воскресные шашлыки перешли в воровской сходняк. Шущера, гремя золотыми цепями, окружив кольцом Юрину дачу, стоя, принимала вовнутрь большие жирные куски свиных ребер, а седоволосые заложники своего закона, сидя под навесом, общались друг с другом, обдумывая каждое слово, скрестив под собой уставшие от свободы и высохшие в одиночных камерах «кегли». К ним примыкала пара недавно титулованных жуликов, которых можно было легко спутать с солистами «лесоповальных» групп. Круг своим «Северным ветром» замыкал это преступное братство, со всеми его атрибутами – от боссов до шестерок и сил правопорядка, откормленных, но не племенных быков. Между ними, оголив, несмотря на морозный день, окорока, путались облитые перекисью «телки». От них воняло купажом русской водки с французскими духами.

Солнце, не обращая внимания на растопыренные веером пальцы, сачковало и вскоре совсем спрятало свое лицо небесной национальности в подмосковных облаках, хотя и этих летучек, при большом желании, можно было бы разогнать соседним авиаотрядом.

Чтобы мне не было скучно, Радий проявил наконец свою активность:

– Вот он, надежда шахтеров, наш депутат Артур! Что как не родной, не стесняйся, композитор, уважаемые люди хотят с тобой пообщаться.

Я подошел и со всеми за руки поздоровался.

– Мы Радию доверяем, он и без короны хляет. А за тебя, братишка, мы свое слово скажем кому надо, – возникла пауза. Держатель люберецкого общака Комар оглядел присутствующих помутневшим от инъекций кокаина взглядом, – Фортанет, и тебя уважать будут в России-матушке. Наше слово всем словам слово, братишка.

Воры нехотя закивали своими «котлами». Они не знали, что за фартом цветет мегатонна зелени.

Все-таки два насекомых – много под одним навесом. Муха тоже это, видно, понял и пересел на иглу, приготовленную Лосем на кухне.

Почиририв с ворами и забрав свой прикид у Радика, я оставил позади пушистые белоснежные поля и вернулся по скользким подмосковным дорогам в столицу, к почерневшему застывшему снегу, где государство, став частью банд-формирований, планомерно распределяло богатство народа в пользу личного капитала отдельно взятых черно-белых представителей нацменьшинств.

И русские, сломавшие великим агрессивным народам шеи о свои стальные клинки, с любопытством кроликов взирали на этот беспредел, на эту разгулявшуюся вакханалию иностранной интервенции в экономику страны. Жаль, не знали они тогда, что на их деньги нерусские дяди с кривыми ногами будут гонять мячи по ухоженным заморским полям и спускать

огромные яхты на воды самых престижных мировых курортов. Гуляй, Вася, гуляй!

Несколько раз перепутав знакомую дорогу, я наконец остановился и только с помощью карты определился с координатами. Заносило здорово. В голове одновременно рождались неспрягаемые мысли, и, видно, от этого мозговое вещество не успевало обрабатывать поступающую информацию, что в свою очередь приводило к сбою всей моей внутренней навигационной системы. Определив причины своих ошибок, я позвонил Щербаку.

– Коля, Коля, Николай, сиди дома не гуляй, – Николай свой воскресный день, как истинный христианин, проводил в кругу своей семьи. – Коля, можно еще раз доверить тебе свою жизнь? И не суетись там, я все принесу. Жизнь все-таки...

Поцеловав племянницу Марлена в щеку, я загрузил машину провизией и цветами.

Продащицу цветов не поцеловал, пожалел ее белила на лице.

Коля меня встречал у подъезда в пиджаке и в шапке. На ушанке от кокарды осталось светлое пятно, след прошлой жизни. Мы обнялись.

– Артур, зачем эти пиршества? Неужели ты думаешь, я не в состоянии принять друга?

– Не кизди, дружище, вперед и с песней!

Дверь открыла нам жена Николая Светлана, она с испуганными глазами смотрела на нас, пьяных от счастья, трезвых мужчин.

– Если хозяйка дома не улыбнется, я должен буду уйти, извините – кавказский этикет!

– Свет, это Артур, помоги накрыть стол и улыбнись, женушка, а то он уйдет, он такой.

Наконец Светлана улыбнулась и протянула мне руку.

– А я вас знаю, – она положила свою обстиранную до абсолютной белизны руку на плечо Щербака. – Коль, вы садитесь, я сама справлюсь, а я вас с бородой представляла. Коля в каждом письме подробно о вашей дружбе писал.

«Одной мебелью я тут не отделаюсь», – подумал я, опуская полные пакеты на кухонный стол.

– Колюн, ты мне друг или портянка? – Я приблизил свои глаза к его глазам, аж носы соприкоснулись. – Дай посмотреть, ты не изменился? А вдруг капиталистом стал?

– Что-то ты, Артур, мне не нравишься, случилось что? Москва, она капризная матрона, ошибки не прощает, успел уже познакомиться? Давай докладывай как на духу, вместе веселей распутываться.

– Матроны твоей не боюсь, брат, люди опаснее.

– Наехали?

– С этим тоже порядок.

– Что тогда?

– У тебя в аквариуме друзья остались?

– Всех же не погнали.

– Друзья, говорю, не портянки.

– Светкин брат тебя устраивает? Капитана недавно присвоили. Говори, Артур, покайся, фидаин.

– Мне бы такую память, Коль, не могу «Варшавянку» запомнить до конца.

Стол преобразался на глазах. Раздался детский плач и звучал все громче и громче, один ребенок не смог бы так поплакать – многоголосьем.

Пока Света шла к закрытой спальне, оттуда высыпали маленькие Колюшки – трое малюток, один меньше другого, смешные, с открытыми белыми пузиками, и у всех голубые глаза.

– Бесперывное производство! – я вздохнул и заулыбался.

Пока Света поднимала на руки самого голосистого, двое других уже обнимали ноги папочки, спросонья ежась и протирая заспанные васильки.

Я протянул со стола им по мандарину, они посмотрели на Колю и, увидев его одобрителный кивок, смело занялись работой.

На одном из них были мокрые ползунки, и Коле тоже нашлась работа.

Он их менял с профессиональной сноровкой. Практика – мать учения.

– Не будем, детки, мешать взрослым, пойдем переоденемся и тоже покушаем своей вкусной кашки.

Пацаны неохотно последовали за мамой.

Я тихо говорил, Коля внимательно, без вопросов, дал высказаться.

Наконец он стал похож на себя, в его глазах засверкали зеркала.

Он пару раз не сильно постучал кулаком по столу.

– Может, не будем рисковать, Артур, сразу окольцуем?

– Тебя разве этому учили?

– Не хочешь жить, Артур?

– Пока не знаю. Главное, ребят вывезти плавно до аэропорта с нашей долей и шахтерские принять по описи. О себе я сам подумаю, обещаю.

– Эх, Родина – Уродина! – Коля еще раз постучал по столу. – Русь, когда ты опомнишься? Послужим еще.

В дверь позвонили.

– С мебельного магазина, Артур, тебя спрашивают, – в Светином голосе опять появились тревожные нотки.

– Пока я с детьми поиграю, поцелую их пузики, вы с мебельщиком решите, что будете покупать. Карабахский банк «Возрождение» выделил вам кредит на покупку мебели и самой лучшей стиральной машины «Мойдодыр».

Трое москвичей разглядывали меня, словно Джоконду, мне пришлось улыбнуться.

Детки, дядя Артур о вас не подумал, извините, голубоглазые, я обнял всех троих и закружился с ними, как на карусели. Они с радостью и тревогой хватали ртами воздух, цепляясь за меня своими ручонками.

– Полетелиииииииииииии ...

Пока я играл с детьми, дизайнер из мебельного успел измерить внутриквартирное пространство вдоль и поперек, правильно советуя Свете выбрать самую дорогую мебель.

– Хозяюшка, прислушайся к голосу специалиста, у настоящего дерева долгая жизнь и аромат леса, – поддержал я дизайнера, выпустив из рук самого маленького карапуза, который, визжа от удовольствия, чуть не сбил с ног притихшего отца. – Коля, неужели моя жизнь не стоит нескольких деревьев, не молчи, пожалуйста, и спальню выбери сам, советуюсь с женой. – Я поднял старшего ребенка на руки. – Решите, куда вывезти старую мебель, и магазин отвезет ее куда надо, все уже оговорено в договоре, и деньги переведены.

– За наш сервис не беспокойтесь, – разглядывая остатки ужина, с гордостью произнес дизайнер. – Мы и стиральную машину доставим с установкой, но, извините, не «Мойдодыр», это, наверное, последняя разработка и на маркет еще не поступила. Жаль, меня не предупредили, я бы взял каталоги.

– Отлично, отужинай с нами, может, в последний раз, вдруг ваш сервис нам не понравится, – я похлопал его по плечу. – Не бойсь, Михаил, шучу я, ванную комнату только не забудь измерить.

От Щербаковых я уезжал в прекрасном настроении, добрые дела, в первую очередь, мы делаем для успокоения собственных душ, для своего удовольствия. Добро нигде не затеряется, не заржавеет. Рано или поздно оно возвращается улыбкой, песней, рассветом и даже жизнью.

Глава 30

Я оказался прав, позвонила Мария, Аркадий Львович пригласил меня на чай, и я, изменив маршрут, поехал к Ашоту за цветами.

Пока он выбирал букет, я купил Майечке плюшевого слоненка, такого огромного, что он не держался на своих четырех пушистых колоннах, зато на нем, обняв его мягкий хоботок, можно было с удовольствием поспать. Игрушка была изготов-

лена финнами, и ее бирюзовый цвет не удивил меня, хотя пушистый хвост слоненка вызывал подозрения.

С такой вот мягкой игрушкой и цветами я постучался к своей любимой.

Добро отличается от бумеранга непредсказуемой обратной скоростью и часто пропорционально массе вложенной в нее души. Я на Нобелевскую не рассчитывал, но мне было о чем поговорить с известным русским физиком – отцом единственной моей любви.

День, начавшийся с песни «Владимирский централ», заканчивался не менее знаменитым танцем с саблями, в котором для безопасности последние были заменены на серебряные ложки времен царского застолья.

Львович остался доволен моими школьными знаниями по общей физике, но этого оказалось недостаточно, чтобы претендовать на роль родственного тела. Райские яблочки с хрустом исчезали из маленьких хрустальных розеток, я смотрел на Марию и жил надеждой видеть ее каждый день и называть своей женою.

Маия уже спала, спрятав свои ручки в слоненке, когда я, поцеловав ее носик, поехал жить дальше – один.

Оставляя на моей щеке поцелуй, Мария попросила дожидаться благословления отца. Роза Борисовна была уже на нашей стороне.

Женщину, послушную воле отца, я готов был ждать всю жизнь. Поглаживая место поцелуя, я ехал по Садовому кольцу и слушал музыку самого хулиганистого композитора прошлого века – моего любимого Стравинского. Я представлял себе огромную сцену, на которой в разложенных постелях артисты Большого, все без исключения, танцевали главные роли в сумасшедшей любви, и сам Григорович, в одеянии Бога, направлял на них свет, вырывая из темноты то одну, то другую пару извивающихся тел. Восторг и овации раздирали московские крыши. Я слушал и видел музыку гения, а смущения светового фона не заметил. Разорвав накалившиеся до предела струны си-

ренами, дорогу перегородила патрульная машина, сверкая фарами, как иллюминация казино. Что ж, поиграем.

Бросив на переднюю панель красное депутатское удостоверение, я добавил звук в «Колыбельную для кошек» и, не обращая внимания на милиционера, стал дирижировать, очень легко и вдохновенно, невидимым струнным оркестром.

Не сводя глаз с депутатской книжки, гаишник попытался отвлечь меня от музыки, но я, приложив указательный палец к губам и покачивая головой из стороны в сторону, прошептал очень тихо, почти не слышно:

– Потом, все потом, тихо.

Не знаю, понравилась ли ему музыка, но мое присутствие на его делянке явно не устраивало постового, он указал мне vareжкой очень доходчиво, мол, гони с моего перекрестка, Паганини, не до колыбельной, смена в полном разгаре, а у меня ни в одном кармане.

Мне пришлось подчиниться его воле, и я, засунув голову в улей Стравинского, уехал с пересечения дорог. В нотах не было ни тревоги, ни страха, на них не давили пределы государства и власти, одно лишь вдохновение гения витало в салоне машины, заставляя радоваться непредсказуемости его сложнейших ритмов. С каждым новым полетом смычка сердце подпрыгивало от удовольствия, нехотя возвращаясь от диссонансов к внутренним органам, к их вынужденной гармонии.

Мельчают люди, мельчают. Творчество как проклятие. Вдохновение выкорчевывается из личности, а рыцарские доспехи ржавеют у лавочников. Они контролируют рынок, финансы, жизнь.

Продюсеры. Продюсеры светопредставлений, прячась за занавесом, крутят сцену, подставляя нам своих артистов. Пушкины, Есенины, Шукшины и Высоцкие затягиваются одной петлей и издаются после смерти.

Земля живая, она дышит и не хочет рожать гениев – бережет их от издевательств и унижений. Люди мельчают, обустривая свои клетки.

На дверях все тяжелее замки. Скоро союз родителей и детей будет скрепляться договором. Дышать и любить будем с адвокатом.

Я не хочу и не буду. К черту адвокатов, судей тоже. Они нужны преступникам.

Нарастающий гул движка укротил мои страсти. Включив, наконец, нужную скорость и успокоив машину, я поехал к ребятам спать.

Дверь открыла Диана в цветастом фартуке:

– Нам не хватало олимпийского чемпиона, Артур, вас теща любит, – она меня поцеловала в щеку и помогла снять пальто.

– У нас праздник, день рождения отмечаем, вы вовремя, я только вытащила гуся из печки.

– Он тоже олимпийский? – я не смог скрыть восхищения и гордости за друга.

– Диана! – раздался голос Рашида. – Как ты долго, сейчас гусь улетит.

В квартире былолюдно, шумно и весело – русско-армяно-грузино-абхазская речь лилась с вином, пахло печеными яблоками.

Ребята меня обнимали, словно не виделись сто лет, будто не увидимся больше. Мне тоже нашлось место за столом, досталась синяя кружка с Пятигорскими горами и даже вилка с тарелкой. Диана водрузила на стол огромного обжаренного гуся с надписью на брюхе из красного кизила «Гиви от одноклассников».

– Сухумским рейсом к нам прилетел и никуда уже не улетит, – Диана разрешила нитку, скрепляющую гусиные ножки, и добавила специй, разрешила Рашиду разделать птицу. Пока тот расчленял гуся, Гиви-именинник взял слово и со слезами на глазах произнес тост.

– Уважаемые родители, братья и сестры, гости, я счастлив сегодня и даже плачу, не стесняясь слез. У меня было много дней рождений и в лучших ресторанах в Сухуми, и на озере Рица, и даже в Афонской пещере я отмечал его с друзьями и пил вино из фамильного хрусталя, но я тогда от счастья не пла-

кал, клянусь, сегодня я пью из бумажного стакана, но я счастлив и знаете почему? У меня есть вы, мои братья и сестры, я у вас в гостях, на своем дне рождения. Живите и здравствуйте, мои дорогие. Тогда в Грузии мне казалось, что мы лучше всех и веселее, и все такое, извините за откровенность, и только здесь, на чужбине, я понял, каким смешным и глупым тогда был.

Он стал говорить на грузинском, потом на абхазском, и на армянском добавил, что знает и любит армян. Он пил и обнимал всех по очереди, и говорил всем спасибо, и вдруг запел чистым красивым голосом, громко, о Грузии и о любви.

– Лалейби Лалейби Дивли дала лалейби ...

Его голос подхватили, и уже хор юношей и девушек Кавказа пел и танцевал под громкое хлопанье присутствующих родителей и гостей.

Я тоже, забыв все на свете, танцевал лезгинку и кричал: «Ас-саааааа...»

Поспать немножко удалось под утро.

Пока Диана разогревала остатки ужина для завтрака и сонные ребята толкались в ванной, мы с Арменом спустились во двор. Машина за ночь покрылась слоем снега.

– Поедешь с нами посмотреть склад?

– Нет, сегодня не смогу. Когда, думаешь, можно будет завозить бумагу?

– Артур, максимум через неделю. Осталось покрасить и мусор выгрести. Без премиальных тебе не обойтись.

– Знаю, старик, молодцы. Научились погрузчиками управлять?

– Да че там управлять, уже с разворотом поднимаем поддоны.

– Хорошо. Ловушки твои не подведут?

– Все перепроверено, и дубли на всякий заряжены.

– ФСБ офонареет от твоих схем.

– Им только кассета с записями останется, остатки проводки с железками и запертые злые монголы с мусором, если, конечно, скифы сунутся к нам.

– Сунутся, сунутся, не беспокойся. 20 минут вам хватит перегрузить и отъехать от склада?

– Вполне, мы за 10 управимся. Лишь бы выходы из города не перекрыли.

– Когда перехват объявят, вы уже будете в самолете.

– Дай Бог.

– В аэропорту Мангал встретит. У него плановый самолет с разрешением МВД. Все законно вроде.

– На каком траке привезут, узнал?

– Нет, скоро узнаю. Двойник не проблема, за полдня найдем и трейлер, и поддоны – все продается, купим.

– Здорово повеселились вчера.

– Ассaaaaa!!!

– Ассaaaaa!!!

Побросав снежки друг в друга, мы поднялись к ребятам. Они уже чавкали за столом.

Ребята косились на Армена, чувствуя, что не даст им пострелять, но в тоже время восхищались его умением планировать бой и всегда легко соглашались с его решениями. Военная кафедра Ереванского политехнического кое-чему научила нас, и мы, офицеры запаса, не признавали достижения победы любыми путями, продвигались к ней, стараясь достичь превосходства без потерь. Жаль, что не всегда это удавалось, и пластилиновые панорамы будущих боев не могли предвидеть заложенные на реальной местности неизвлекаемые мины и траектории их полетов над нами. Не каждому улыбается счастье в бою, не все возвращаются из боя, не все...

Какое счастье завтракать с друзьями. Мы шутили, смеялись, вспоминали студенческие годы, чего и кого только не вспомнили, смешного и грустного, все было – и счастье и любовь, и настоящая дружба.

Один смешной случай я все же расскажу вам.

В один прекрасный воскресный день, когда мы наскребли из своих студенческих карманов всю имеющуюся там наличность и поняли, что ее хватит только на пачку сливочного мас-

ла, а нам так хотелось попить пива с жареной картошкой, мы не долго думая расползлись по этажам и стали стучаться к знакомым студенткам просить у каждой по картофелине, мол, Гена пальцы обжег, и если приложить к ним нарезанной картошки, его мучения будут не такими ужасными.

Не во всех комнатах хранилась картошка, но на обед мы все же собрали достаточный урожай.

Рашид – большой любитель жареного лука, умудрился попросить луковицу и на недоумение ответил: «Гена внушил себе, что лук лучше картошки помогает и от него раны потом не видны».

Такой разноцветной кожуры я больше не видел. Разного цвета картошка растет в Карабахе. Пока Гена чистил и жарил ее, мы успели выиграть пива, обыграв в футбол кафанцев. Какое вкусное было пиво и картошка – не передать. Спасибо партии за наши счастливые студенческие годы, хотя она так и не приняла нас в свои коммунистические ряды, не разделяла с нами своей руководящей линии.

Душой мы были всегда с ней, да и самой сокровенной частью тела тоже.

Глава 31

Я уехал от ребят забирать у Радика прибалтийского гонца. Его уже встретили как полагается, провели по злачным адресам, и осталось убедить его в способности русской мафии конвертировать кубометры «деревянных» рублей в ценную государственную макулатуру.

Моя волшебная папка была затарена тремя разными документами, готовыми в любой нужный момент засветиться. Два одинаковых письма на имя управляющего Агропромбанком Гонщикова, одно из которых было уже завизировано поддельной его подписью о согласии провести эту банковскую операцию, и готовый текст нашего интервью для «Треугольника».

Сестра секретарши уже числилась моим бухгалтером и за мой счет готовилась провести Новый год в какой-то Майерке под пальмами.

Трудностей не предвиделось, мне предстояло ознакомить гостя сначала с голым письмом, затем самому войти в кабинет банкира, оставить там копию статьи и выйти со сверкающими зубами и с подписанным «художниками» письмом. Делов-то?

Я один справился бы за несколько минут, но с ним, с этой рыжей черепахой, только в гардеробе мы застряли на целую вечность.

Еще одну вечность мы поднимались по лестницам. Как они там, в Прибалтике, успевают прожить свою жизнь, ума не приложу ни к какому месту.

Пока он усаживался в приемной в кресло, я успел рассказать Тамаре на ушко самый длинный анекдот про заикающегося латыша. Она меня от греха подальше провела к Гонщикову, смеясь и сотрясая воздух полной обтянутой грудью.

– От-лич-но вы-гля-ди-те, – вдруг фашист заговорил, обращаясь к секретарше. Я скрылся за дверью, еле удержав папку в руках.

Все прошло благополучно, с естественной улыбкой на устах.

Радик и компания должны были присоединиться к нам после визита в банк и отметить предстоящую сделку у меня на квартире, там подготовка шла полным ходом. Все потайные ходы были проверены горничной и подготовлены для приема гостей.

Галина Семеновна умела угождать Хозяевам.

После торжественного ужина «черепаху» бизнес-классом «шестеренки» отправили обратно в «аквариум», а я, оставив моих дорогих гостей – Радика, Муху и Лосю – без «присмотра», собрался уехать под предлогом любовной встречи с секретаршей.

– Постелей всем хватит, оставайтесь. Вернусь, вместе позавтракаем, если не захотите остаться, захлопните дверь. Не прощаемся.

Надушив себя и немножко Радика, я поехал на склад.

О чем будет петь трио? Послушаем попозже.

– Наглый твой земляк, как танк, музыкант недоебанный, места всем хватит. Он мне место будет указывать цыфын, пидыр. Зверь, ты все обшманал, он нам уши тут не оставил, мент скрипичный?

– Чистоган, батя, бля буду.

– Убью, нахуй, сам. Хату купил себе в малине. Места, говорит, всем хватит.

– Не гони, Серега, дай разобраться. В концовке подчистим следы.

– Успокойся, братан. Лосик, джан, проверь и простукай стены, твой Фазатрон не лажанет?

– Вы за кого меня держите? Первяк, что ли? Говорю же, чисто.

– Что за карабахские? Что, не армяне, что ли?

– Армяне, да с понтами. Они до *** героев Союза родили в этой большой войне с немцами, маршалов: баграмяны, бабаджаняны – все с деревни.

– Ну и *** с ними, с лампасами, тут, нах, мы разводим, не так, Лось?

– Натурально, еще как.

– Мерс оставим тебе, отольешь его мозги карабахские кулаком. Места на Ваганьковском хватит. Падла, Вору места указывает.

– Я его левой заделаю, батя, за твое здоровье, не нервируйся.

– Погнали, не хочу его жратву нюхать. Радик, они в натуре азиков прокатали, эти же как крысы разводятся – их же до *** и больше миллиона. Сколько этих карабахских ишаков? Сколько тысяч?

– Их невозможно считать, они на месте не стоят.

– Ни *** се крутятся. Погнали, не будем стоять, Лось, ключи слепи, пригодятся.

Стенографический отчет Галя передавала мне дрожащими руками.

Но получив нераспечатанную пачку долларов, немножко успокоилась и, вытерев слезы, уехала.

Я разрешил себя поцеловать, может, в последний раз меня целует женщина?

Перечитав вдоль и поперек этот лист, пахнувший смертью, я подошел к окну и распахнул его в ночь.

Прекрасен Кремль зимой, его румяна, подсвеченные снегом и электрическим светом, скрывают старину кирпичных стен, делают их сказочными. Лист, долго не желавший гореть, наконец вспыхнул и, превратившись в золу, оставил на хрустальной пепельнице черное пятно человеческого зла. Откуда оно берет свое начало? Ложь. Зло. А ведь в каждом из нас они присутствуют. Вы тоже не знаете? Вот и я не знаю.

Господи, сделай нас лучше. Хотя бы на чуточку, пожалуйста. Мы же должны быть, как ты. Неужели мы, как ты?

Радий, и ты, Брут, предал меня? И ты? Мне жаль тебя.

Я опрокинул сумку с валютой на блестящий гладкий паркет, пачки расползлись во все стороны зелеными пауками и застыли. Из-за вас, пауков, все в мире не по-божески. Будьте прокляты, таланты и динары, доллары тоже, пиастры... Писты. Суки.

Что вор-то к ишкакам придрался. Нормальное домашнее животное, вкалывает, как лошадь, и почти не ест. Козел ворованный, поживи в горах по-другому, заблеешь. Художница права. Как дрочил у хозяина, так и будешь продолжать.

Мне стало легче. Угрызения и противоречия, мучавшие меня, сменились боевым азартом, смертельным куражом, вдохновением.

Я спустился к машине и поехал навстречу смерти, притопив стекла в двери, разогнавшись, зубами хватал потоки встречного воздуха. Замелькали старинные московские особняки. К их фасадам прижимались экипажи с разгулявшимися гусарами. Они мне махали шампанским, а дамы в шляпах, зажатые корсетами, посылали мне воздушные поцелуи.

Меня очень поздно родили, с удовольствием родился бы на пару веков раньше. Хочу назад, назад к этим дамам, падающим от любви в обморок, к их маленьким ножкам и бледным ручкам. Ах, где же ты, моя Анна Керн? Буду искать твое божество и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь.

Сиденья стали покрываться снегом. Почувствовав, наконец, холод, я остановился на набережной у старинного особняка, поднял стекла и на всю мощь включил кондиционер. Пока возвращался в свой век, в окно грубо постучал человек в форме охранника, при этом он что-то кричал мне в окно, показывая на вывеску английского посольства.

– Вы мне на х...й не нужны, – подумал я. – Улица тоже ее шляпой накрылась?

– Сейчас наряд вызову, давай, вали отсюда, вон знак стоит, слепой!

– Ты окулист, – я протянул руку к его кадыку. – Не дыши ливером на меня, развернись и иди. Иди, пока Николай Николаевич не закрыл твои жалюзи.

– Сейчас я тебе шляпу покажу! – он удалился в свою конуру.

Лающие моськи на Руси портят ее великие и светлые просторы, плюя в наши души, опускают свою Родину до уровня бесплодных и голодных степей. Сколько труда придется вложить потом, чтобы вернуть на этот уровень влагу жизни, рассвета.

Моя ласточка послушно набрала скорость и поехала дальше.

Знак стоит. Ненавижу все знаки, со всеми препинаниями, не хочу препинаться как школьник. Неужели не ясно, к кому обращаюсь, нет, надо выделить запятой. Для кого выделить, спрашивается? Такому неучу? Дай ему чуточку власти, так он заставит особыми знаками его выделять, а сам стоянку от остановки не отличит, не поймет, где указательные знаки, а где предписывающие. Знак стоит. Вижу, что ничего, кроме знака, у тебя и не стоит. Как они не догадались на прилегающих улицах движение пустить левостороннее – по-великобратански, и фунтики стричь – не пойму.

Скорей до постели – не до правил. Пока мы быдло, за нами глаз да глаз нужен, плюнул – плати, выбросил окурочок – в зубы, обосрал – слизывай.

Пока этику с эстетикой не переварил – из пещеры ни шагу.

Неочеловеченное общество должно быть под пристальным взглядом Николая Николаевича, без него даже в раю грех, ценю Явлинского.

Глава 32

За двумя голыми обезьянами не усмотрел, как же тебе, Господь, должно быть трудно, когда столько фокусников и прикрытий кругом.

Меня разбудила Галина Семеновна, она уже колдовала на кухне, когда я, наконец смыл с себя под душем вчерашние мысли, свежий, предстал перед ней.

– Они убьют вас, Артур Александрович, – она отвернула огорченное лицо, ее плечи стали медленно содрогаться.

– А я воскресну, – ответил я, обняв ее за плечи и прижав стройное и крепкое, несмотря на забальзаковский возраст, женское тело к себе.

– Да? – она, вытирая слезы, подозрительно посмотрела на меня своими блестящими глазами.

Мы улыбнулись.

Я слизал остатки соли на мигающих глазах Гали.

– Галь, ты замужем?

– Нет, – удивительно быстро ответила она. – Даже не пыталась.

От моего смеха зазвенели хрустальные бокалы в стенке.

– Не пыталась, а что, это пытка?

– Кому как, – она встала на цыпочки, дотянулась до моих губ и прикоснулась к ним.

Чтобы не дать теплу спуститься от губ вниз, я дотронулся до горячей сковородки, на которой светились три маленьких яичных солнышка в белых ажурных кружевах.

– Галь, извини смертного.

Она спрятала глаза у меня на груди, и ее плечи снова задрожали.

– Галь, ты мой ангел-хранитель, я люблю тебя и буду всегда любить, договорились, милая, можно, я тебя буду любить?

– Да, ты хороший, не как все.

– Знаю, милая, но не настолько, как ты думаешь. У тебя очень соленые слезы. Проверь свою соль.

Она с подозрением снова посмотрела на меня. Сколько тепла было в этом ее удивительном взгляде!

Позвонил Радий. Рига звала нас в гости.

– Полетим вечером, Радик, я должен днем созвониться с «Муссолини». В Риге мне, как депутату, необходимо встретиться с соотечественниками, чтобы из русских местные не сделали терпил. Мы предоставим им «крышу» на самом-самом верху. Если ссученное правительство от своих граждан откажется, нам придется самим с местными пацанами разводить концы. Я знаю, как перекрыть прибалтийским государствам кислород.

Радик сначала не врубился, но быстро сообразив, дал добро, попросив только не делать длинных музыкальных пауз в замороженном союзе.

Я обжег пальцы, и боль не прекращалась. Напрасно Галя поппикала их какой-то зимней струей. Боль была в сердце. Оно старалось разделить со мной тревогу.

Слишком логичным был план Армена. Один чеченец – уже армия. Его невозможно победить. Убить – да. Его поведение не измерить логикой простого смертного. Неужели ребята решили воевать? Холодный пот выступил у меня на лбу. Не извинившись за скомканный завтрак, я помчался на склад. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, набрал телефон ставки либералов.

– Либералочка, соедини меня с Дуче, срочно, скажи, Артур Александрович. Время не терпит, я жду.

Поставленный и уверенный голос «Муссолини» чуть не сорвал мои перепонки с петель.

– Что там, у помощников, горит?

– Русские горят в Прибалтике, я вечером выезжаю. Будем в Риге строить баррикады, под вашим флагом. Сделайте одолжение...

– Уже год я этим импотентам в Думке поднимаю аналогичный вопрос. Бесполезно. Никаких признаков. Даже не шевелятся. И я поеду на баррикады, Флаг вам в руки. Курс правильный. Прессу потянем, газеты, рупора. Дадим знать наших.

– Преждевременно не будем дразниться. Пошли Митрофанушку, он под прессом толково базарит. Необходимо послезавтра собрать под теплую крышу наших, мне есть что сказать от вашего имени русскому человеку.

– Так-так, а что?

– Для начала фундамент русской школы зложим, думаю, наша партия сможет поднять стены, остеклить, а крышей пусть Минобразование России займется.

– Правильно.

– Там, смотришь, и вашим именем ее назовут. Звучит как набат, Русская школа имени Дуче.

– Так, может, сразу университет или пирамиду, чтобы на века, масштаб мой не школьный, Артур. Имя твоё королевское, а мыслишь по-школьному, помощник. Эх, был бы ты русским, тебе бы цены не было.

– А сколько, по-вашему, я сейчас стою?

– Этот вопрос к моему бухгалтеру, ко мне вопросы есть?

– Выходит, договорились?

– Выходит, у тебя. Поздравляю.

– Тогда партийный привет.

– Привет.

– ЛЬЕбилизаторы всех стран, соединяйтесь!

– Что?

Я отключил связь. Общение с гением мне пошло на пользу и немножко успокоило.

Со стороны всегда виднее, мое появление в подвале смутило ребят, они, побросав инструменты, обступили меня.

– Что с тобой, Артур, ты не в себе?

– Что, варвары, пострелять охота? Да?

Ни звука.

Они вдруг словно воды в рот набрали.

– По-армянски спросить? Как дети вы, клянусь.

– Десять минут боя ничего не изменят, сто раз мы все посчитали.

– Армен, и это ты мне говоришь? Всем бы простил, но ты, ты...

Я обнял его. Он виновато уворачивался от объятий.

– Мы допросились, зачем мы здесь тогда? – Максим перешел в нападение. – Склад ремонтировать?

– У нас достаточно времени? Мы все успели бы. – Гена дал о себе знать.

– Так хотелось с настоящими воинами в честном бою встретиться.

– И ты туда, Рашид? Честного боя не вышло бы. Все равно у нас преимущество.

– Конечно, туда, но наше преимущество ничто перед преимуществом их атаки. – Мы все разинули рты.

– Суворов, – я с трудом выговорил одно слово. – Я не хочу слушать о войне, точка. Вы сегодня здесь, а завтра все должны вернуться домой с победой. Варвары-варвары. Варвары они, варвары. А вы? Мне вечером в Ригу. Прошу к моему возвращению поменять те две декоративные двери на массивные, железные. Показать их, или поняли? С романтикой лучше в постель. Наша кровь не должна пролиться, Армен. И это в первую очередь. Ты отвечаешь за операцию. Я могу спокойно делать свои дела, не оглядываясь?

Прекрасно. Ваше молчание звучит согласием.

Я обнял каждого и каждому в ушко нашептал: «Не будь варваром, брат».

– Уговорил, – Армен покосился на ребят и развел руками. – Я сделал все, что смог. Сами свидетели.

– Попытка не пытка, – отпарировал Макс.

Я уезжал от них, счастливый и голодный.

– Поеду к Гулливеру, соскучился по его лапам, – решил я и завернул на набережную, по которой бампер в бампер ползла длинная вереница машин.

Потолкавшись несколько минут в пробке, я выскочил из нее и поехал переулками к своей сестре-булочнице. Оказалось, вовремя. Она, в чернобурых мехах, уже садилась в правительственную волгу с цветными номерами и с мигалкой. Огромный здоровяк благородно открывал заднюю дверь черной, ухоженной до глянца машины.

– Артур, я подумала, вы забыли о сестре, – она поцеловала меня и провела своими мягкими пальчиками по щеке. – Володенька, познакомься, это и есть наша семейная реликвия, каравай обрусевшего хлеба, выращенный на карабахской земле. – Она, еле дотянувшись до Володиных губ, поцеловала и его, добавив с удовольствием: – Мой брат.

– Наслышан о вас, – раздался шалашинский голос. – Рад познакомиться. Владимир Евстафьевич. Очень надеюсь видеть вас тамадой на нашей свадьбе, Артур Александрович. – Он вытащил из бумажника свою визитную правительственную карточку и вручил мне, как вручают ключи от квартиры. – Пренебреженно, будем дружить.

Я тоже выразил свою нескрываемую радость. Танечка протянула мне белоснежное приглашение на свадьбу с ароматом свежесдобитого хлеба и Елисейских полей.

– Может, с нами в Кремль? – Володя произнес слово Кремль, как произносят слово дом.

– Извините, мои родные, Гулливер ждет, в следующий раз тамадой, почту за честь. Свадьба в Кремле?

– Ну, это вы, Артур Александрович, здорово сказали, я не додумался, – он мило обнял меня, но я почувствовал его богатырскую силу. – В Кремле детей будем крестить, – он наконец освободил мои плечи и с детским желанием посмотрел в глаза возлюбленной.

– Будем, Володька, и не одного, – Таня успокоила Никиту Добрынина.

Я смотрел вслед удаляющейся «волге», пожелав этой красивой паре трех маленьких богатырей.

Глава 33

Звонок от Радика отвлек меня от визитки и приглашения на свадьбу.

– Артурчик, дорогой, рейс, как ты просил, вечерний, приезжай в аэропорт к часикам десяти.

– Хорошо, Радик, буду, На свадьбу хочешь со мной пойти, правительственную? – я вертел в руках Танино приглашение.

– Прочитал уже, поздравляю, Валя тебе квартиру оставила. Вот художница творит. Тварь. Сучка.

– Стоп. Что прочитал. Не понял.

– Не разводи, Артур.

– Радик, век борща красного не есть, что за шутки? Что за квартира?

– Про свадьбу твоей бывшей жены прочитал?

– Валя выходит замуж? А я?

– А я? Пока ты носишься по Москве, ее Олег Ольховский прибрал к рукам жидовским.

– Шутишь?

– Ольховский не шутит. Он главный художник русских. Я слышал, он своего президента уже нам готовит. Он безопасный Совет купил себе и твою Вальку.

– Спасибо, обрадовал.

– Тебе она с дарственной письмо написала недлинное, прочитать?

– Читай уж.

– «Спасибо, любимый мой, за крылья, я улетаю, с нежностью, Валентина».

Так что, Туполев, купи на центральном груши и ешь, муж бывший.

– Не заговаривайся, Радик. Она уже успела развестись со мной?

– Неужели тебе не понятно, Ольховский кого хочешь разведет. Муха в

улете, ему уже отсветофорили с Кремля. Предложили работать на периферии. Новый год он встретит в мухосранске. ОО не шутит никогда. – Радик хихикнул злорадно. – Валентина, с нежностью. Сучка. Композитор, газету прочитай, там и о твоём подарке от Ванцети Сако написано. Она предпочла миллионное кольцо царской коллекции.

– Интересно, кто на очереди?

– Что?

– Ничего, Радик, встретимся в аэропорту, я перезвоню тебе.

Набирая дрожащими руками номер Марии, я сожалел, что не переспал с Таней. Лишил ее главы правительства. Хотя Володьку – министра по мукомольным проблемам – на Белохвостова в жизни не поменял бы.

– Мария, возьми трубку, не убивай меня, милая, – я молился и умолял ее ответить на звонок, но она молчала, пришлось оставить сообщение.

– Мария, милая, я люблю тебя. Через пару минут буду у Марлена в ресторане, приезжай. Вечером я уезжаю. Твой композитор. Целую и не скажу куда.

– А ведь на нашу Таню ваша благодать снизошла, сыночек, – уверенно вручая мне ледокол, признала с улыбкой та самая краснощекая бабуленька. – Вас любит Господь. – Она перекрестилась, нашептывая мне о царствах и смирении.

Пришлось без слов принять ее дар, и через пару минут мои брюки и туфли выглядели ужасно, но я проложил посетителям безопасный вход в рай – в булочную Тани, чем привел бабушку в восторг.

– Дай тебе Бог счастья, сыночек.

Марлен меня принял по-царски, с нашей карабахской гостеприимностью.

– Машину будешь смотреть, Артур?

– Нет, дорогой, время есть, я буду кушать.

Его племянница очаровала гибким, выразительным станом и улыбкой настоящей хозяйки, доброй и недоступной, красивой и смешной, ее голос раздавался песней наших гор.

– Ханум, вы меня на свадьбу вашу позовете?

Она засмеялась и, не смущаясь, на прекрасном русском языке произнесла:

– В качестве кого? Право за вами, сударь.

– Извини, Артур, мы вчера репетировали Бесприданницу.

– Вы любите театр?

– Как не любить жизнь? Конечно, театр – великое таинство.

– Мария! – я вскочил и бросился навстречу своей мечте.

– Вы уезжаете?

Мария требовала немедленного объяснения.

– Куда?

– О, да, улетаю на пару дней.

Она облегченно вздохнула.

– Я приехала за машиной.

Я поцеловал ее в губы долго-долго-долго...

Дальше не помню. Извините. Целоваться лучше, чем писать роман.

Один поцелуй может спасти жизнь. Быть приятным началом новой жизни. А книга?

Глава 34

Вы бывали в Риге? Я тоже.

Нас встретили люди, покрытые ржавчиной. От их холода зима чувствовала себя неуютно и не радовала меня своими снежинками.

Красивый город со старинными особняками и узкими переулками не дышал жизнью, он просился на стену картиной.

Радик о чем-то беседовал, озираясь на черно-белые стены игрушечных домиков с красными черепичными крышами. Жи-

тели Риги похожи на плохих учителей, которые все знают, но не хотят делиться с бездарными учениками.

С недовольными лицами они лениво дополняли зимний пейзаж. Наконец мы выехали из города в скудную сосновую рощу, в глубине которой стоял большой белый особняк.

Нас пригласили в дом. На журнальном столике был накрыт не то завтрак, не то ужин. Строгая женщина, как гестаповец, через силу натягивала свои невыразительные губы и на наши спасибо одобрительно кивала головой и меняла не спеша блюда.

За домом в ангаре мы увидели трейлер с траком. Новая белая «вольво» своими серебристыми раструбами подпирала полупрозрачный купол ангара.

Радик, Лось и я, в окружении десятка хозяев, наконец, дошли до распахнутых дверей трейлера. На пластмассовых поддонах, завернутые в целлофановую пленку, были уложены коробки из-под писчей бумаги.

В них были деньги, в чем я не сомневался.

Все ждали наших действий.

– Лось, проверь с понтом одну коробку, – приказал Радик.

– Вытащи пять коробок, я знаю, где их проверить, – поправил я.

Все с недоумением посмотрели на меня. Радик молча кивнул Лосю.

Тот поднялся, и скоро у нас в багажнике машины лежали пять пачек денег.

– Запиши на мой счет, Радик.

– В порту будут проблемы.

– Деньги останутся здесь, не беспокойся, Радик. Отвезите меня в русскую церковь, там меня ждут наши избиратели.

Радик усмехнулся, но одного не отпустил.

– Вместе поедem, веселее будет.

Рижане молча захлопнули двери трейлера, и Радик нацепил на них самопальный замок с какой-то тайнописью.

Пока мы прощались, подъехала группа люберецких братков.

Они нас обняли, ослепляя своими перстнями.

Их бригадир взял Радика под руки, и они отошли в сторону.

Лось похвастался ситуацией:

– Маугли с бригадой будут сопровождать лаву.

– Люди ждут меня, надо ехать, поторопи их, Лось.

– Куда они денутся, пусть ждут, скоро поедem. Только там бадьяру не заводи.

– Постараюсь.

Глава 35

Митрофан Семенович уже изрядно устал, я застал его поникшим и осунувшимся перед огромным скопищем народа.

Он вытирал свои довольно чистые очки и, увидев меня, воспрянул духом. Рядом с ним сидела, видимо, настоятельница этого женского монастыря – миниатюрная и строгая женщина.

Я поцеловал ей руку и после того, как Митрофанушка представил меня, обратился в зал, откуда на меня уставились тысячи холодных недоверчивых взглядов. Я обратился к собравшимся:

– Извиняюсь, опоздал, дорогие соотечественники. Но я пришел к вам не с пустыми руками и обещаниями, ибо знаю, как чувствуют себя на чужбине, когда Родина-мать находится вдалеке – бесчувственная и неродная. Но где ваши веселые и добрые глаза русские? Откуда холод в этой женской обители? Что с вами произошло? Вы же русские. Забыли?

Да, здесь вас не любят. Так заставьте их хотя бы уважать вас, считаться с вами, милые мои. Наша партия будет поддерживать вас до конца, до победного. Давайте вместе трясти задремавшую в летаргическом сне Матушку Русь. Крикнем вместе в ее глухие уши, не услышавшие ваши стоны. Станем примером рассеянным по чужбинам русичам.

Вы видите на стоянке «Ауди»? В ее багажнике – финансовое обеспечение вашего Русского Центра, который мы постро-

им вместе с вами, быстро и красиво. Сами будем строить. Есть крепкие ребята в зале?

Деньги, надеюсь, матушка Пелагея разместит на своих священных банковских счетах. Я уверен, в следующем году наша встреча состоится в новом здании, и мы больше не потревожим стены этого священного монастыря.

Есть же среди вас русские золотые руки и головы. Рассчитывайте и на наши также, Митрофан Семенович. – Не дав ему согласиться, я продолжил свою речь. – Наша партия берет вас под свою защиту. На любое нарушение ваших прав наши адвокаты заведут дело. В нашей партии юристов достаточно, немножко поживут здесь, в этом красивейшем городе Европы. Выберите себе достойную рабочую группу, батюшка, – я обратился к священнику, который сидел в зале. – Благословите нас и благословите каждый день нашего пребывания на чужбине. Тяжело без Бога нести такой груз. На этом торжественная часть завершена. Давайте работать. И уберите камеры от меня, я не причесан. Но сообщите миру – русские идут мирно и уверенно и будут идти достойно, как Минин и Пожарский, как Юрий Гагарин, как Лев Толстой и Александр Пушкин, как идет ребенок к матери – со светлыми мыслями и чувствами.

В зале стало жарко, мне пришлось снять пальто. Протянутых ко мне рук и микрофонов было много, я пожал каждую руку, каждой газете подарил свои слова.

Почему-то Радик плакал. Действительно, сдал старик.

Через час мое терпение лопнуло, я оставил Митрофана с оприбалтнившимися русскими, они даже прибалтийский акцент адаптировали, поцеловал детскую ручонку матушки Пелагеи, уехал в аэропорт отрабатывать деньги. Радик в порту вел себя странно и держался за меня, как ребенок, научившийся недавно ходить. Сначала мне показалось, что он устал, но в самолете понял причину его неуверенных шагов. Какая-то болезнь сковала его координацию. Вскоре после вылета он опрокинул на себя стакан с водой, его лицо перекошилось и мне с трудом удалось удержать его в кресле – он скатывался вниз.

Пульс прощупывался, но в его взгляде исчез интерес к жизни. Привязав его к сиденью, я попросил Лося присмотреть за ним и сам пошел к кабине пилотов.

С большим трудом самолет удалось приземлить в Ленинграде.

У Радика на берегах Невы жил взрослый сын. Хотя врачи в военно-медицинской академии без разных закрученных титулов, я им доверяю больше.

– Почему к нам? – спросил меня врач?

– За ценой не постою, слово офицера – спасите его, он тоже доктор.

– Бросьте эти кавказские дела, дорогой мой.

– Капитан запаса, – подсказал я ему.

– Полковник Лекарев. Если мои догадки подтвердятся, заранее сожалею – инсульт, понимаете? Дальше нельзя, подождите здесь, капитан.

– Есть подождать.

Лекарев оказался прав, Радик был обречен.

Хотя вечером ему стало лучше, он мог слегка сжимать мою руку и пытался говорить.

Врач посоветовал отвезти его к родным и близким.

– Медицина иногда бессильна, так же, как и мы с тобой иногда бываем бессильны, – сказал он на прощание.

Я подарил ему вышитый образ Христа.

В одну из пустых коробок монахини положили мне три вышитых образа Христа, Божьей матери и Николая Угодника, а также теплые носки и рукавицы со старославянскими буквами.

Радик с большим трудом, но дал мне знать о планах Мухи.

Он говорил только на армянском.

– Я знаю, Радик, но спасибо, что предупредил.

У него на глазах появились слезы.

– Прости меня, на мне большая вина, мне очень тяжело.

Я достал икону Божьей матери.

– Молись, Радик, станет легче. Бог наказывает людей не сам, это наши грехи нас наказывают. Молись за всех нас, грешных, может, станет легче.

Он снова сжал мою руку и, закрыв глаза, еле произнес, но уже на русском, по-армянски это слово нормально не выразишь.

– Спасибо.

– Ты как Робин Гуд, Радик, Дубровский, экспроприировал экспроприаторов, и хотя до бедных деньги эти не доходили, ты все равно герой.

Он попытался улыбнуться, но губы не подчинялись ему.

Дрожащей, неуклюжей рукой Радик с моей помощью достал бумажник.

Там я нашел полуистлевший, сложенный в несколько раз тетрадный лист, на котором детской рукой был нарисован человек в шляпе, ведущий под руку ребенка. «Пусть всегда будет папа! – и рядом аккуратным женским почерком было добавлено: – Тигранчику 5 лет г. Дилиджан».

По всей поверхности листа были написаны адреса и номера телефонов. Радик ткнул в последний ленинградский адрес сына.

Тигран не заставил себя долго ждать.

От Тиграна я узнал, что его папа через подозрительных людей посылал ему деньги, правда, был небольшой перерыв длиной в восемь лет.

– Он был на стажировке, не обессудь. Твой отец не беден, укрась его последние дни сыновней любовью.

– Без разговоров, земляк, я подозревал, чем он занят, искал его, но каждый раз безрезультатно.

– Не всем полезно жить по месту прописки, Тигран, кто ищет свою Америку, как Колумб, бороздя океаны и судьбы.

– Понятно, я возьму отпуск и повезу его в наше село под Дилиджаном, там наша Америка, покоренная дедами.

– Кем ты работаешь, судя по твоим адресам, или плохим учителем, которого долго на одном месте не держат, или таким же военным.

– Геолог я, закончил в Ереване горный факультет и мотался по разведкам, недавно вернулся на материк, женился, сыну

скоро год исполнится, через месяц приходите, будем отмечать. – Он повернулся к отцу, призадумался. – Приходите в любом случае, жена из Сибири, пельмени настоящие приготовит, покушаем.

– У меня скоро защита, жив буду, приду на пельмени.

Я выскреб из бумажника всю наличность.

– Извини, чем на сегодня богат, о бабках не беспокойся. Долетим до Москвы и пришлем тебе.

– Не надо беспокоиться, я сам справлюсь.

– Радику особый уход нужен, скоро наследники налетят, береги его. Он не простой, твой отец. Настоящий Доктор и Профессор, можно сказать.

– По какой специальности работал отец? – он аж пригнулся, боясь услышать горькую правду.

– Он из Бендеровцев, но даже Остап Ибрагимович ему бы позавидовал.

– Ааааа... Понятно.

– Лосось, мечи сюда свою зеленую икру.

Подошедший Лось тоже вывернул карманы.

– И сделай улыбку на лице, медсестры все в обмороке от твоего взгляда, мы же не на разборках.

Оставив Радика сыну, мы полетели дальше.

Уже в самолете я спросил у Лося, как бы он хотел умереть.

– Умирать, так с музыкой, Чайковский, полным энергии и сил, – он пред моим носом потряс своим огромным, уродливым кулаком.

Закрыв глаза, я откинулся назад в кресло, и решение пришло мгновенно: будет по-твоему, животное, никто тебя не уговаривал, сам напросился, умереть тебе под неоконченную симфонию Чайковского, полный энергией.

В Москву мы прилетели утром. С трудом отогрел машину, я ехал в столицу опустошенный и поникший. Нелегко вершить суд, Господи, нелегко, особенно трудно самому приводить его в исполнение. За придорожными почерневшими сугробами начиналась белоснежная сказка подмосковного леса. Создан-

ный из нежнейшего стекла, казалось, он может обвалиться в любую секунду от грубого дуновения ветра, от одного неосторожного шага и даже от громкого крика случайно залетевшей в эту сказку птицы.

С трудом удерживая машину на трассе, я листал страницы этой хрустальной истории, вспоминая мальчика с ледяным сердцем из детской сказки Андерсена. На все промерзшие наши души не хватит миленьких Герд.

Дверь мне открыла Галя, нарядная и ароматная.

– Добро пожаловать, с возвращением!

Если бы не кухонный фартук поверх ее восхитительного платья, я бы не узнал в ней своей горничной. Она преобразилась. Волосы, подстриженные под Гавроша, делали ее озорной и притягательной. В глазах лукавый огонь страсти и любви.

– За кого? – все, что удалось мне спросить. Хотелось потрогать ее короткие волосы, потерев их руками, закружиться с ней в танце, крепко прижимая к своему замерзшему телу.

Не дав ей ответить, я обнял ее и поцеловал за самое ушко.

– Ты не представляешь, милая, как я рад за тебя.

Она прижалась ко мне, ее трепет передался моему грешному телу, подняла свои блестящие от слез глаза и прошептала:

– Я влюбилась.

– Слава Богу, в кого, милая?

– Он не знает.

– Кто не знает?

– Игорь Валерьевич.

– Так скажи.

– Не могу.

– Давай завтракать, Галь, я что-то не соображаю ничего.

– Давай, вот и я не соображаю.

– Он тоже министр?

– Нет, просто генерал.

– Хоть полковник?

– Наверно, раз маршала дадут.

Я снова обнял ее.

– Мне саблю подаришь, Галь? И коня, пожалуйста.

– Яйца тебе опять еле живые или чуть покрепче сварить?

– Давай сегодня без яиц, мед с орешками покушаем, а у меня беда.

Она тут же прибежала ко мне снова.

– Что, милый?

– Профессор мой стучится в последнюю дверь, жалко старика, смешной был и грешный очень.

– Батюшки, батюшки! Помилуй всех! Грешные мы все, одним миром помазаны. Это тот самый, что был тут?

– Тот самый.

– Батюшки! Батюшки! Я прокляла его. Помилуй меня, Господи!

– Святая ты, генеральша, пойду смою свои грехи.

Вода смывает грехи тоже, если она родниковая.

– Галь, где полотенцеeeeeee? Батюшки, батюшки, кто взял мое полотенцеeeeeeeeeeeeeeeeeee???

Мой крик должны были услышать соседи и соседи соседей.

– Батюшки! Батюшки! – Галя ворвалась ко мне и, не смутившись, набросила на меня полотенце, вытирая мокрые волосы, приговаривала какие-то молитвы.

Я вспомнил, как моя мать, делая мне больно, вытирала мою голову, а я, стоя голым в эллипсоидной маленькой ванне, прикрывал свое сокровище, с которого капала вода на пол.

Мать смеялась звонко-звонко и все приговаривала:

– Иисус Христос, Иисус Христос, что-то мой сыночек стеснительный стал, – и, завернув меня в полотенце, легко переносила на жесткую, покрытую ковром тахту.

Я сопротивлялся, она, намотав на спичку вату, скребла мои уши.

– Где ты находишь столько грязи, непослушный мой отличник?

Она, раскрасневшаяся и мокрая с головы до ног, смотрела мне в глаза и улыбалась.

– Осторожно, там перепонки, – просил я.

– Что там за понки?

Она передразнивала меня и продолжала мои мучения.

Русский язык мы учили вместе, но она явно отставала. Мне все давалось легко.

Стоя голый перед Галей, я так же краснел, как тогда, и улыбался от удовольствия.

– Одевайся, чистюля, – Она хотела шлепнуть меня по заднице, но я увернулся и сам шлепнул ее по упругой попке.

– Один ноль в мою пользу, теперь можно и завтракать.

– Давай, белка, грызи свои орешки с медом, – Галя бежала за мной, но куда там ей угнаться за композитором. Я сам остановился и подставил ей облеченные в трусы ягодицы.

– Сдаюсь сам, прошу занести в протокол.

Она вlepила мне открытой ладонью такую пожопчину, что тепло поплыло по всему моему раскрасневшемуся телу.

– Давай еще, милая, такое удовольствие, чур маршалу не рассказывать, он неправильно поймет нас, сумасшедших.

– Скажу, все скажу Игорю!

– Скажи ему сначала, что любишь его, не забудь.

– И скажу, все ему скажу! Артур, я побежала, забрось посуду в мойку, пожалуйста, ты же меня отпустишь, звезду маршала обмывать?

– Иди, уж, ангел мой, разве можно любовь отменить, в какие войска-то ты влюбилась, Галь?

– Даже под пыткой не скажу, и не спрашивай. Не положено.

– О-о, понятно, так и запишем – разведчик.

– Что хочешь пиши, я тут ни при чем. Меня внизу уже машина, наверное, заждалась, поеду на его дачу, туда без пропуска ни шагу.

– Что же я без тебя буду делать, Галь, на кого ты меня бросишь?

– Не волнуйся, душа моя, я уже присмотрела себе замену, Игорь еще майором ухаживал за мной, студенткой.

– Ни пуха ни пера тебе, студентка. Уходите куда-то все, одна за другой, замуж, а я все буксую.

Галя взглянула на себя в зеркало прихожей и оставила мне нежный аромат духов и удаляющийся стук женских туфелек. Ушла в маршальские объятия.

Я набрал телефон Марии.

– Мария, мне очень скучно и плохо, спроси Майечку, она не хочет братика? Я хочу тебя целовать, выходи за меня замуж. Нет, пока не сошел с ума. Депутаты с ума не сходят, милая. Шо подумает избиратель? Давай поедем на дачу. К врачу потом поедем, после дачи. Я трезв и в сознании. Я люблю тебя. Хочу тебя всю целовать. Давай поговорим в постели. Там и подумаем. Там и решим. Тебе все можно. Я буду тебя баловать. Я люблю тебя. Хочешь, подарю тебе свою жизнь? Очень люблю. Через 23 минуты буду, милая моя. Целую всю и везде, до встречи у подъезда.

Я верю в чудеса, дорогой мой читатель, и они со мной случаются.

В Москву мы возвращались счастливые и уставшие.

Мария не скрывала своей любви, из ее глаз наконец исчезла тень скорби и печали, смеялась как ребенок, как Майечка, она не отпускала мою руку и мы вместе включали нужную передачу машины, легко преодолевая глубокий подмосковный снег. Кругом было светло и тихо.

– Девочку назову я, можно?

– Да, Артур, но у нас будет мальчик.

– Ура, а ты уверена?

– Как назовем девочку?

– Анастасия, Настенька, Тюшка.

– А мальчика?

– Пока не знаю, милая. Я тебя очень люблю, но Майю люблю больше.

Мария резко убрала руку, но потом я снова почувствовал ее тепло, которое, как морской прилив, обволакивало меня и уносило в загадочное женское царство, где сердце не подчиняется своему скучному ритму, а душа, встретив родственную душу, обнявшись с ней, оставляет на время дьяволу, сатане свободное грешное тело.

Моя рука, не подчиняясь разуму, продвигалась к нежным коленкам Марии и пыталась идти дальше и дальше к сокровенным женским тайнам, к небесному царству.

Мария удивленно смотрела на меня, но вдруг я почувствовал ее дрожь, трепет ее соскучившегося по ласкам тела.

– Милый, я люблю тебя, но... – Она с трудом остановила мое сумасшествие.

– Спасибо, милая, мне одному с собой не справиться.

Душа, насладившись, вернулась к нелегким своим будням.

Пожар, охвативший все тело, медленно угасал. Остановив машину, я вышел и, набрав в ладони снег, попробовал его на вкус.

Счастье как вдохновение! Какое счастье любить и быть любимым!

В горах снег вкуснее.

Мы с Рашидом с трудом волокли по земле одеяло, на котором умирал незнакомый мне солдат.

– Суки, ни одного врача внизу. Потеряем его, Артур.

– Рашид, ты знаешь его?

Вся спина и брюки солдата были в крови, зацепившись за колючки, одеяло застряло в кустах и алая кровь окропила снег.

– Живет недалеко у кладбищ. Такой парикмахер был.

Я не хотел верить словам Рашида.

– Давай, не стой, Рашид, потащим вниз, быстрее, пока снайпер не заработал.

– Давай, но он давно не дышит, – Рашид опустил глаза.

Не хватало воздуха. Язык застревал в пересохшем горле и мешал глотать. Я зачерпнул снег и поднес ладонь ко рту. Запах крови. Я почувствовал запах человеческой крови.

Поднял глаза к небу и выругался туда, навверх. Зимнее солнце ослепило меня, и я с трудом удержался на ногах.

Раздался хлопок.

– Быстрее, тащим, Артур, пока не заметил снайпер.

– У них даже снайпер пидор, изрешетил, сука, парня.

До укрытия оставалось несколько шагов. Сил не было стоять на ногах. Я бросил карабины в снег, зацепился двумя руками за край одеяла, перекинул его на плечо и пошел, проваливаясь в снег. Запах крови кружил голову.

Вдруг я почувствовал укус пчелы выше края правого ботинка.

Преодолев последние метры, опустился на землю. Пуля, прорезав штанину, оставила на моей ноге кровавую полосу.

Рашид набросился на молоденьких солдат, стыдливо спрятавшихся за насыпью.

– ****ь, как кино смотрите, стрелять не научились. Ваш солдат? Берите. Нет его.

– Воду дайте, – попросил я.

– Мы только подъехали, – оправдывались солдаты.

Я большими глотками опустошил флягу...

– Артур, что с тобой? Ты плачешь? – Мария тащила меня в сторону машины. – Что с тобой происходит, милый, поедem домой.

Я долго прощался у подъезда Марии и попросил у нее перчатки.

– Зачем тебе, Артур, мои перчатки?

– Я всегда должен чувствовать твое тепло, милая.

– Я люблю тебя.

– Я тебя люблю.

Глава 36

На склад я не смог проехать, меня остановила охрана. Пока проверяли мой паспорт, показался Николай.

– С сегодняшнего дня пропускная система, как в банке, Артур. Я обнял его.

– Спасибо, брат, успели, выходит, к премьере.

– Молодцы твои пацаны, золотые руки и головы!

– Святые они, Коль, святые, а золото при желании можно и в нас отмыть, пойду к ним, извинюсь за прогулы.

– Иди, отдувайся, а я похожу по периметру, объект обследую.

– Николышка, и нас в объекты?

Внутри здания все было готово, пройдя через двери, я остановился как вкопанный – кругом лежала бумага и картон в пачках, рулонах... Приятный запах школьных тетрадей и машинного масла дополнял сцену, оживляя ее.

Где же администрация театра? За занавесом?

Когда офисы остались позади и я вышел к самому складу, раздалась музыка. Наверное, Штраус, и под эту музыку показались с двух сторон бесшумные погрузчики. Ребята, не обращая на меня внимания, кружились в вальсе, передавая один другому большую кипу белоснежной бумаги. Ее не опускали на бетонный пол – кавалеры умудрялись подхватывать бумагу на лету.

Я, разинув рот, смотрел на представление.

Визг резины и колебание здания возвращали меня из венского леса в складскую действительность.

Легко соскочив с каблучков, кавалеры мне поклонились в реверансе.

Я им похлопал и извинился за опоздание.

– Артур, прими кресло, такой массаж, не хочется вставать. Твой Лось перед адом получит райское наслаждение.

Армен, раскрасневшийся от вальса, провел меня к офису.

– Я не смогу его убить, Армен, ангел ночью мне приснился.

– Кто приснился?

Армен приложил обратную сторону ладони мне на лоб.

– Ты где спал?

– Я и не спал, но ангел был, светлый, очень светлый, с обожженными крыльями. Издевался надо мной, варваром называл, учил русскому языку. Я признался ей в любви, красивше ангела, говорю, не встречал.

– Не красивше, а красивее надо говорить, – недоучкой называл меня Арсен.

– Этот ангел – женщина? Слава Богу, хоть на этом свете к тебе женщина прилетела ночью.

– Да, женщина, но умная, как Офелия Арсеновна, помнишь ее?

– Давай без школы обойдемся, Артур. Только массаж этому зверю, и будьте здоровы? Всю ночь мы кресло передельвали под адскую машину, и все под хвост Лосю? Мне ангелы не снятся. Я включу музыку, если ты пас.

– Армен, давай я его расколю на откровенку, и ты его сфотографируешь для суда.

– Тебя сглазили ночью, точно, Артур. Какого суда? Пока туда-сюда, амнистия вышла. Хотя, как хочешь, давай музыку, массаж, что еще? Девочек пригласим ему. Только не забудь, как он больно бил и убивал и накакой сука ангел не прилетал к нему. К тебе только летают с обожженными крыльями. Ребятам не рассказывай, анекдот придумают.

– Хорошо, между нами оставим эти крылья.

– Оружие на месте?

– Все на месте, мы готовы.

– Спасибо, Армен.

– Домой хочется, скорей бы твой концерт.

– Наш концерт.

Армен содрал с задней стенки кресла проводки, скрутил в клубок, подбросил вверх и с размаху ударил, как по мячу.

– Такой энергии Лось лишился!

Николай озабоченно дождался, пока я с Арменом улажу извечный, трудно решаемый вопрос – быть или не быть человеком.

Мы все-таки решили сберечь животное и выйти из варварства.

Благодаря случайно забредшему в мой сон ангелу, который и летать как следует не мог, ввиду технеисправности крыльев, Лосю повезло, он лишился высоковольтной, напичканной электронами смерти.

– Проблемы, Артур, у нас и очень серьезные.

– О чем ты, Коля?

– За объектом кто-то ведет наблюдение и приготовил даже ложе для прицельного огня.

– Ты уверен?

– Артур... – Николай возмутился, но я не дал ему договорить.

– Ты уверен, что это не я там лазил? На твоём чердаке в доме напротив?

– Предупреждать надо, пожалел бы сердце мое.

– Вот те на, откуда мне знать, что ты сделаешь такое восхождение на крышу, такой марш-бросок? Слава Богу, стволы не нашёл.

– Я сразу к тебе. Послушай, как сердце бьётся. Оно давненько так не играет.

– Тренироваться надо, брат.

– Далековато немножко, но место охотничье – все как на ладони.

– Охотник с этого расстояния не промахивается, но лучше без выстрелов. И ты не забудь берет надеть. И команда пусть будет в головных уборах.

– А я голову всю ночь ломал над беретами, Артур, картина прояснилась, наконец.

– Спрашивай, что непонятно, и голову свою береги, она ещё нам пригодится.

– Скорей бы кончилась эта бумажная волокита.

– Если бы только бумажная, Коля.

Зазвонил телефон. Марлен. Что-то случилось. Душа тоскливо заныла, да так, что не хотел отвечать.

– Что, Марлен?

– Гони, Мария здесь.

– Что с ней?

– Артур, спокойно, с ней все хорошо, её папаша собрался в Израиль.

– И все?

– Да, но с концами, насовсем.

– Как? Он сам мне говорил, что без России ему не жить.

– Ничего не знаю, брат, видимо, мозги ему здорово прищемило.

– Пусть катится, одним физиком больше-меньше, я сейчас приеду, успокой Марию.

– Быстрей, у неё истерика, она вся в слезах.

– Уже выезжаю.

Я оставил своих ребят, поручив им ещё раз прогнать весь сценарий.

– Сделаем, прогоним ещё раз, не переживай, что там случилось?

– Посмотрим.

Я застал Марию в слезах.

Ещё одна семья покидала Россию.

– Ты не можешь уехать, а наш ребенок, Мария, не уезжай. Она снова прижалась ко мне, продолжая плакать.

Я что-то спрашивал, возмущался, даже кричал.

Она все плакала.

Марлен обнял нас двоих.

– Успокойтесь, ребята, безвыходных ситуаций не бывает, давайте вместе подумаем.

Пока Марлен думал, я принял решение.

– Мария, наши кольца.

Я протянул ей два изумительных колечка с общим ангелочком с глазами светлой бирюзы.

– Я должен быть с ребятами, постараюсь проводить, милая. Звони Марлену. Дома привет. Береги себя.

Я не мог уже говорить, но слез моих они не увидели.

Слезы лились в машине, мешая мне останавливаться на перекрестках.

Чтобы не натворить глупостей, мне пришлось припарковаться.

Раздался ещё один звонок с незнакомого номера.

– Слушаю. Да, Тигран, узнал, как там Радик?

– Плохо, с каждым днем хуже, завтра улетаем на Кавказ. Он завещание подписал.

– Хорошо, никого не обидел?

– Вроде нет, вам какой-то Лось принесет медицинский колпак с вышитыми инициалами. Не стирайте, папа говорит, это самая дорогая его память.

– Жаль, а мне так хотелось. Может, ручная стирка не повредит, спроси, при какой температуре хранить эту память.

– Папа хохочет, Артур.

– Хо.....

Я не договорил.

– Тебя плохо слышно, Тигран, связь пропадает.

Я отключил телефон.

– Во, доктор, неужели хочет соскочить? Или умирает на самом деле?

Глупости лезут в голову. Ох, уж эти старики-разбойнички, покойнички.

Я-то ладно, не профи, но врач в госпитале, он заметил бы симуляцию.

Неужели Радик с ним смог так быстро договориться?

Умирающие больные не хохочут.

Выходит, Радик догадался о моих планах. Да, видимо, догадался и не хочет помешать мне. Почему? Наша дружба? Нет. Интересы нации? Точно. Кровь заговорила.

Я вспомнил одну его фразу о том, что он не сможет одновременно жить по месту своих прописок, даже при большом желании.

Выходит, у него всегда было два паспорта. Кого из себя двоих Радик выберет на заклятие?

Я перезвонил.

– Тигран, помощь не нужна? Извини, связь прервалась.

– Я так и подумал, нет, спасибо, папа о вас очень много рассказывал. Он вас, как сына, любит.

– Звони, брат, не стесняйся, я всегда готов помочь.

– Спасибо вам, Артур.

– Пока, Тигран, увидимся.

– До свидания.

Глава 37

Иногда не хочется жить, не хочется открывать глаза, душа мечется в безразличном теле, бьется в груди, взывая к Богу, и, обессилев, успокаивается, приютившись у сердца. И приходится жить, шутить, смеяться, работать, веруя в любовь человека, в свою любовь, которая там, в душе, светит, стгорая, и воскресает, помогая душе летать и мечтать в небесах.

Не выбивайте табуретки, не убивайте любовь, она живет только с вами, в вашем тепле и всегда воскресает от вашего сердцебиения. Ждите и берегите ее воскрешение. Душа без любви не летит, да и солнце не светит без нее тоже.

Мария, не выбивай табуретку, не убивай меня.

Я позвонил Эдику и удивил его последней своей просьбой.

– Не беспокойся, Артур, одну дырку в колпаке я гарантирую.

Затем с Таганки медленно поехал к ребятам, сверяя путь по секундам.

Во дворе дома, чердак которого так напугал Николая, стоял наготове старенький автобус, он перекроет переулок после денежного кортежа и заглохнет навечно. Эдик покинет его и поднимется к своему СКС на чердак согреть руки.

Четыре свеженьких «Газика», в которые перекочают коробки с деньгами, уедут с соседнего двора в военный аэропорт, где Мангал в генеральских полосках и с нагрудными значками, бледный и нервный, организует эвакуацию всего ценного груза в далекую маленькую страну, где растет очень сладкая и крупная тута.

Попавших в ловушку варваров родственник Николая примет и сдаст в самые компетентные органы смешной до слез страны с очень стройными березками. Если кто-то попытается изменить эту логичную цепочку событий, будет убит всего одним очень профессиональным выстрелом в голову из снайперского карабина Эдика, и за эту кровь Господь обязательно простит нас, грешных, но кающихся солдат.

Я подъехал к воротам. Малиновые береты открыли и пропустили мою машину внутрь. Их строгие лица с голубыми гла-

зами вселяли надежду, что когда-нибудь их Родина станет не только могучей и кипучей, но умной и свободной, а ее богатства не разграбят басурманами.

Вечерело. Вспыхнул свет, освещая заснеженный двор. В его лучах засуетились миллионы снежинок, они, не сталкиваясь друг с другом, кружились и поднимались вверх, к прожекторам, к теплу.

Каждая из снежинок имеет свою неповторимую историю, свой рисунок, свою короткую жизнь. Люблю смотреть и слушать их полет.

Стоя под снегом, я вспоминал, как мать долго одевала меня, карапуза, в пальто, поднимая огромный воротник и затягивая его вязаным шарфом. Только так она выпускала меня во двор, под такие же снующие во все стороны снежинки. Я ослаблял свой «ошейник», поднимал голову к небу и ловил на высунутый язык снежинки. Когда снега на пальто становилось много, предварительно стряхнув на веранде, отец забирал меня домой под шумные крики матери:

– Опять снега наелся, а руки, руки холодные как льдинки. Скоро в школу, разве такого возьмут?

Отец утвердительно кивал головой и я, успокоившись, засыпал. Очень хотелось иметь школьную форму.

Николай прервал мои воспоминания.

– Ребята ждут, Артур, кушать с нами будешь?

Я обнял его.

– Коля, родной, ты ждал меня?

– Ну... и завтра буду с вами до конца.

– Нет, Коль, нет. Нет.

– Да, да. До конца, Артур, я уже решил, и ребята согласны.

– Я не согласен.

Снежинки опускались на мою раскрытую ладонь и тут же превращались в малюсенькие капельки воды.

– Лучше посмотри, где у меня линия жизни проходит, и скажи, пойдет ли она завтра дальше. И не радуйся, сразу после пропуска фуры забираешь своих бойцов и по домам, новости

смотреть. Кто будет ползунки пацанам менять, Коль? Николай Николаевич? (Чекисты Николай Николаевичем называют наружное наблюдение).

Я снова обнял его.

– Мы справимся, брат, ты и так по уши впрягся в нашу телегу.

– До завтра время еще есть, Артур, пойдем поужинаем. Ваши телеги в нашем обозе и не без наших интересов.

– Все, молчу. Пойдем оттрапезничаем.

Ребята, одетые в униформу, насмешили меня.

– Дожить бы и завтрашний день с улыбкой, ничего больше у Бога не прошу.

– Доживем, Артур, куда мы денемся.

Я, обнимая их по очереди, не мог вымолвить слова. Прожить бы завтрашний день с вами и умереть...

Графин с вином разошелся над бумажной скатертью, оставляя на ней крошечные акварельные рисунки пролитых капель.

Максим нарезал много салфеток из огромного рулона бумаги и хвастался их дизайном.

– Марлен, странно, забыл их прислать, интересно – мои ему понравились бы?

– Твое волнение и ему передалось, Макс, зов крови называется, бумага все стерпит, особенно такая, мягче не нашел, Версаче?

– Армен, ты очки протри, человек для нас старался, захочешь, не повторишь этот рисунок.

– Ты прав, Гена, это только с дрожащими руками можно вырезать такое чудо, – не унимался Армен, поправляя очки.

– Помните, как мы кораблики пускали по канаве Могилевской улицы, из тетрадных листов сложенные?

Я разгладил салфетку и пытался сделать из нее двухтрубный кораблик.

– Кто быстрее? – Рашид чуть свой пустой стакан не пустил под откос. – Коля, смотри, чтобы не подглядывали.

Пять бумажных корабликов смешных, с неровными краями, встали в ряд на столе почти одновременно.

Я смотрел на друзей... Выросли, окрепли, но глаза, глаза их были с нашей улицы, из детства.

Было далеко за полночь, когда я вышел провожать Колю.

– Завидую тебе, Артур, таких друзей нашел.

– Нашел друзей? Мы создали друг друга, брат, друг для друга.

Коля обнял меня.

– Я тоже изменился, знаешь, какие-то незнакомые чувства тревожат и радуют душу, я останусь с вами до конца.

– Мы всегда надеемся на лучшее, Коль, но реальность иногда удивляет, ты с нами уже и давно, брат, а кто Ниву отгонит с НЗ, кто приготовит нам конспиративную квартиру на всякий непредвиденный случай?

Связь будешь держать с Марленом, он о тебе знает. Береги себя, ладно? И детей тоже, их души.

Если Россия пойдет по пути Запада, пропали вы, и мы вместе с вами. Мы семья, Коль, Россия и Армения. Кавказ дело острое, оно всегда крови хочет. Мы вас не подведем, Коль. Не подводили и не подведем. Вы наша жизнь и свобода, свобода наших потомков.

– Брат, мы хрестьяне, мы вместе.

– Нет, брат, мы семья. Хрестьян придумали, а семья создается, Бог не хрестьянин, Коль, он творец, и сущность его – любовь наша. Это люди его возвели в институт христианства, деньги собирают от его имени, порочат его святость. Можешь себе представить Христа с протянутой шляпой? Я не могу, Коль. Я верю в Бога, но не в религию. Она придумана людьми.

Рашид мусульманин, но он мой брат, моя кровь, моя семья.

– Не совсем понятно.

– Мне тоже. Я грешен, и завтра буду грешить, и сегодня это планирую. Я уже в утробе матери был грешен, но есть они, безгрешные, в которых только любовь, они укажут нам, грешным, путь к истине. К истине без лжи и религий, к миру и любви. Все имеют право на счастье, не только избранные, Коль. Бог в помощь, хрестьянин, заговорился я, поздно, Света тебя ждет не дождет, до завтра, не прощаюсь. Мы же семья?

– Семья, Артур, семья.

– Семеро и я. Семь и я. Пока, брат.

Ребята из картонной тары сделали постели, и мы, прижавшись друг к другу, заснули на белой и шумной бумаге.

Утром рано позвонил Лось.

– Через два часа деньги будут в городе, я с Батей их встречу, давай адрес.

– Подъезжайте к Таганке, я вас проведу сам, так спокойнее. Проверь, чтобы за вами черти не привязались, сколько наших ребят будет?

– Три машины, не ссы, все как полагается.

– Мой колпак от Радика не забыл?

– Везу-везу, сколько можно спрашивать? На хер мне колпак?

– Ребят предупредил, чтобы телефонами не баловались?

– Я на память не жалею.

– А на что жалуешься, зверь, ладно, увидимся, поговорим.

Мы завели машины и, оставляя на нетронutom снегу выразительные следы, сделали по кругу почета.

Эдик тоже дал знать о своей готовности.

Подъехал Николай и привез нам какие-то намордники – последнюю модель противогаза Зелинского.

– Коль, отравлять нас будут?

– Это тоже не исключено, никто не хочет рисковать, воздух попортят и вывезут на носилках.

– Так кто приедет, штурмовики или скорая? Надеюсь, Коля, без самодеятельности обойдемся, точно по расписанию, по твоей отмашке.

– Да, как договорились.

Вернув все машины в исходные положения, поиграв немножко с выпавшим за ночь снегом, мы собрались вместе в офисе.

– Ну что, краснокожие, продолжим войну? – мой вопрос не застал ребят врасплох.

– Неужели она кончится?

Мы посмотрели на Рашида. От приятного утреннего мороза горели щеки.

– Я тоже не знаю, радоваться или сожалеть, – Гена зашнуровывал свои ботинки и даже не поднял головы.

– Скорей бы война кончилась, я дом свой дострою, моя лестница уже третий год упирается в небо.

Я вспомнил его недостроенный дом, нелепую архитектуру, где лестница сиротливо смотрит в небо.

– А мне нравится стоять на лестнице, ведущей в рай, особенно когда в руке кружка Пильзенского пива, – Максим так жалобно посмотрел на Армена, – не трогай эту лестницу, мы к ней привыкли.

– Да я сам уже без нее не смогу, иногда вечером поднимаюсь в небо, звезды как на ладони, дух захватывает, хочется оттолкнуться и полететь...

Глаза Армена засветились пламенем:

– Почему мы не можем лететь?

– О стюардессах подумал? Давайте вернемся на землю, Армен, главное, не суетимся и...

– Береженого Бог бережет, – Рашид, подделывая мой акцент несколько раз, варьируя интонациями, повторил известное правило.

– Давайте прекратим прения, а то Коля уже думает, что мы сумасшедшие.

– То, что вы ненормальные, и так видно, самое главное, мне тоже хочется быть похожим на вас.

Мы обнялись.

– С Богом, с Богом, с Богом. Доживем до воскресенья. Доживем.

Раздался телефонный звонок...

Глава 38

...Согнувшись в три погибели, я глотал свою кровь с долгожданным воздухом, дыхание вернулось, лакированный тупой

носок Маугли впивался в мой живот и наконец притих. Я получил по заслугам удовольствие и наказание.

Ребята, отыграв премьеру, без труда покинули сцену и уже, наверное, преодолели последнее кольцо Москвы. В подвале раздавались беспорядочные и бесполезные выстрелы запертых в ловушке моджахедов, и спецназ уже срывал с петель первые двери, когда Маугли поднял мое побитое тело и представил его к офисному столу, за которым Лось примерял на звериной голове подаренный мне медицинский колпак заслуженного доктора мошеннических наук, Радика.

– Доктором захотел стать, армяшка карабахская, ни коню корм или как там мудаки ****ят?

Муха, окруженный свитой таких же насекомых, ножом подрезал свои неухоженные ногти.

– Кончайте его, – он обреченно смотрел в окно.

Как только Лось водрузил на себя колпак, у меня не оставалось времени – геометрия линии, проведенная мною через два тела Маугли и Лося, совместилась с траекторией полета пули Эдикиного СКС, и я увидел, как глаз Лося, вырванный с тупыми мозгами, растекся на окровавленном фасаде обмякшего Маугли. От его прыткости ничего не осталось, и он, так же, как и Лось, сползал ко мне под стол, куда мне удалось спрятаться от греха подальше.

Во рту кровь стала слаще, и перед тем, как потерять сознание, я увидел за круглыми лягушачьими линзами синие глаза Кольки Щербакова. Его хобот рассмешил меня до бесчувствия.

– Держись за меня, – он забросил меня себе за спину и, ругая за лишний вес, задевая мной все углы, куда-то потянул в яму, где было темно и холодно.

Я открыл глаза и увидел в небе купола с крестами знакомой церкви Папы Римского на Пятницкой.

– Коля, остановись, там моя книга.

– Писатель, дыши глубже, не до книг, кажется, дожили до воскресенья.

Слава тебе, Господи!

Содержание

Седой маэстро.....	3	Письмо.....	29
Из вчерашней зимы.....	4	Женечке.....	30
Армения.....	6	Прощайте, миленькое счастье.....	31
В Пенсильвании русские березки.....	6	Не зная цвета ваших глаз.....	31
На смерть Олега Мамиева, позывной «Мамай».....	7	Ты позови.....	32
Лазурны облака.....	7	Не понимая пенья птиц.....	32
Среди белых березок.....	8	Я люблю тебя, Ангел мой.....	33
Песнями, не спетыми Есениным.....	8	Не покидай.....	34
Солнце первым лучом греет зимнее утро.....	9	Мне сотни лет.....	35
В твоих глазах, как в небе над Айдахо.....	10	Не улетай.....	35
Средь зимы нашел кусочек осени.....	10	Ты приходишь.....	36
Теория невероятности.....	11	Наконец, я в Вашингтоне.....	36
Письмо Стерве.....	12	Анастасиям.....	37
Война.....	13	С музой по жизни.....	38
Веки.....	14	Роняет лес в ноябрь листья.....	39
Милому другу.....	14	Я в Delaware.....	39
Милая, ты самая красивая.....	15	Еду в горы.....	40
Этой стерве.....	16	Я вернусь.....	40
Рэп.....	17	Красавица.....	41
Дождь прошел.....	18	Я ваши письма открываю.....	42
Шухрат-акя.....	18	Вырвавшись из лап New Yorka.....	42
Ни в том, ни в другом и ни в этом.....	19	Никогда влюбленным не был.....	43
В разных полушариях.....	20	Сергею Образцову – великому кукольнику.....	43
Под бременем прожитых лет.....	22	Моим читателям.....	44
Утренний воздух.....	22	Тепло земли неистребимо.....	44
Далай – Лама.....	23	Август в Айове.....	45
Асталависта.....	24	Выжги, солнце, мою нищету.....	45
Средь пестрот осеннего хаоса.....	24	Густой туман.....	46
Волчий каньон.....	25	Wyoming – прерии и горы.....	46
Канкан.....	25	В Алабаме чудная погода.....	47
Монашка.....	26	Жара.....	47
Люблю Россию.....	27	Распустила снова осень.....	48
Не верь словам.....	28	Я не был крещен.....	48
Была не была.....	29	Любовь поэта.....	49
		New York.....	50
		Птица певчая, слышу, запела.....	50
		Колыбельная.....	51
		Прелестью коротких строчек.....	51

Бог дал нам слово для любви	52
Вчера ко мне спустилось солнце	52
Подари мне веснушку	53
Молитва	54
Если вдруг	55
Из сказки	55
Прохожий.....	56
Живые разложив цветы	57
Рука Марии Магдалины	57
Деревья примеряют платья	58
Озябший лес	58
Гейша	59
Подсолнечное детство	60
Станция Удельная	61
Моя любовь	62
Я иду по радуге	62
Я сегодня буду кошкой	63
На луну взобрался кролик.....	64
Гимн для Рунета.....	65
Рождество	66
Да будет так	66
На долларový конкурс	67
В подземном переходе.....	67
Раздвинув тяжелые тучи	68
Здравствуй, клоун Енгибаров	68
Дома карабкаются в горы.....	69
Мне верится.....	70
Как свет далеких звезд.....	71
Потомок раба на троне Фемиды.....	72
Эмпирические формулы	72
В стране, где производят солнце	73
Цыганское сердце Гарсия Лорки	74
Лезгинка	75
Трава нагнетает зеленую охру.....	76
Гамарджоба, Пиросмани	77
Просто скульптура	78
Слезы земли.....	79
У нас в саду	79

Раздалась забытая песня	80
Я был солдатом на войне.....	81
Победа будет завтра.....	82
В 20-м веке	83
Ассоль	84
Небо в свадебном платье.....	85
Цыганский костер.....	86
Прости, Господь.....	87
Продайте город.....	88
Глава 2	93
Глава 3	94
Глава 4	96
Глава 5	99
Глава 6	101
Глава 7	102
Глава 8	104
Глава 9	106
Глава 10	107
Глава 11	109
Глава 12	111
Глава 13	113
Глава 14	115
Глава 15	117
Марихуана.....	126
Моя Москва	150
Глава 2	153
Глава 3	158
Глава 4	160
Глава 5	162
Глава 6	165
Глава 7	169
Глава 8	172
Глава 9	179
Глава 10	187
Глава 11	192
Глава 11	194
Глава 12	198
Глава 13	201

Глава 13	204
Глава 14	207
Глава 15	212
Глава 16	222
Глава 17	224
Глава 18	230
Глава 19	233
Глава 20	236
Глава 21	240
Глава 22	245
Глава 23	249
Глава 24	252
Глава 25	256
Глава 26	261
Глава 27	267
Глава 27	271
Глава 28	277
Глава 29	282
Глава 30	287
Глава 31	293
Глава 32	298
Глава 33	303
Глава 34	305
Глава 35	307
Глава 36	317
Глава 37	323
Глава 38	328